

НИЖИНСЬКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО ЧЕРВОНОГО ПРАПОРА
ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ ІМ М. В. ГОГОЛЯ

ЛІТЕРАТУРА ТА КУЛЬТУРА ПОЛІССЯ

Випуск I

Ніжинська вища школа
(1820 — 1990)

НИЖИН — 1990

У збірнику визначається роль та місце Ніжинської вищої школи в розвитку науки, культури та літератури, аналізуються твори письменників М. Гоголя, Н. Кукольника, Є. Гребінки, В. Забіли, Л. Глібова, Ф. Богушевича, Ю. Збанацького та інших випускників цього навчального закладу.

Редакційна колегія: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упорядник), Н. М. Арват, Н. І. Бойко, О. Г. Ковальчук, П. В. Михед.

Література та культура Полісся: Ніжинська вища школа. Вип. 1. (Від ред. і упорядник Г. В. Самойленко. — Ніжин: НДПІ, 1990. — с.

Ніжинський ордену Трудового Червоного Прапора педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя — один із найстаріших вузів у країні. Його білоколонна будова з'явилася на початку XIX ст. в класичному стилі за проектом А. І. Руска і розташована в старовинному парку в центрі одного з древніх міст України Ніжині. Це улюблене місце городян, тому що воно красиве в будь-яку пору року. Різноманітні породи дерев, кущів і квітників створюють специфічний ландшафт і його забарвлення.

Ніжинська вища школа, заснована в 1820 році, має багату історію. З нею пов'язані імена видатних учених, діячів культури. В різний час цей учбовий заклад закінчували М. В. Гоголь, Є. П. Гребінка, В. М. Забіла, О. С. Афанасьєв-Чужбинський, М. В. Гербель, Л. І. Глібов, Ф. К. Богушевич, Ю. О. Збанацький та багато інших.

Тісно зв'язані з вузом імена Т. Шевченка, М. Заньковецької, С. Самокиша.

У 1939 році Президія Верховної Ради СРСР присвоїла педагогічному інституту ім'я М. В. Гоголя, а в 1970 році за великі заслуги в підготовці педагогічних кадрів і в зв'язку з 150-річчям він був нагороджений орденом Трудового Червоного Прапора.

У нинішній час перебудови вищої школи інститут росте, розширяється. З'явилися нові навчальні корпуси, спеціальності, поглиблюється сам процес підготовки вчительських кадрів.

Перегорнемо деякі сторінки стасемидесятирічної історії Ніжинського педагогічного інституту, який на великому етапі розвитку нашої країни займав визначне місце в підготовці наукових кадрів та вчителів для середньої школи.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Second block of faint, illegible text, appearing as a separate section or paragraph.

Third block of faint, illegible text, continuing the document's content.

Fourth block of faint, illegible text, possibly a concluding paragraph or a list.

Vertical column of faint, illegible text on the right side of the page, possibly a margin or a separate column.

Second vertical column of faint, illegible text on the right side.

Third vertical column of faint, illegible text on the right side.

Fourth vertical column of faint, illegible text on the right side.

НІЖИНСЬКА
ГІМНАЗІЯ ВИЩИХ НАУК
(1820—1832)
СТОРІНКИ ІСТОРІЇ

Ніжинська гімназія вищих наук, починаючи з 20-х років XIX ст., займає одне із провідних місць в історії України. Хороші, в основному, педагогічні кадри, залучені директором гімназії І. С. Орлаєм для роботи, давали не тільки добрі знання слухачам з основних наук, але й сприяли загальному розвитку учнів. Про це свідчать захоплення гімназистів театральними постановками, живописом та літературною творчістю.

Великий вплив на гімназистів мав І. С. Орлай як історик. Він знав не тільки історію, а й літературу. Листувався з німецьким поетом і мислителем Й. В. Гете. Особисто був знайомий з одним із основоположників української літератури І. П. Котляревським. Науково-педагогічна діяльність І. С. Орлая, вченого-енциклопедиста, який дотримувався передових просвітніх поглядів Песталоцці, а також його видатні організаторські здібності були направлені на демократизацію навчально-виховного процесу. За ініціативою І. С. Орлая в Ніжині велись археологічні розкопки, збирались документи та матеріали.

Саме І. С. Орлаю, К. В. Шаполинському, М. Г. Белоусову, І. Я. Ландражину, І. Ф. Зінгеру, М. Ф. Соловійову, С. О. Андрущенко, К. С. Павлову, І. Г. Кульжинському гімназисти були зобов'язані своїми знаннями. Головне те, що багато викладачів розкривали творчі здібності своїх учнів, а тому багато із них розвивали їх далі, ступивши на самостійний шлях.

Серед випускників Ніжинської гімназії чимало політичних і державних діячів, відомих учених, письменників і представників культури. Це М. В. Гоголь, Є. П. Гребінка, В. М. Забіла, П. Я. Лукашевич, М. В. Кукольник, В. І. Любич-Романович, К. М. Базилі, О. М. Бородін, А. М. Мокрицький, Я. П. де Бальмен, П. Г. Редькін, В. В. Тарновський, В. Ф. Домбровський та інші.

Дух гімназії вищих наук витав і після того, як навчальний заклад реорганізувати в фізико-математичний, а потім у юридичний лицей. Про це свідчать імена випускників А. С. Афанасьєва-Чужбинського, Л. І. Глібова, М. В. Гербея, Ф. К. Богусевича, Д. І. Журавського, П. І. Собка та інших.

Е. Н. МИХАЛЬСКИЙ, Г. В. САМОЙЛЕНКО (Нежин)

ОСНОВАНИЕ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО В НЕЖИНЕ

История основания Гимназии высших наук князя Безбородко — первого и долгие годы единственного высшего учебного заведения на Левобережной Украине, — неразрывно связана с судьбами русского и украинского просвещения, идеями народного образования первой трети XIX века.

Ленинское определение путей исторического познания — «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития посмотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁾, — ориентирует прежде всего на анализ исходных точек развития, заставляет обратиться к первоисточникам самого замысла Гимназии высших наук, как «первого в Малороссии университета», крупного научно-образовательного центра Левобережья Украины.

Мысль об открытии университета на Левобережье Украины волновала многих деятелей отечественного просвещения, в том числе графа К. Г. Разумовского, в резиденции которого — Батурине намечалось открытие университета (1760 г.). В конце XVIII века директор Новгород-Северского главного народного училища И. И. Халанский разрабатывает проект основания университета в городе, который был одобрен малороссийским генерал-губернатором князем А. Б. Куракиным (оба проекта так и не были осуществлены).

Лишь в начале XIX века, в связи с целым рядом важных государственных преобразований, усилиями новосозданного министерства народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук, при ближайшем участии членов негласного комитета при Александре I П. А. Строганова, А. Чарторыйского, В. П. Кочубея, Н. Н. Повосильцева, академиков Н. Я. Озерецковского, С. Я. Румовского, выдающегося педагога Ф. И. Янковича де Мириево и др., была реорганизована структура всех учебных заведений страны. На основании «Предварительных правил народного просвещения» (1803 г.) и «Устава учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.) вся система народного просвещения стала подразделяться на четыре преемственно обусловленные ступени: низшую составляли приходские училища в городах и селах, промежуточную — уездные училища, среднюю — гимназии в губернских городах и высшую — университеты в каждом учебном округе. Особым вниманием окружены были университеты, как центры подготовки научных кадров для нужд развития отечественного просвещения. В торжественном акте Дерптскому университету 12 декабря 1802 г. высочайшим именем утверждалось: «Приятно нашему сердцу привести сие святилище наук в цветущее состояние, посему приемлем оный университет в особенное наше покровительство и защиту»²⁾. Та же мысль подчеркивалась и в акте, данном 4 апреля 1803 г. Виленскому университету: «Желаю утвердить благоденствие всех областей империи нашей на просвещении народном, как единственном основании оного, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шаг в сем пространном поприще есть попечение об устройении новых и исправлении существующих уже заведений для воспитания юношества, коих польза доказана многолетним опытом»³⁾.

На нужды народного просвещения в одном только 1803 г. было израсходовано 1 319 450 р., в том числе на 4 университета 520 000

1) Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

2) Аристов Н. Состояние образования России в царствование Александра I го //Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. 111. 1879. С. 63.

3) Там же. С. 63—64.

р., на 42 гимназии — 236 00 р., на 405 уездных училищ 563 450 р. Всемерно поощрялись и частные пожертвования на нужды просвещения и новоучреждаемых заведений, «имеющих возвысить в нынешнее и утвердить на предыдущее время благосостояние и славу их отечества»⁴⁾.

Одним из первых, кто откликнулся на призыв правительства, был П. Г. Демидов. В марте 1803 г. он писал министру просвещения: «Внутреннее удовольствие, с каким я читал новый план всеобщего просвещения в России, столь необходимого для благоденствия и славы народов, произвел во мне искреннее желание быть участником в сем великом намерении... Не тщеславие, а единое усердие ко благу общему есть причиной сего приношения моего в пользу учащихся»⁵⁾. Как известно, П. Г. Демидов не только пожертвовал 300 000 р. на учреждение Ярославского училища высших наук, в честь его названного Демидовским, но и выделил значительные суммы на его ежегодное содержание (уже 26 марта 1804 г. были открыты публичные курсы натуральной истории, химии, т. д. Устав был утвержден 26 января 1805 г., торжественное открытие состоялось 29 апреля того же года⁶⁾).

Огромные суммы были собраны и пожертвованы общественностью Харьковской и Екатеринославской губерний на учреждение Харьковского университета (свыше 400 000 р.), куда в 1803 году были определены первые профессора и началось чтение лекций (Устав и Грамота университету были даны 5 ноября 1804 г., торжественное открытие состоялось 17 января 1805 г.⁷⁾).

Дворянством и духовенством Волынской губернии на расширение Кременецкой гимназии (впоследствии лицей) было пожертвовано около 200 000 р., граф Браницкий внес 196 000 золотых (1805 г.), графиня Платор — 150 000 золотых (1809 г.).

В 1806 г. киевское дворянство пожертвовало на нужды гимназии 500 000 р., которой затем были дарованы высшие права.

В 1804 г. армянин Агабабов назначил пожертвованные его умершими братьями 30 000 р. на богоугодные заведения на учреждение Астраханского училища, добавив от себя 20 000 р.⁸⁾.

На пожертвованные общественностью средства открывались торговые и коммерческие классы в Одессе и Таганроге, уездные и приходские училища в городах и селах. Патриотическое движение, направленное на нужды отечественного просвещения, приобретало массовый характер.

В русле этого всеобщего патриотического движения и должна прочитываться история учреждения в Нежине Гимназии высших наук

⁴⁾ Указ Правительствующему сенату «Об устройстве народных училищ» // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е издание, СПб., 1875. Т. 1. С. 21.

⁵⁾ Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Т. 111, 1879. С. 92.

⁶⁾ ЦГИА СССР. Ф. 733. О. 94. Д. 1. Л. 29.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ Аристов Н. Состояние образования России в царствование Александра I-го // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. 111, 1879. С. 92.

князя Безбородко. К сожалению, во многих дореволюционных и современных научных изданиях основание Гимназии высших наук князя Безбородко освещается крайне неверно и односложно, вне всякой исторической хронологии. Так, например, по утверждению Н. Аристова, «в 1805 г. июля 29 канцлер князь Александр Андреевич Безбородко завещал 210 000 р. в пользу богоугодных заведений, а его брат Илья счел удобнее иобразнее с **видами государя** открыть училище высших наук в Нежине, пожертвовав от себя место с садом и обеспечив платеж денег тремя тысячами душ крестьян в Малороссии»⁹. Еще более искажено трактуется факт пожертвования З. И. Хижняк. «Князь А. А. Безбородко, — пишет она, — перед смертью все свое движимое и недвижимое имущество завещал брату, с тем чтобы он основал на Украине, в Нежине, лицей. Желание его было исполнено. Созданный вскоре Нежинский лицей был назван именем Безбородко (в 1939 г. на базе бывшего лицея создан педагогический институт им. Н. В. Гоголя)».⁰¹

История основания Нежинской Гимназии высших наук князя Безбородко заслуживает более уважительного и документированного научного освещения. К сожалению, большинство исследователей истории Гимназии высших наук князя Безбородко опиралось лишь на местные архивы, к тому же поврежденные пожаром. Новооткрытые документы и материалы из центральных архивохранилищ страны в Ленинграде, Москве, Киеве и др. городах, позволяют сегодня воссоздать во всей сложности и многогранности затронутых проблем подлинную историю замысла и воплощения благородного подвига во имя отечественного просвещения, к осуществлению которого были причастны многие государственные и общественные деятели, ученые, архитекторы, педагоги.

Гимназия высших наук недаром носит имя канцлера, светлейшего князя А. А. Безбородко (1747—1799 гг.). Личность выдающегося государственного деятеля и дипломата эпохи как Екатерины II, так и Павла I заслуживает особого внимания и уважения. Через руки А. А. Безбородко проходили важнейшие документы и бумаги того времени. Он прославился неутомимым дипломатическим трудом, широкой государственной деятельностью. Когда во времена Екатерины II «мир победами добывался», А. А. Безбородко прилагал все старания, чтобы миром победы обеспечить. Это о нем писал поэт Державин: «И не народный шум, Не погребальный блеск, не звук, ему хвала — Дела». «Вижу в нем ум государственный, ревность, знание России», — свидетельствовал Н. М. Карамзин. Обладая под конец жизни несметными богатствами, А. А. Безбородко был глубоко бескорыстным в своих жизненных устремлениях, в быту отличался простотой, одевался весьма скромно, только в царствование Павла I был удостоен звания канцлера и титула светлейшего князя. Тяжело больной, парализованный, он в 1799 г. в «Завещании для моего духовного завещания» писал: «Из доходов моих отлагать в первые пять лет по

⁹ Там же. С. 67.

⁰¹ Хижняк З. И. Киево-Могилянская академия. — К.: Изд. во при Киевском ГУ издательского объединения «Вища школа», 1988. С. 188—189.

десяти тысяч, для того, что тут надобно разные долги платить, а потом по двадцати тысяч в течении осьми лет, внося их в ломбард, а из суммы сей и составить доходы на содержание богаделен для престарелых и увечных, где угодно будет правительству приказать».¹¹⁾

По кончине князя А. А. Безбородко 6 апреля 1799 г. все его имущество унаследовал его брат, граф И. А. Безбородко. Ему и пришлось исполнить волю покойного князя за разъярением он обратился к своему племяннику В. П. Кочубею, принимавшему активное участие в работе негласного комитета при Александре I.

Как это видно из ответного письма В. П. Кочубея от 6 апреля 1805 г., И. А. Безбородко не только решил «исполнить волю покойного князя, но и знатно превзойти оную».¹²⁾ «Преславное намерение» В. П. Кочубей обсудил совместно с князем А. Б. Куракинским. Тот, по-видимому, вспомнил проект И. И. Халанского об учреждении университета в Новгород-Северске, и предложил этот город (по воспоминаниям К. А. Мойсеева, первоначальное устройство Гимназии высших наук князя Безбородко намечалось именно в Новгород-Северске). Как бы то ни было, в ответном письме В. П. Кочубей сообщал И. А. Безбородко: «Усердствуя с ним (А. Б. Куракинским) вместе, чтоб предложение ваше наилучшим образом устроено быть могло, мы много рассуждали, какое бы именно общепользное заведение имени покойного брата посвящено быть могло. Призрения бедных, богадельни, больницы, малые училища везде или есть, или к основанию назначены; и так что было избрать для употребления капитала вашего, мы обратились на пример г. Демидова, который в Ярославле учредил Гимназию высших наук, то есть училище некоторым образом университету соответственное, и рассуждали, что как Малороссия университета не имеет, да и дворянские училища, на кои в обеих губерниях (Черниговской и Полтавской) до миллиона дать хотели, состоятся не могут, быв несообразными общей системе для училищ принятой, то существенная польза для края сего быть может, если вы соорудите подобное заведение...»¹³⁾ Здесь же к письму был приложен проект послания, которое нужно послать «на имя государя». В. П. Кочубей просил также выслать ему «план дому вашего и саду в Нежине». «Место сие так хорошо, — писал он, — что в здешнем холодном климате покажется оно раем небесным. Я признаюсь, что и сам я был прельщен оным в проезд в чужие края и теперь удивляюсь, как в Малой России такой сад английскій есть.

¹¹⁾ Григорович Н. Канцлер князя А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 11. СПб., 1881. С. 647. О князе Безбородко см. также: Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884. С. 191—304; Толбин В. Основатели и почетные попечители. 1. Князь А. А. Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 134—154 и др.

¹²⁾ Учреждение Гимназии высших наук в городе Нежине. Письма гр. В. П. Кочубея // Русская старина. 1870. Т. 11. С. 301.

¹³⁾ Русская старина, Указ. источ. С. 301.

¹⁴⁾ Там же. С. 303.

Мне кажется, что надобно бы составить и план для дому, где помещаться должна гимназия». Однако в приписке В. П. Кочубей сообщает, что он сам прикажет «план и фасад для гимназии составить»¹⁴). Как известно, «план и фасад коледжа князя Безбородко» составлен был выдающимся архитектором Л. Руска¹⁵).

19 июля 1805 г. и было отправлено «верноподданническое прошение» И. А. Безбородко об учреждении в Нежине Гимназии высших наук в память его брата князя А. А. Безбородко, в котором отмечалось, что «всего удобнее и с видами Вашего Императорского Величества к распространению просвещения сообразнее быть может устроить в Малороссии на счет сего пожертвования училище высших наук, которое здесь еще не существует, и от которого можно ожидать великой пользы как для всех, так особливо для тех неимущих дворян и другого состояния молодых людей, кои по скудности своей не могут иметь достаточных способов к приготовлению себя на службу Вашего Императорского Величества»¹⁶).

От своего имени граф И. А. Безбородко не только добавлял место с садом в Нежине для строения здания гимназии, но и обещивал будущие расходы на содержание гимназии высших наук «по вечные времена» ежегодно взносимой суммой (15 000 р.) и недвижимым имуществом Верхневеской и Носовской экономий, а также 3000 крепостных душ.

Прошение заканчивалось просьбой, чтобы предполагаемое училище устроено было в Нежине и чтобы наименовано было Гимназией высших наук, 29 июля 1805 г. последовала высочайшая резолюция: «Быть по сему, а Училищу именоваться Гимназиею высших наук князя Безбородко»¹⁷) (написание «высших наук» сохранялось вплоть до 1825 г.).

Как отмечалось в высочайшем Указе Правительствующему сенату, подвиг графа И. А. Безбородко «был принят с отменным благоволением», граф И. А. Безбородко был награжден орденом Владимира первой степени, решено было также основателей и благотворителей установить в зале собрания Училища, «чтобы они были залогом общей признательности к толь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества»¹⁸). Сообщая И. А. Безбородко о результатах его «верноподданнического прошения» В. П. Кочубей писал: «Я с моей стороны и в совете и государю именно и наилюбезнейше утверждал, что вы никогда не искали какого-либо себе награждения и что положив весьма давно уже сделать сие заведение, как то всем известно, вы бы и государя о сем не беспокоили и вы бы сами учредили, если бы не было нужно государеву утверждение»¹⁹).

¹⁴) Александрова Л. Б. Проекты архитектора Л. Руска для провинциальных городов // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Выпуск IX. Л., 1979. С. 44.

¹⁵) Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. Царствование имп. Александра I. 1801—1825. СПб., 1864. С. 1240.

¹⁷) Там же. С. 1243.

¹⁸) Там же.

¹⁹) Русская старина. Указ. источ. С. 303—304.

Получив «государево утверждение», И. А. Безбородко начинает неутомимые хлопоты по возведению здания Гимназии высших наук, отныне носившей имя брата его — князя Безбородко. Однако процесс возведения здания в силу ряда причин замедлился. Поэтому неправы те исследователи, которые утверждают, что «немедленно приступлено было к постройке здания, в котором должно было поместиться новое заведение»²⁰). С другой стороны, также неправомерно утверждать, будто «пятнадцать лет странствовало по разным инстанциям Петербурга ходатайство князя Безбородко об учреждении учебного заведения для детей неимущих дворян» (Г. Я. Недилько)²¹).

Здание возводилось «на века», шла кропотливая работа по выработке общего плана постройки, необходим был архитектурный проект, его исполнители, строительный материал, многое другое. О трудностях, с которыми пришлось столкнуться И. А. Безбородко, говорит его «Записка», поданная 20 августа того же 1805 г. на имя министра народного просвещения. Нужно было получить безотлагательный ответ на многие волнующие графа Безбородко вопросы: 1) «Кто будет принимать дом и место в Нежине и будет ли прислан подтвержденный Его Императорским Величеством план представленный от меня при всеподданнейшем моем прошении?.. 2) В рассуждении построения дома для гимназии, как полагаете, Ваше Сиятельство, кому поручить оное строить? 3) План для построения оного дому для Гимназии высших наук на сколько число учеников и учителей, библиотеки, также для услуги будет ли востребован от меня, или мне доставится, в какую величину и какое расположение, буде положено будет сочинить план всему оному строению... 7) На каком положении основываться будет сия гимназия и какое распоряжение, штат, какие первоначально учения преподаваемы будут, я ласкал себя, что в свое время к сведению моему доставлено будет, о чем и покорнейше прошу»²²). Интересен пункт девятый «Записки», в котором граф И. А. Безбородко не без основания писал: «В подтвержденном Императором моем прошении упомянуто, чтоб называлась гимназия князя Безбородко. Но так как кроме завещательных сумм покойным братом моим, назначаются другие от меня усердия к общему благу жертвуемые, при том и место, и предложение училища идет от меня: то дабы сие не изглажено было протекающим временем из памяти потомственной, справедливость требует, да было прибавлено к словам Гимназия князя Безбородко сие: основанная по смерти братом его графом Безбородко. Каковую надпись и настоятельно прошу, чтоб

²⁰) Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине // Известия Историко-филологического института князя Безбородко. Т. III. 1879; его же: Гимназия высших наук князя Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 30; Петухов Е. В. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. 1820—1832. СПб., 1895. С. 6.

²¹) Юбилей старейшего. — Правда Украины, 1970, 2 сентября. С. 2.

²²) ЦГИА УССР. Ф. 2162. О. 1. Д. 27. Л. 6. Записка графа И. А. Безбородко от 20 августа 1805 г.

Сделать или в том месте, где назначены будут поставить бюсты на стене на медной доске: поелику для меня всего лестнее, чтоб память сего моего подвига осталась в потомстве»²³). Важен пункт десятый, в котором И. А. Безбородко предвосхищает возможность слушания лекций бедными дворянами в качестве вольноприходящих учеников (эта идея претворена в жизнь директором гимназии И. С. Орлаем). «В принятии в училище по положенному числу учеников, что зависит от рассмотрения министерства, убеждаюсь также просить, — пишет он, — чтобы дозволено было преподавать классы и сторонним ученикам сверх положенного количества, кои называться будут пансионерами и, приезжая в город Нежин, будут жить на иждивении их на квартирах, за науки же преподаваемые учителя получать будут по примеру университета. Так равно в принятии в гимназию, чтоб предпочтительнее поступали бедные дворяне пред имущественными»²⁴). Все эти материалы подчеркивают, насколько государственно мыслил и гуманно действовал главный основатель Гимназии высших наук князь Безбородко в эпоху «дней Александровых прекрасного начала».

Помимо графа И. А. Безбородко, но почти одновременно принимает безотлагательные меры к быстрейшему началу всех подготовительных работ и попечитель Харьковского учебного округа граф Северин Потоцкий. 21 августа 1805 г. он направляет из Петербурга предписание Харьковскому университету «об устройении сей гимназии». «Поставляя обязанности немедленно приступить к исполнению воли благотворителя, в прошении его изложенной, — писал он, — почитаю, во-первых, нужным составить план образования сего училища, согласно с его видами». «Мысль графа Безбородко клонится к тому, — писал он далее, — чтобы дети особливо неимущих дворян и другого состояния людей, кои по скудости своей не могут иметь достаточных способностей к образованию себя, находили в гимназии сей особые средства к приобретению познаний в науках и языках, нужных для всякого рода государственной службы и других состояний: благотворные сии намерения не ограничиваются, кажется, одним только наставленном юношества; они простираются и на самое его воспитание. Посему при составлении плана преимущественно должно иметь в виду устройство пансиона, в котором бы из процентов, получаемых с капитала, дарованного благотворителями в пользу сего училища, были содержимы, примерно полагаая, до восьмидесяти неимущих питомцев: таковое заведение, доставляющее без заботливое пропитание беднейшим юношам, открывая им надежный путь к просвещению, долженствует произвести благие последствия, к которым стремятся намерения графа Безбородко и кои высшее начальство ожидать может от такового пожертвования, достойного хвалы отдаленнейших времен»²⁵).

В предписании обращалось внимание на специфику образовательных дисциплин, определялись учебные предметы, правда, подго-

²³) Там же. Л. 8—8 об.

²⁴) Там же. Л. 8 об.

²⁵) Там же. Д. 34. Л. 1. Дело об открытии Гимназии в г. Нежине. От попечителя Харьковского учебного округа в имп. Харьковский университет (Получено 9 сентября 1805 г.).

товительные «к успешному и скорому окончанию высших наук в университете», чем сужалась деятельность Гимназии высших наук, права которой приравнялись к университету. «Относительно учебных предметов, — уточнял С. Потоцкий, — кои в гимназии могут быть преподаваемы, сужу я, что училище сие должно доставлять все способы к успешному и скорому окончанию высших наук в университете не только молодым людям, кои желают посвятить ученому состоянию; оно должно особенно приготавливать учащихся в нем ко вступлению в гражданскую службу и к купеческому званию». Руководствуясь сим мнением, полагаю я, — писал он далее, — что главным предметом должны быть в оном следующие науки: логика и риторика, право естественное, народное и право гражданское отечественное, политическая экономия, сельское хозяйство, статистика российского государства, всеобщая история и география и науки, относящиеся до торговли и технологии. Сверх сих предметов могут быть преподаваемы науки употребительнейшие в общежитии, как-то: тригонометрия и алгебра, поелику первая нужна для механики и землемера, а вторая для бухгалтерии; химия, сколько оное необходимо для технологии и земледелия, ботаника для познания употребительнейших трав и гражданская архитектура, естественная история и опытная физика, дабы предложить только общее понятие о сих науках: желающие же посвятить себя ученому состоянию могут продолжать и кончать как сии, так и другие науки в университете. Языки могут быть преподаваемы российский, французский, немецкий, итальянский и латинский»²⁶).

Заканчивает свое предписание С. Потоцкий указанием на необходимость определения директора гимназии, «человека с хорошими познаниями в науках, усердного и рачительного к должности, который бы приняв в свое ведение назначенное под гимназию место и находящийся на оном материал, немедленно мог приступить, по назначению начальства, к построению самого здания, и который бы в последствии времени, по образованию сего училища, был бы в состоянии управлять ходом сей довольно огромной машины»²⁷).

По сути закладывалась концепция, мы бы сегодня сказали, высшего политехнического образования, с отделениями технологии и сельского хозяйства, коммерции, архитектуры, так далее. Совету Харьковского университета поручалось «сделать общий план и примерный штат сему училищу», выражалась уверенность, что университет обратит «особенное внимание на исполнение во всей точности воли благотворителя, имеющей толькое право на признательность нашу и грядущих веков»²⁸).

Предписание графа С. Потоцкого поступило 9 сентября 1805 г. В тот же день совет Харьковского университета поручает профессору Аф Стойковичу «составить план и штат для гимназии в Нежине»²⁹). 13 октября того же года профессор Аф. Стойкович представил в училищный комитет Харьковского университета разработанный план и штат Гимназии высших наук князя Безбородко.

²⁶) Там же, Л. 2 об.

²⁷) Там же, Л. 3.

²⁸) Там же.

²⁹) Там же, Л. 10.

Казалось бы, разработанный план должен был соответствовать предписанию попечителя Харьковского учебного округа графа С. Потоцкого. Так, например, в пункте первом отмечалось, что «гимназия, учреждаемая в Нежине под именем **Гимназии Безбородко высших наук** учреждается с тем намерением, чтобы дети, особливо немущих дворян и другого состояния людей, лишаящиеся по скудности своей достаточных способов к образованию себя, находили в ней обильные средства к приобретению познаний в науках, языках и искусствах, нужных не только для всякого рода государственной службы, но и для других состояний людей», далее подчеркивалось, что Гимназия Безбородко «уже по своему наименованию и по намерению его основателя» отличается от «прочих губернских гимназий», поэтому «в ней кроме предметов в тех гимназиях преподаваемых должны еще быть обучаемые и многие другие предметы, не означенные в гимназиях». Однако, вместо того, чтобы определить эти «высшие науки» и выработать структуру высшего учебного заведения, Аф. Стойкович предложил план учебного заведения, совмещающего в себе «три отделения: а) приходское училище; в) уездное училище и с) собственно так называемая гимназия»³⁰⁾.

Соответственно предполагалось иметь в гимназии 15 учителей: в приходском отделении один, в уездном — два, собственно в гимназии — двенадцать, из них шесть старших учителей и шесть младших для преподавания языков и свободных искусств. В обязанности старших учителей входило преподавание следующих предметов: 1) философии, изящных наук и прав естественного и отечественного; 2) математики, физики и начал химии; 3) истории, географии и статистики всеобщей и российского государства; 4) естественной истории, технологии сельского хозяйства; 5) наук коммерческих и политической экономии; 6) антропологии (вместо анатомии и физиологии), хирургии и скотолечения (ветеринарии).

Младшим учителям предполагалось вести предметы: 1) гражданской архитектуры, практической механики, практической геометрии и рисованья; 2) латинского и немецкого языков и литературы их; 3) французского и итальянского языка и литературы их; 4) греческого языка, древнего и нового; 5) музыки; 6) танцованья и прочих гимнастических упражнений.

Предположен был восьмилетний срок обучения: один год в приходском отделении, два — в уездном и пять в гимназии, причем «пятый курс» преподавался только для тех, «кто не желая продолжать наук в университете, оканчивает учение свое в гимназии»³¹⁾.

Был предположен и общий план, статьи которого подробно были расписаны по пунктам и параграфам. 1) преподавание учебных предметов; 2) пособия к преподаванию оных; 3) побудительные к наукам пособия; 4) дисциплина; 5) пансионеры; 6) примерный штат всей гимназии.

³⁰⁾ Там же, Л. 12.

³¹⁾ Там же, Л. 14.

17 октября 1805 г. училищный комитет Харьковского университета предложил ректору университета Ивану Рижскому представить замечания на план и штат гимназии, подготовленных проф. Аф. Стойковичем. В замечаниях, представленных 31 октября 1805 г., Иван Рижский, соглашаясь в основном с планом проф. Аф. Стойковича, указывал, что «учреждение при сей гимназии приходского и уездного училищ... не будет соответствовать намерению основателя»³²). Внес он и существенные дополнения в связи «с местными условиями». Так, например, к §6, пункту первому добавлялось: «Учитель истории, географии и статистики российского государства и в особенности Малороссии», к § 23 пункту первому: «Как скотоводство и пчеловодство составляют важную часть сельского в Малороссии хозяйства, то сии части должны быть преподаваемы обширнее. 2-е. Так же строение плотин и мельниц, которыми весьма много занимаются в Малороссии, должны быть преимущественным предметом»³³).

Короче говоря, и Иван Рижский поддерживал концепцию политехнизации обучения в Гимназии высших наук, которая впервые была намечена в предписании попечителя Харьковского учебного округа графа С. Потоцкого и разработана в плане учебного процесса гимназии, представленном профессором Аф. Стойковичем. Однако в целом и план, и замечания к нему не учитывали «намерение основателей» об учреждении в Нежине «первого университета в Малороссии». Кроме того, Гимназия высших наук князя Безбородко предположительно должна была строиться как высшее правовое училище по примеру Демидовского Ярославского высших наук училища. По-видимому, этим объясняется тот факт, что проект, утвержденный училищным комитетом Харьковского университета, не получил в дальнейшем конкретного воплощения. Разработку общего плана и устава Гимназии высших наук князя Безбородко взяло на себя Главное правление училищ при министерстве народного просвещения. 5 октября 1805 г. оно рассматривает «Записку графа Ильи Андреевича Безбородко, в коей он представляет меры для спешествования устройства гимназии в Нежине», а также, как отмечалось в протоколе, «полагает план дома для училища без замедления доставить к нему, коль скоро оный по рассмотрению г-на министерства будет изготовлен...»³⁴). 9 ноября того же года на заседании Главного правления училищ слушалось представление попечителя Харьковского учебного округа. Как явствует из протокола заседания, граф С. Потоцкий запрашивал, «сколько в учреждаемом училище вышних наук в Нежине должно быть учителей и класов, будут ли в оном воспитанники на счет благотворителя и вольные пансионеры и какое число оных», «на каком положении со стороны учебной должно быть сие училище основано...» «с тем, чтобы правление или одобрило его предложения или, сделав в них изменения, какие найдет нужным, попустило основание для плана училища, сообразно которому можно было бы приступить к дальнейшим по сему предмету соображениям»³⁵).

³²) Там же. Л. 40.

³³) Там же. Л. 49.

³⁴) Там же. Д. 27. Л. 5. Дело о строительстве дома в г. Нежине для гимназии.

³⁵) Там же. Л. 4.

Главное правление училищ принимает решение, по которому «училище высших наук в Нежине должно быть составлено по образу такого же в Ярославле, называемого Демидовским, с присоединением к оному и других классов, так чтоб училище сие могло заменять и обыкновенную губернскую гимназию, коей там нет, и включать в себя согласно с волей учредителя высшие науки для окончивших гимназическое учение и желающих приобретенные познания более усовершенствовать»³⁶). Оно же поручает члену Главного правления училищ статскому советнику Николаю Ивановичу Фусу «сделать означенное начертание и представить на рассмотрение»³⁷). 14 декабря 1805 г. «начертание устройства гимназии князя Безбородко в Нежине» было рассмотрено и одобрено. Согласно журналу заседания, в «краткое начертание» вошли: 1) предметы учения; 2) число классов с означением в каждом учебных предметов; 3) число профессоров и учителей; 4) сколько в неделю часов преподается учению каждым профессором и учителем; 5) часы ежедневного преподавания наук; 6) ежегодный доход гимназии; 7) расходы на ежегодное содержание оной; 8) показание всех частей нужного на сей конец строения»³⁸). Впоследствии «кратким начертанием» руководствовался и А. Г. Кушелев-Безбородко при составлении проекта Устава Гимназии высших наук князя Безбородко (не ранее 1818 года).

23 марта 1806 г. министр народного просвещения представил на усмотрение Главного правления училищ «план строения» Гимназии высших наук князя Безбородко. Как явствует из журнала заседания, «правление оного нашло соответственным во всех частях назначению сего заведения. Почему г. министр и принял на себя вручить оный учредителю училища графу Илье Андреевичу Безбородко, изъявившему желание производить строение под своим распоряжением и главным надзором»³⁹). В материалах Главного правления училищ не сохранилось указаний, кто был автором проекта «строения гимназии». Долгие годы им считался выдающийся архитектор Д. Кваренги, к услугам которого неоднократно обращался князь А. А. Безбородко (загородная дача под Петербургом, имение в с. Стольном, др.). На Д. Кваренги, как автора проекта здания гимназии указывал в своих воспоминаниях — очерке истории Гимназии высших наук князя Безбородко К. А. Мойсеев, один из ее первых профессоров⁴⁰). Стараниями советских искусствоведов было установлено, что автором проекта был архитектор Луиджи Руска⁴¹). Как было отмечено выше, Л. Руска составил «план и фасад коледжа князя Безбородко»⁴²). Однако этот план нужно было воплотить в монументальное общественное сооружение, подготовить сложный строительный участок, расположенный на топких местах, составить строительную

³⁶) Там же.

³⁷) Там же. Л. 4 об.

³⁸) Там же. Л. 1.

³⁹) Там же. Д. 47. Л. 1.

⁴⁰) И Р Л И (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 652. О. Л. 8 об.

⁴¹) См. примеч. 15.

⁴²) Там же.

смету, завезти необходимый строительный материал (к примеру, дикий камень под фундамент завозился из-под Новгород-Северска, кирпич-железняк изготовлялся на месте, дубовые пали, укрепляющие фундамент, заготавливались в близлежащих лесах), подготовить жилища для строителей. Само возведение здания, выдержанного в строгом архитектурном стиле классицизма, с каменными фундаментом, стенами и перекрытиями, требовало неусыпных забот и направляющих указаний опытного зодчего. Как видно из новонайденных архивных документов, этим зодчим оказался архитектор 12-го класса Иван де Лукини, в послужном списке которого значится, что он швейцарский уроженец, службу в России проходил с 1803 г. «при строении в Москве по ведомству тамошнего Воспитательного дома больницы для бедных», затем «определен был в Малороссийскую Черниговскую строительную экспедицию, где исправлял при разных строениях должность каменных дел мастера и губернского архитектора» (1806 г.) «с 1808 по 1817 год находился при строении Нежинской гимназии для высших наук», в 1817—1818 гг. «при строении здания императорского Московского университета»⁴³). В 1828—1832 гг. по проекту Ивана де Лукини возводилось здание Петербургской таможни, ныне Пушкинского Дома Института русской литературы.

Построенное в стиле классицизма монументальное здание Гимназии высших наук князя Безбородко и сегодня впечатляет совершенством зодческого воплощения. «Ясность архитектурного мышления, выверенное чувство пропорций и соразмерность строгих классических форм. — отмечает современный искусствовед, — способствовали созданию гармонического архитектурного произведения, умело увязанного с окружающим ландшафтом»⁴⁴).

С Иваном де Лукини разговаривал профессор Аф. Стойкович, когда летом 1810 г. проверял ход начавшегося строительства здания Гимназии⁴⁵). Да и К. А. Мойсеев в своих воспоминаниях, указав, что «план для главного училищного корпуса был по назначению графа Ильи Андреевича Безбородко начертан в С. - Петербурге знаменитым архитектором Варенги (т. е. Кваренги, на самом деле Л. Руска), далее писал: « При постройке неотлучно находился архитектором Лукини, которого граф И. А. Безбородко, по указанию самого Варенги (Кваренги), пригласил быть двигателем работ и исполнителем его плана. Здание начали строить прочно. Приготовленные для него материалы и способ сооружения ручались, что оно не будет страшить времени в продолжении многих столетий»⁴⁶).

⁴³ ЦГИА СССР. Ф. 733. 0.9.1. Д. 10. Л. 1. По представлению Почетного попечителя Гимназии высших наук князя Безбородко графа Кушелева Безбородко о награждении архитектора 12-го класса де Лукини за труды, понесенные им при строении зданий означенной гимназии. Л. 5 об.

⁴⁴ Пляшко Л. А. Город, писатель, время (Нежинский период жизни Н. В. Гоголя. К.: Наукова Думка, 1985. С. 27 (В книге говорится лишь об архитекторе Л. Руска).

⁴⁵ ЦГИА УССР. Ф. 2162. 0.1. Д. 70. Л. 2.

⁴⁶ Мойсеев К. А. Воспоминания о Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине // ИРЛИ. Архив. Ф. 652. 0.2. Д. 39. Л. 8 об.

Граф А. Г. Кушелев-Безбородко в представлении своем на имя министра народного просвещения, отметив, что Иван де Лукини «находился при строении Гимназии высших наук князя Безбородко со времени начатия по самое окончание и во все время производил оное с неусыпным тщанием, заключал: «Труды его и старания заслуживают особенное внимание начальства. Верх его желаний был бы удостоиться через представление Вашего Сиятельства хотя малейшего знака Монаршей милости. С моей стороны, отдавая всю справедливость его знаниям и трудам, почитаю долгом просить Ваше Сиятельство, если сие только возможно, о исходотайствовании ему ордена Святой Анны 3-й степени»⁴⁷⁾.

7 октября 1821 г. министр просвещения князь А. П. Голицын сообщал А. Г. Кушелеву-Безбородко: «Государь Император, по представлению моему, учиненному в следствие засвидетельствования Вашего Сиятельства о трудах де Лукини, понесенных им при построении здания Гимназии высших наук князя Безбородко, в изъявление Высочайшего благоволения, всемилостивейше пожаловать соизволил ему бриллиантовый перстень»⁴⁸⁾. Вместе с письмом препровожден был и бриллиантовый перстень ценою в тысячу рублей для доставки архитектору Ивану де Лукини.

Строительство здания Гимназии высших наук князя Безбородко действительно могло начаться не ранее 1808 г., так как еще в апреле 1807 г. «возбуждался вопрос о доставке из Монастырской слободки, расположенной у Новгород-Северска, «дикого камня» для фундаментов постройки «предложенной графом Ильей Андреевичем гимназии»⁴⁹⁾. 29 декабря 1809 г. в письме на имя министра народного просвещения П. В. Завадовского И. А. Безбородко сообщал, что «здание для училища сего производится с полным успехом»⁵⁰⁾. Тогда же принимается им решение «учредить при гимназии сей помещенные для 60-ти пансионеров, независимо от тех 24-х, кои из доходов, им определенных, должны быть содержимы»⁵¹⁾. 15 января 1810 г. последовал высочайший рескрипт на имя графа И. А. Безбородко: «Министр народного посвещения представил МНЕ о предположении Вашем устроить при Нежинской Гимназии помещенные для 60-ти пансионеров. С особенным удовольствием внимал Я сему новому на пользу общественную пожертвованию Вашему, за которое приятно МНЕ изъявить Вам МОЕ благоволение, с коим пребываю Вам благосклонным»⁵¹⁾.

Завершение строительства здания Гимназии высших наук князя Безбородко намечалось к началу 1810-х годов, однако события, связанные с Отечественной войной 1812 г., замедлили ход строительства. 3 июня 1815 г. скончался граф И. А. Безбородко. К тому времени унаследовавший дело своих дедов, граф А. Г. Кушелев-Безбородко еще только оканчивал Царско-Сельский пансион.

⁴⁷⁾ ЦГИА СССР. Ф. 733. 0.94. Д. 10. Л. 1.

⁴⁸⁾ Там же. Л. 12.

⁴⁹⁾ Пляшко Л. А. Город, писатель, время (Нежинский период жизни Н. В. Гоголя). С. 24.

⁵⁰⁾ ЦГИА УССР. Ф. 2162. 0.1. Д. 70. Л. 2.

⁵¹⁾ Там же. ⁵¹⁾а Там же. Л. 3.

В 1816 г. он сдает экзамены в Московском университете и удостоивается степени доктора этико-политических наук. Как справедливо отмечает его биограф, «пример почти единственный для таких молодых лет»⁵²). По-видимому, тогда же 16-ти летний граф А. Г. Кушелев Безбородко принимает самые активные старания к завершению строения как основного корпуса Гимназии высших наук, так и дополнительных зданий, в том числе двухэтажного флигеля для квартир профессоров (здание бывшего ректората, ныне музпед факультет и почта). В письме на имя министра народного просвещения князя А. Н. Голицына от 6 июня 1818 г. граф А. Г. Кушелев Безбородко сообщает о завершении всех строительных работ, «так что можно уже открыть в оном преподавание наук и завести предназначенные пансион»⁵³). Письмо это интересно во многих отношениях. Во-первых, оно дает возможность определить общую сумму потраченных капиталов. По подсчетам А. Г. Кушелева-Безбородко, кроме места и сада, эта сумма составила один миллион двести пятьдесят тысяч шестьсот восемьдесят один рубль двадцать семь копеек⁵⁴) (во всех ставочных изданиях стмечается лишь 604 000 р., т. е. сумма затраченная графом П. А. Безбородко). Во-вторых, в том же письме ставится вопрос о переименовании «гимназии высших наук» в лицей. «Наименование лицей, — обосновывает справедливо граф А. Г. Кушелев Безбородко, — есть самое приличнейшее высшим учебным сего рода заведениям; совершенно отличающее их как от университетов и академий, имеющих обширнейшие права, так и от губернских гимназий, состоящих по их устройству, и по количеству, и по качеству преподаваемых в них предметов, на низшей степени против лицеев. Нежелиское учебное заведение, по назначению преподавания в оном высших наук, по его отличному устройству и достатку верного дохода для приличного его содержания, и по другим отношениям, имеет право на просимое мною отличительное наименование»⁵⁵). Вместе с тем, граф А. Г. Кушелев-Безбородко предоставил «в пользу Нежинского училища библиотеку покойного князя Безбородко, состоящую из 2500 томов», а на первое обзаведение дополнительно пожертвовал 20 000 р., из которых половина должна быть употреблена на физический кабинет. В то же время А. Г. Кушелев-Безбородко препроводил и всеподданнейшее прошение от 14 июня 1818 г. с подробным описанием всего сделанного по учреждению в Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко. Этот уникальный документ по основанию Гимназии высших наук князя Безбородко заслуживает особого внимания, поэтому текст приводит-ся без сокращений:

«ВСЕМИЛОСТИВЕННИИ ГОСУДАРЬ!»

Особенное ВЫСОЧАЙШЕЕ внимание ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА к успехам народного просвещения подает мне смелость прибегнуть с нижеследующим всеподданнейшим донесением и таковою же просьбою.

⁵²) Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. С. 165.

⁵³) Ц Г И А С С С Р. Ф. 733 0.94. Д. 1. Дело по письму графа Кушелева Безбородко об учреждении в городе Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко. Начато 6 июня 1818. На 34 л. Л. 1.

⁵⁴) Там же. Л. 3. об.

⁵⁵) Там же. Л. 4.

По наследству деда моего, действительного тайного советника графа Безбородко досталась мне та часть имения, на которой обещен доход, назначенный для содержания им основанного и ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного в Нежине училища под названием: Гимназия высших наук князя Безбородко. Вступив в наследство, вступил я вместе в обязанности и распоряжения для сего училища относящиеся, и поставил себе священным долгом обратить всякое попечение на пользу оного.

Построив все здания по предначертанному деда моему, я прибавил каменный флигель в два этажа и другие строения, дабы вместо намереваемых 60 пансионеров могло поместиться 150. На строение сие определено было 215 923 рубля -- употреблено же 604 034 рублей. Для начального заведения первых потребностей приношу 20 000 рублей.

Сими 408 410 рублями жертвую в пользу сего училища, присокупляя к оным библиотеку покойного князя Безбородко, состоящую в 2500 томов. А как покойным князем Безбородко назначенный капитал возрос по ныне выше 350 000 рублей, и ежегодно вносимые 15 000 рублей по назначению деда моего графа Безбородко представляют капитал 300 000 рублей, следовательно, весь капитал, на сие заведение употребленный, простирается ныне, кроме места, сада и библиотеки, до 1 275 681 рубля; и 775 000 рублей превосходит первоначальный капитал сего училища, найденный тогда достаточным для заведения высших наук. Сие может удостоверить, что с помощью Всесильного сие заведение не только оправдает все ожидания, но даже достигнет высшей степени противу первоначального предположения.

В уважение сего и в память князя Безбородко осмеливаюсь всеподданнейше просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайшей милости даровать сему училищу наименование Лиц князя Безбородко.

Повергая все сие на Высочайшее усмотрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА пребываю с глубочайшим благоговением.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданный граф Александр Кушелев-Безбородко.

Июня 14 дня 1818 года⁵⁶⁾.

На имя министра народного просвещения князя А. Н. Голицына одновременно была предоставлена «Записка», представляющая собой общее начертание или план будущего учебного заведения высших наук в Нежине. И этот интереснейший документ заслуживает особого внимания (текст приводится без сокращений):

«ЗАПИСКА, по которой прошу Вашего Сиятельства разрешения:

1.

В Нежине устрояемое училище высших наук князя Безбородко по своему первоначальному положению должно заключать в себе

⁵⁶⁾ Там же. Л. 9—10 об.

полный курс высших наук, нужных для гражданской и военной службы, и по немению губернской гимназии, курс наук приуготовительных.

2.

В следствие сего, полный курс наук полагаю разделить на четыре двухлетние курса, так чтобы в первых двух, то есть в первом четырехлетиц, внимание обращено было - предположительно на изучение языков и наук, зависящих более от развильшей уже способности памяти, чтобы в третьем курсе изучение языков оканчивалось и вместе продолжаемы бы были высшие науки, которые в 4 курсе должны составлять единственное занятие воспитанников, располагая часы учения так, чтобы воспитанники, не имеющих достаточных сведений в каком-нибудь языке могли ходить в 3 курс на лекции оногo. Если же число воспитанников возрастет до того, что в каждом курсе будет более 40 человек, то можно учредить ежегодные классы.

3.

Во все продолжение учения особенное внимание обращено быть должно на обучение воспитанников догматам религии и для сего чтобы устроено было для 1-го и 2-го курса один класс катехизиса, и для 3-го и 4-го один класс изложения догматов веры и истолкования обрядов греко-российской церкви.

4.

Преподавание высших наук должно быть устроено таким образом, чтобы учащееся юношество могло приобретать достаточное и основательное сведение: 1-е, во всех предметах наук, относящихся к гражданской службе, преимущественно в теоретическом и практическом правоведении; 2-е в предметах к народной промышленности вообще, в особенности же и предпочтительно в тех частях естественных наук, которые могут способствовать к усовершенствованию сельского хозяйства, так как главнейшего и изобильнейшего в нашем отечестве источника народного продовольствия и богатства.

5.

Полное сословие учащихся заключает: 4 ординарных профессоров: 1-е, словесности российской, латинской и греческой; 2-е, политических наук вообще, в особенности теоретического правоведения, науки государственного хозяйства и коммерции; 3-е, физико-математических наук; 4-е, истории, географии и статистики. 6-ть экстраординарных профессоров или адъюнктов: 1-е, политических наук, в особенности российского и римского правоведения, логики, метафизики, нравственной философии; 2-е, физико-математики, в особенности натуральной истории, технологии наук сельского хозяйства; 3-е российской, латинской и греческой словесности; 4-е, французской; 5-е, немецкой словесности; 6-е, военных наук и черчения, законоучителя, 3-х учителей рисования, танцования и каллиграфии. Конференция, состоящая под председательством директора из всех профессоров ординарных, экстраординарных и адъюнктов, заведывает всеми делами училища, в особенности учеными, хозяйственной частью заведывает правление, где директор председательствующий, а членами: инспектор и советник из профессоров

6.

Науки, языки и искусства, которым обучают воспитанников, суть: 1-е, закон Божий, священная история, церковная история, истолкование обрядов греческой церкви и проч., 2-е, логика, метафизика и нравственная философия; 3-е, теоретическое правоуведение: право естественное, частное, публичное и народов; теория уголовного права и философия законодательства как древних, так и новейших народов; 4-е, положительные права: римское и российское и обряд российского судопроизводства; 5-е, науки государственного хозяйства и коммерции; 6-е, история всемирная и российская; 7-е, география математическая и политическая, всеобщая и российская статистика; 8-е, древности и мифология; 9-е, чистая математика, арифметика, геометрия, тригонометрия, алгебра, приложение алгебры к геометрии, конические сечения, дифференциальное и интегральное исчисления; 10-е, прикладная математика: механика, гражданская архитектура; 11-е, военные науки: артиллерия и фортификация; 12-е, курсы опытной физики и химии; 13-е, естественная история, технология и науки сельского хозяйства; 14-е, российская словесность: чтение лучших писателей и собственные опыты в стихах и прозе; 15-е, латинский язык, чтение, грамматика, синтаксис, переводы, чтение и разбор лучших писателей и сочинение; 16-е, греческий, те же предметы; 17-е, французский, те же предметы, 18-е немецкий, те же предметы; 19-е, искусства: черчение, рисование и танцование.

7.

Директор состоит в 5-м классе, если выше чина не имеет, профессоры ординарные в 7-м, экстраординарные и адъюнкты в 8-м. Нежинское училище, не имея при себе особого педагогического института, должно по необходимости заимствовать профессоров из учреждений для сего учебных заведений: не справедливо было бы, если бы лица, служащие в оных, при переходе в Нежинское училище высших наук, теряли права им по справедливости принадлежащие, хороший же состав учащихся, а вообще чиновников, есть лучший залог успехов училища и общественной пользы от него ожидаемой.

8.

Нежинское училище пользуется также всеми правами, Высочайшим Указом от 14-го февраля 1818 года благородному пансиону Московского университета и Главного педагогического института.

9.

Сие училище может завести у себя типографию, ежели сие найдется нужным или выгодным, сочинения своих членов, поступающие в печать, рассматривает конференция, от посторонних же не иначе принимать для печатания, как только с одобрением учрежденных для сего цензурных комитетов. Она может перепечатывать учебные книги, за получением на то согласия попечителя, которому одному принадлежит визитация, и к коему сие учебное заведение имеет непосредственно относиться как по ученой, так и по хозяйственной части.

10.

Так в следствие 8 пункта Записки покойного графа Безбородко, утвержденной Главным правлением училищ 5 октября 1805 года, так и потому, что содержание казенного пансиона состоит на иждивении суммы, пожертвованной основателями и ежегодно взносямой суммы 15 000 рублей, основатель может участвовать в приеме воспитанников и им представленные предпочтительно определяются, таким же образом представляется ему список пансионеров, выходящих из училища с означением их успехов и ежегодные отчеты училища, на которые он может сделать свои замечания, буде сие найдет полезным.

11.

В следствие права Патроната, всегда принадлежащего основателям общественных заведений, выбор всех чиновников как по учебной, так и по хозяйственной части до утверждения в их званиях, сообщается основателю, коему также представляется право представлять начальству на вакантные места особ, найденных им того достойными.

12.

Поелику могут встретиться важные причины, требующие или изменения в уставе, или перемещения сумм, или же назначения их на какие-либо особенные предметы и. с. п., то в таковых случаях, начальство, снесшись с основателем, представляет о том министру народного просвещения на разрешение, или для исходотайствования на то Высочайшего соизволения. Сии отношения возлагаются на старшего в фамилии основателя, содействующего определенным взносам содержанию сего училища»⁵⁷⁾.

25 июля 1818 г. последовало заключение Главного правления училищ «о наименовании предполагаемого в Нежине училища, соответственно Высочайшему повелению, **Гимназиею высших наук князя Безбородко**, и об учреждении сего заведения на основании, подобном Ярославскому Демидовскому высших наук училищу»⁸⁾ которое и было объявлено графу А. Г. Кушелеву-Безбородко.

5 августа 1818 г. Главное правление училищ рассматривает «начертание учебного курса» для Гимназии высших наук князя Безбородко, представленное графом А. Г. Кушелевым-Безбородко, и в основном утверждает его, «исправя токмо оный по сделанным замечаниям», решая одновременно, что «Нежинская гимназия, следуя сему учебному курсу, будет пользоваться всеми правами и преимуществами предоставленными по высочайшим узаконениям Ярославскому высших наук училищу»⁵⁹⁾. Вопрос о переименовании гимназии в лицей решено было оставить без последствий, требовалось также время, чтобы ответить на замечания по общему устройству Гимназии высших наук князя Безбородко. Между тем графу А. Г. Кушелеву-Безбородко предстояла длительная поездка за границу по

⁵⁷⁾ Там же. Л. 11—16. Записка А. Г. Кушелева-Безбородко на имя министра народного просвещения.

⁵⁸⁾ Там же. Л. 17. Выписка из журнала Главного правления училищ 5 августа 1818 г.

⁵⁹⁾ Там же. Л. 18 об.

службе его в коллегии иностранных дел, куда он отправился 8 августа того же 1818 г. Окончательное решение всех дел, связанных с учреждением в Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко, в связи с этим откладывалось на неопределенный срок, не помогло и близкое участие в них В. П. Кочубей, а также профессора Петербургского педагогического института В. Г. Кукольника.

За границей А. Г. Кушелев-Безбородко занимается углубленным изучением всего, что относится к государственному управлению или политике зарубежных стран. Не забываем, что дипломату исполнилось лишь 18 лет. Вот почему отец, отставной адмирал Г. Кушелев, в своих письмах спешит обратить внимание сына на доскональное изучение всех тонкостей дипломатической службы. «Буде тебе удастся быть во время конгресса в Аахене, — пишет он, — то ты будешь иметь прекрасный случай познакомиться со всеми деловыми министрами важнейших дворов, и потому старайся воспользоваться сим случаем — не только познакомиться с ними, но и узнать каждого характер и к чему каждый склонен. Также старайся проникнуть каждого двора интересы и как они согласуются с нашими пользами? Хотя и считают, что политика ищет, хоть с обманом, но токмо достигь своих выгод; но сие самое несправедливое дело. Истинная политика состоит, чтобы быть во всех случаях справедливу и верну, так чтобы сказанное было сдержано ненарушимо. В таком случае, когда утвердится совершенная доверенность, гораздо более выиграть можно, нежели обманами и хитростями»⁶⁰).

Помимо дипломатических дел граф А. Г. Кушелев-Безбородко не забывает самое пристальное внимание обращать на постановку высшего образования в странах Европы, он спешит познакомиться с ведущими учеными, профессорами и педагогами, посещает университетские лекции. В Дерпте он знакомится «с Пакотом, профессором физики, с Моргенштерном, профессором древности, известными в Германии, и другими профессорами математики и нрав, что весьма приятно и полезно»⁶¹), в Париже он продолжает знакомиться «с умными профессорами, уже известными своими сочинениями по правам и дипломатике», слушает «лекции в разных училищах», в том числе у г. Сея по политической экономии, Бенжамена Констана по политическим и математическим предметам⁶²). Здесь же, в Париже, он ищет возможности, чтобы «отпечатать планы Нежинского училища». Между тем отец ему сообщает, что его присутствие необходимо в Петербурге, дабы «о гимназии решительное сделать положение»: «Я тебе уже писал, что о Нежинском училище все-го еще ничего не решено. Граф Кочубей сказывал, что много затруднений; но еще думаю не так скоро кончат. Я бы желал, чтобы до твоего приезда и не окончили: при тебе бы гораздо лучше все сделалось»⁶³). По дороге на родину, граф А. Г. Кушелев-Безбородко, проезжая южную Италию, Швейцарию и Австрию, продолжает знакомиться с видными учеными, изучает методы преподавания, различные педагогические системы. Его внимание привлекает профессор Мезофанти — библио-

⁶⁰) Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. С. 168.

⁶¹) Там же. С. 167.

⁶²) Там же. С. 170.

⁶³) Там же.

текарь в Болонском университете, знающий 18 языков. «Он преподает там персидский и арабский... знает и по-русски, — пишет он отцу. — Он провел у меня вечер. Он читал и ему весьма нравятся Ломоносов, Херасков, Нестор; новейших же наших писателей не знает: ни Державина, ни Озарова, из которых я ему прочел несколько пассажей и которые его удивили»⁶⁴). В Женеве он знакомится с учеными Дюмоном, Бонстэтом и др., отсюда он спешит в Иверден, к знаменитому Песталоцци, впечатления от встречи с которым сообщает отцу в письме от 7 (19) июля 1819 г. «В Ивердене осматривали институт Песталоцци, — пишет он. — Он сам старик лет восьмидесяти, но веселый и любит толковать; так как я ему показал любопытство не только видеть наружное строение, но и методу преподавания вообще и частную систему каждой науки, а особливо математики, которую он делает, так сказать, преддверием других наук, чтобы приучить детей не летать на крыльях в философических рассуждениях, но приучаться с точностью математическою рассматривать все вещи. Увидя мое любопытство, он мне подробно и с великим ранением показывал все классы, методы и системы. Я нахожу систему учения его довольно основательною и в примерах учеников его видны редкие успехи. Дитя 11ти лет делает у него самые трудные арифметические задачи без помощи пера и доски, но в голове. Фелембергова система различается тем, что он более обращает внимание на историю»⁶⁵).

Все эти материалы проливают дополнительный свет на подготовку А. Г. Кушелева-Безбородко к будущей попечительской деятельности. Многое затем будет внесено в организацию учебно-преподавательской и воспитательной работы, в Устав Гимназии высших наук князя Безбородко. 22 августа 1819 г. он возвращается из-за границы, чтобы вновь окунуться в водоворот забот об окончательном учреждении Гимназии высших наук. В письме к отцу А. Г. Кушелев-Безбородко с сожалением констатирует, что за время его отсутствия ничего не сделано по устройству гимназии, радуется его только то, «что ничего не уступлено». Из дальнейшей переписки с отцом видно, насколько серьезный характер носили затруднения по учреждению гимназии высших наук, несмотря на ближайшее участие и помощь В. П. Кочубея, А. Н. Голицына, В. Г. Кукольника и др. 10 октября он сообщает отцу о своих дальнейших намерениях: «В воскресенье я обедал у бабушки с графом Кочубеем; на этих днях я еще был у него, чтобы торопить о гимназии. Наконец он назначил воскресенье, чтобы я к нему вечером приехал с Кукольниковым, чтобы вместе положить, что делать и когда приступить к делу. Я думаю между тем не худо мне, пользуясь старою привычкою, как прежде с вами, съездить к князю Голицыну в воскресенье поутру до обедни и тем найти случай что-нибудь поговорить с ним?»⁶⁶). Но проходит время, граф А. Г. Кушелев-Безбородко ничего не сообщает о дальнейшем развитии событий. Г. Кушелев спрашивает сына в письме от 25 октября, «что делается у тебя по гимназии». «Пора бы уж чем-нибудь и кончить, — пишет он. — Часто выдаешься с графом Виктором Павловичем и что он советует делать по гимназии? Также и Кукольни-

⁶⁴) Там же. С. 170—171.

⁶⁵) Там же. С. 171.

⁶⁶) Там же. С. 172.

нов остается ли при прежнем намерении? Ко мне писал Сандунов, что и он был бы согласен перейти в твою гимназию, но это было давно»⁶⁷).

В ответном письме А. Г. Кушелев-Безбородко ничего радостного не сообщает. «Граф Кочубей, — пишет он 26 октября, — все еще живет в Царском Селе; однако в понедельник я его видел несколько минут; о гимназии же сказал только то, что и прежде: **что проект их хорош токмо для греков**, но ничего не решил, что делать. Я думаю лучше теперь попросить у него этот проект и сделать самому на оный замечания и подать в комитет, судя по обстоятельствам, либо мне одному, либо вместе с графом Виктором Павловичем. Притом я познакомился с Тургеневыми, из коих старший — директор департамента духовного у князя Голицына; да и мне князя Голицына можно видеть и говорить в воскресенье, после обедни. Но прежде надо решить с Кочубеем. Если в понедельник не успею с ним поговорить, то на будущей неделе непременно еду в Царское: пора кончать! Уже дом два года готов и скоро гнить начнет, я думаю»⁶⁸).

По видимому, задержка была связана с тем, что В. П. Кочубею в то время было не до устройства гимназии. «Вчера вечером, — пишет А. Г. Кушелев-Безбородко отцу, — я был с Кукольником у графа Виктора Павловича. Он мне прочел проект, поданный ему комитетом уже в прошедшем году и на который он поныне не отвечал. Я взялся сделать замечания на оный — и в воскресенье вечером опять у него соберемся; тогда я ему их прочту. Он рекомендовал — и весьма основательно — токмо важные и судные вещи оспаривать, а мелкие и маловажные уступать, от того, что часто еще более за пустые вещи спорят и упрямятся»⁶⁹). Интересно ответное письмо Г. Кушелева, судя по которому, он принимал живейшее участие во всех делах, связанных с устройством гимназии и попечительством сына. «Хорошо, что о гимназии ты с графом Виктором Павловичем сносишься, — пишет он, — я надеюсь, что сие послужит уже к скорейшему решению; но нужно, **чтобы не был ты забыт при докладе и как открыть оную, думаю, что тебе самому притом должно там быть**; не худо и к князю Голицыну тебе по воскресеньям ездить»⁷⁰).

Тем временем, А. Г. Кушелев-Безбородко занят подготовкой «контрпроекта». «Я, сколько время мне позволяет, — пишет он отцу, — занимаюсь сочинением контрпроекта, который, по общем рассмотрении, граф Кочубей подаст от себя. Но всего более желаю, чтобы по крайней мере к январю или по весне открытие сделать и наконец начать учение»⁷¹). Однако, несмотря на прилагаемые усилия, дело об открытии гимназии не продвигается вперед, причина: назначение графа В. П. Кочубея министром внутренних дел. Новая деятельность полностью отвлекает его от забот об открытии гимназии. «О гимназии не знаю, скоро ли граф Кочубей окончит, от того, что он теперь занят министерством», — с тревогой пишет А. Г. Ку-

⁶⁷) Там же. С. 171—172.

⁶⁸) Там же. С. 172.

⁶⁹) Там же.

⁷⁰) Там же.

⁷¹) Там же.

шедев-Безбородко. II в декабрьском письме та же озабоченность «Дело о гимназии совсем не идет вперед... сообщает он отцу. — С тех пор, как граф Кочубей принял министерство, он отговаривается делами, а отстать от него теперь нельзя. Я все его пожуждаю; не знаю, скоро ли окончится»⁷²⁾. Видимо, какие-то более серьезные причины, нежели назначение В. П. Кочубея, препятствовали окончанию дела по основанию гимназии высших наук. Именно в эти годы совершенно меняется политика правительства по отношению к развитию просвещения и распространению наук в стране: начинается преследование передовых ученых в Петербурге, затем в Казани (Рунвич, Магницкий, их обскурантизм в области народного просвещения).

Лишь весной 1820 г., не без стараний А. Г. Кушелева-Безбородко, а также В. Г. Кукольника, Главное правление училищ смогло подготовить доклад на Высочайшее имя об открытии в Нежинской Гимназии высших наук князя Безбородко.

6 марта 1820 г. заседает Ученый комитет, а уже 18 марта Главное правление училищ слушает дело «о Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко в присутствии нынешнего преемника в основании сего училища А. Г. Кушелева-Безбородко»⁷³⁾. В постановляющей части было определено: «I. Согласно прежнему положению Главного правления училищ 25 июля 1818 года, в котором, по изъясненным достаточно причинам, Нежинская гимназия высших наук князя Безбородко, как по самому ее наименованию, в 29 день июля 1805 года **высочайшею** волею ей данному, так и в соответствии с целью ей предназначению, сравнена во всем с Ярославским Демидовским высших наук училищем, заведение сие должно остаться и ныне на том же самом основании и на тех же правах, в отношении к чиновникам и воспитанникам оной. Что же касается до распространения на оное и спрашиваемых ныне тех особых прав, кои Указом 14 февраля 1818 года высочайше дарованы пансионам при С.-Петербургском и Московском университетах, то главное правление училищ не признает возможным изъять на то своего согласия, поелику особые права сии по Высочайшей воле даны токмо тем именно пансионам, находящимся в составе с университетами, распространение же сих привелегий на другие учебные заведения послужат непременно в подрыв университетам, не принося существенной пользы самым тем заведениям, кои и привелегии должны согласоваться со степенью, в коей они находятся между училищами и с целью, для которой устанавливаются»⁷⁴⁾. О каких «привелегиях» в сравнении со столичными «благородными пансионами» могла идти речь, если предполагалось, что Нежинская Гимназия высших наук князя Безбородко предназначалась преимущественно для детей бедных дворян и других неимущих состояний! По этой, по-видимому, причине было отказано и в переименовании гимназии в лицей.

В отношении начертания учебного плана, представленного А. Г. Кушелевым-Безбородко, Главное правление училищ ограничилось общими указаниями во избежание излишней регламентации.

⁷²⁾ Там же. С. 173.

⁷³⁾ ЦГИА СССР. Ф. 733. 0.94. Д. 1. Л. 19. Выписка из журнала Главного правления училищ 18 марта 1820 г.

⁷⁴⁾ Там же. Л. 19.

В определении было отмечено: «Подобное изложение всех занятий каждого года по сему училищу, каково оное находится в представленном начертании, излишне; а вместо того составить оное токмо из вступления, какое при оном написано весьма в хорошем духе, и должно оставаться все без перемены; потом же из краткого распределения предметов учебных на три трехлетия, из общего наименования сих предметов в каждом трехлетии, и наконец упомянуть, когда должны быть экзамены; в чем же именно экзаменовать, сие не упоминая, предоставить начальству Гимназии»⁷⁵).

Решена была проблема и почетного попечительства: им утверждался граф А. Г. Кушелев Безбородко «во уважение стличного для пользы общественной подвига, покойным князем Безбородко, а по нем дедом нынешнего графа Кушелева-Безбородко, и им самим учиненного, в доставление способов к основанию толь важного учебного заведения»⁷⁶). В заключении «Положение», утвержденное Главным правлением училищ, министр народного просвещения должен был «предоставить на высочайшее усмотрение».

11 апреля 1820 года князь А. Н. Голицын докладывал Александру I « по предмету заводимой в Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко». На полях «Докладной записки» было отмечено: «Докладована в С. Петербурге 11 апреля 1820 года. Высочайше утвердить соизволил. Заключение мое с Главным правлением училищ, а графа Безбородко Всемилостивейше пожаловать камергером, о чем поднести указ к подписанию»⁷⁷). «Докладная записка» министра народного просвещения представляет несомненный интерес, так как в ней в сущности и определяется своеобразие структуры Гимназии высших наук, ее трехчленное деление, преподаваемые предметы, другие основополагающие подробности, которые будут затем утверждены в Указе Александра I Правительствующему сенату (текст приводится без сокращений с сохранением стилистики и пунктуации):

«НО ПРЕДМЕТУ ЗАВОДИМОЙ В НЕЖИНЕ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

Действительный тайный советник граф Безбородко в поданном в 1805 году на Высочайшее имя прошении изъяснил, что после смерти брата своего князя Безбородко нашел записку, в коей означено его желание, дабы из доходов оставшегося после него имения, внесиме было в воспитательный дом: 1. В продолжение первых пяти лет по смерти его 10 000 рублей. 2. По истечении сего времени, чрез восемь лет по 20 000 рублей, с тем, чтобы проценты с сих сумм обращаемы были в пользу Богоугодных заведений.

Граф Безбородко, желая исполнить таковое намерение брата своего, предполагал устроить в Нежине на счет сего пожертвования

⁷⁵) Там же. Л. 20

⁷⁶) Там же.

⁷⁷) Там же. Л. 20. об. (Следует добавить, что курс наук подвергся значительному сокращению: исключены были все сельско-хозяйственные, технологические, коммерции предметы. То есть повторилась история с утверждением Устава Царскоесельского лицея, где тоже были сняты подобные предметы («зачем их знать будущему министру или чиновнику», как докладывал министр народного просвещения Разумовский).

училище вышних наук. На сей конец сверх назначенных братом его 210 000 рублей уступил он навсегда место с садом в городе Нежине и определил на вечные времена из доходов своих по 15 000 рублей ежегодно, обеспечив платеж сих сумм тремя тысячами душ в Малороссии.

Таковое предположение графа Безбородко **Именным ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА** Указом в 29 день июля 1805 года Правительствующему Сенату данным, **ВЫСОЧАЙШЕ** утверждено, а училищу повелено именоваться Гимназиею вышних наук князя Безбородко.

Определенные на сей предмет по завещанию князя Безбородко 210 000 рублей все сполна внесены для обращения из процентов в Государственный заемный банк.

На постройку здания для училища употреблено:
помянутый ежегодный доход 15 000 рублей в течение 14 лет 204 000 рублей;
шестилетние проценты с части капитала . . . 11 920 —» —
к тому прибавлено еще наличными покойным графом Безбородко . . . 182 104 —» —
из собственных сумм графа Кушелева-Безбородко . . . 206 010 —» —
Итого строение стоит . . . 604 034 рубл.
Доход ежегодный для содержания училища ныне в виду имеющийся:

с отказанного князем Безбородко первоначального капитала . . . 210 000 рублей
и с накопившихся на оный процентов . . . 159 513 рублей.
Но переводе сих сумм в Коммерческий банк ежегодных процентов будет . . . 22 170 рублей.
Ноложенный графом Безбородко ежегодный доход . . . 15 000 рублей'

Предположенные вновь графом Кушелевым-Безбородко ко внесению при открытии училища одновременно 50 000 и ежегодного дохода за 1819 и 1820 годы, по 15 000 рублей, — 30 000; полагая на них также по шести процентов приносить будут . . . 4 800

Итого дохода ежегодно . . . 41 970 рублей.

Сверх того граф Кушелев-Безбородко приносит в дар сему заведению: на физический кабинет и первоначальное обзаведение 20 000 рублей и библиотеку, состоящую из 2 500 томов отборных созданий.

При училище предполагается содержать 27 казенных воспитанников, на счет вышесказанного ежегодного дохода. Сверх того приготовлено помещение до 150 вольных пансионеров, полагая с каждого платы по 1000 рублей.

Граф Кушелев-Безбородко сначала просил, по уважению толь значительных пожертвований на сие учебное заведение и общего, деда его и его собственного желания, чтобы сие заведение было вышшим, наименовать оное **Лицеум**, а ныне испрашивает:

1. Чтоб училищу сему предоставлены были права и преимущества, коими пользуются университетские пансионы.
2. Дабы оно состояло в непосредственной зависимости попечителя Харьковского учебного округа.

3. Чтобы определены были отношения его, графа Кушелева-Безбородко, к училищу.

Дело сие предложено мною было на рассуждение Главного училищ правления, которое положило следующее:

1. Предполагаемое в Нежине училище должно именоваться **Гимназиею вышних наук князя Безбородко**, соответственно последовавшему уже о нем в 1805 году **ВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** повелению, поелику учреждение вновь лицеев, где бы то ни было, не согласуется с общеприятою Главным правлением училищ системою народного просвещения в государстве.

2. В сообразность с целию такого заведения, учредить оное на основании, подобном Ярославскому Демидовскому высших наук училищу и на тех же правах, в отношении к чиновникам и воспитанникам оного.

3. Что же касается до распространения на оное тех особых прав, кои Указом 14 февраля 1818 года Высочайше дарованы пансионам при Санктпетербургском и Московском университетах, то сие не признается возможным, поелику особые права сии по Высочайшей воле даны тем именно пансионам, находящимся в составе с университетами; распространение же сих привилегий на другие учебные заведения послужит непременно в подрыв университетам, не принося существенной пользы самым тем заведениям, кои и привилегии должны согласоваться со степенью, в коей оные находятся между училищами, и с целию для которой устанавливаются.

4. Во уважение отличного для пользы общественной подвига, покойным князем Безбородко, и по нем дедам нынешнего графа Кушелева-Безбородко, и им самим учиненного, в доставлении способов к основанию толь важного учебного заведения, признается приличным основателю оного, коего лицо представляет ныне граф Кушелев-Безбородко, носить звание Почетного попечителя Нежинской Гимназии, и по нем иметь оное навсегда стащему в роде его.

Сношения его с Гимназиею и начальством училищным определяются в последствии по надлежащем соображении.

5. Самой Гимназии сей состоять под непосредственным ведомством Попечителя Харьковского учебного округа.

6. Учебные предметы, приличные сего рода заведениям, распределить на три трехлетия, таким образом, чтоб они продолжались постепенно в трех разрядах по удобности, отнеся преподавание высших наук к последнему разряду или трехлетию.

СПРАВКА. Устава Ярославского Демидовского вышних наук училища в следующих статьях изображено: 3. «Училище сие занимает первую степень непосредственно после центральных университетов в империи существующих. 5. Профессоры состоят в осьмом классе. В звании своем утверждаются они министром народного просвещения; после чего получают патент, на чин сему классу соответствующий. Они пользуются правом университетов, в рассуждении пансионеров как им, так и вдовам и детям их по выслуге положенных лет. Сумма на пансион составляется отдаваемым на проценты остатком ежегодных доходов. 7. Проректор избирается ежегодно из профессоров, составляющих сословие сего училища, и состоит в шестом классе государственных чиновников, доколе в должности пребывает. Он утверждается в сем звании министром народного просвещения.

11. Совету предоставляется право производить в студенты-кандидаты 12 класса. Имеющие потребные сведения для получения высших достоинств, обращаются в Московский или другие университеты. 20. Студенты, получившие свидетельства от сего училища о совершенном окончании наук, принимаются в службу четырнадцатым классом».

Высочайших Указов, данных: 1) в 14 день генваря 1811 года на имя министра народного просвещения, между прочим, в 5 пункте: Аттестаты Ярославского училища высших наук имеют равную силу с аттестатами университетов. 2) Такового же Указа 14 февраля 1818 года на имя начальника Главного Штаба Вашего Императорского Величества генерал-адъютанта князя Волконского: Студенты Ярославского Демидовского высших наук училища, вступив в военную службу, находятся первые шесть месяцев в нижних чинах, а потом производятся в офицеры, хотя бы в полках, куда они приняты, на тот раз не было вакансий.

В Указе 14 февраля 1818 года касательно Благородных пансионеров, состоящих при Московском и Санктпетербургском университетах: Инспекторы обоих сих пансионеров состоят в седьмом, помощники их в восьмом, учителя наук и надзиратели равняются в преимущества с старшими учителями губернских гимназий, то есть состоят в девятом классе, а учителя языков в десятом, учителя искусств в двенадцатом. Воспитанники, кончившие полный курс учения, в сих пансионах преподаваемый, при хорошем поведении и по строгом испытании, должствующих производиться в самых сих заведениях, получившие надлежащие одобрительные аттестаты об успехах с предметов, им преподаваемых, вступают в гражданскую службу, смотря по степени их успехов, с чинами от 14 до 10 класса включительно, и в военную на том основании, как студенты университетские. то есть, прослужив в нижних званиях шесть месяцев, по прошествии же сего срока производятся в офицеры, хотя бы не было вакансий в тех полках, куда они приняты будут.»⁷⁸⁾

19 апреля 1820 года последовало от высочайшего имени письмо на имя министра народного просвещения, в котором утверждалось «устройство в городе Нежине высшего учебного заведения». В тот же день был подписан Указ Придворной канцелярии о пожаловании графа А. Г. Кушелева-Безбородко «в звание камергера». Оба эти документы имеют прямое отношение к основанию Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине (тексты публикуются впервые):

«Князь Александр Николаевич!

Рассмотрев представление Ваше об устройении в городе Нежине высшего учебного заведения, по предположению покойного действительного, и в военную на том основании, как студенты университетские сенное МНЕ по сему предмету прошение от находящегося в ведомстве Коллегии Иностранных дел коллежского асессора графа Кушелева-Безбородко, повелеваю:

1. Училище сие, согласно с последовавшим о нем в 29 день июля 1805 года повелением МОИМ, именовать Гимназию высших наук князя Безбородко.

⁷⁸⁾ Там же. Л. 21—25.

2. В сообразность с целью такого заведения, учредить оное на одинаковых с Ярославским Демидовским вышних наук училищем правах, в отношении к чиновникам и воспитанникам оного; в рассуждение же учения, на основании, предложенным Главным училищ управлением.

3. Во уважение отличного для пользы общественной подвига, покойным князем Безбородко, также братом его графом Безбородко, равномерно и ныне внуком их графом Кушелевым-Безбородко учиненного, в доставлении способов к основанию толь важного учебного заведения, предоставить графу Кушелеву-Безбородко, представляющему ныне-лицо основателя оного, носить звание Почетного попечителя Гимназии и по нем иметь оное всегда старшему в роде его. Сношения его с Гимназиею и начальством училищным определены будут Уставом Гимназии, который представить МНЕ на утверждение.

4. Гимназии вышних наук князя Безбородко состоять под непосредственным ведомством Попечителя Харьковского учебного округа.

Пребываю Вам благосклонный АЛЕКСАНДР.
В С. — Петербурге 19 апреля 1820»⁷⁹⁾.

«УКАЗ ПРИДВОРНОЙ КОНТОРЕ (Копия).

В воздаяние отличного усердия и содействия к общей пользе находящегося в ведомстве Коллегии Иностранных дел коллежского асессора графа Александра Кушелева-Безбородко, приведением в действие предложений покойного деда его действительного тайного советника графа Безбородко, по предмету учреждения в городе Нежине Гимназии вышних наук князя Безбородко и по уважению значительных пожертвований на сие учебное заведение как помянутых предков его, так и его собственных, всемилоостивейше пожаловали МЫ его графа Кушелева-Безбородко в звание камергера Двора нашего.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою АЛЕКСАНДР.

В С. — Петербурге 19 апреля 1820 года»⁸⁰⁾.

19 апреля 1820 года был подписан и Указ об учреждении в городе Нежине Гимназии вышних наук князя Безбородко⁸¹⁾.

Поразительна продуманность, ясность и отчетливость общего плана — трехступенчатой структуры Гимназии высших наук, восходящей к петровской идее или концепции взаимосвязанной системы высшего и среднего образования в России. Только там академия — университет — гимназия, здесь же высшие науки — академические классы, средние или гимназические и низшие или уездные классы. Концепция Гимназии высших наук разрабатывалась и видоизменялась на протяжении пятнадцати лет, начиная от «краткого начертания» профессора Аф. Стойковича с замечаниями ректора Харьковского университета Ивана Рижского или такого же начертания члена

⁷⁹⁾ Там же. Л. 26—26 об.

⁸⁰⁾ Там же. Л. 27.

⁸¹⁾ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. Царствование имп. Александра I. 1801—1825. СПб., 1864. С. 1600—1602.

Главного правления училищ Н. И. Фуса, вплоть до подготовленного совместными усилиями В. П. Кочубея, В. Г. Кукольника и А. Г. Кушелева-Безбородко общего построения Гимназии высших наук.

Вслед за официальным утверждением Гимназии высших наук князя Безбородко А. Г. Кушелев-Безбородко предпринимает все усилия на скорейшее утверждение Устава Гимназии и открытие учения. 22 июня 1820 г. он обращается с соответствующим письмом-ходатайством на имя министра народного просвещения, с которым предварительно была согласована кандидатура профессора Петербургского университета В. Г. Кукольника на должность директора. К письму был приложен список «изъявивших желание поступить в Гимназию высших наук князя Безбородко на места младших профессоров».

В выписке из решения Главного правления училищ от 2 июля 1820 года говорилось: «1820 года июня 30 дня Главное правление училищ слушало письмо Александра Кушелева-Безбородко от 22 июня сего на имя его сиятельства господина министра духовных дел и народного просвещения, в коем пишет, что желательно было, чтоб Устав для Гимназии высших наук князя Безбородко был утвержден до предполагаемого отъезда из столицы государя императора, но как по краткости времени сие становится затруднительным, то он покорнейше просит сделать распоряжение, чтобы между тем в сем училище могло, на основании уже утвержденных постановлений, в будущем августе месяце начато было учение, чего многие с нетерпением ожидают; а торжественное открытие отложить до высочайшего утверждения Устава, как сие бывало с университетами и другими заведениями. Что же касается до училищных чиновников, то он уже словесно изъявил господину министру желание, чтобы на место директора Гимназии высших наук князя Безбородко определен был профессор Санктпетербургского университета, статский советник Кукольник, который на то уже и согласился и коего заслуги по учебной части, долговременная опытность по управлению и другие качества, требуемые для сего места, известны его сиятельству и подают надежду, что училище под его надзором и управлением получит желаемое устройство и будет в надлежащей мере соответствовать своей цели и ожиданию правительства.

При сем граф Кушелев-Безбородко представил список изъявивших желание поступить в Гимназию высших наук князя Безбородко на места младших профессоров»⁸²).

В своей постановляющей части Главное правление училищ определило: «Предоставить господину Попечителю Харьковского учебного округа сделать зависящее от него распоряжение о начале учения ныне в Гимназии высших наук Безбородко на основании Высочайшего рескрипта 19 апреля сего года и об определении в оную профессоров и других чиновников до восполнения Высочайшего утверждения на устав сей Гимназии, как сие было по Ярославскому Демидовскому училищу и Харьковскому университету, для чего и помянутый рескрипт сообщить ему, г. попечителю. Об утверждении директором сей Гимназии статского советника Кукольника по из-

⁸²) Ц Г И А С С С Р. Ф. 733. 0.94. Д. 1. Л. 28.

вестности его службы и достоинства представить на благоусмотрение государя императора. Что же касается до поименованных в представленном графом Кушелевым-Безбородко списке чиновников, изъявивших желание поступить в помянутую Гимназию на места младших профессоров, то Почетному попечителю снести об них предварительно с г. попечителем Харьковского учебного округа, который и не оставит представить о том господину министру для исходатаивования согласия нынешнего начальства тех чиновников по такому их желанию и для утверждения в званиях, в какие будут избраны»⁸³).

Мы не будем касаться подробно процедуры назначения директора и профессоров в Гимназию высших наук князя Безбородко. Скажем только, что уже в августе месяце 1820 г. В. Г. Кукольник приезжает со своим многочисленным семейством в Нежин. В конце августа поступил и первый воспитанник Семен Коханович. Отметим только, что торжественного открытия учения в Гимназии высших наук князя Безбородко так и не состоялось, так как утверждение Устава Гимназии затянулось вплоть до 19 февраля 1825 г. Так или иначе, с августа месяца 1820 г. Гимназия высших наук князя Безбородко начала свое функционирование.

А. В. БОБЫРЬ (Чернигов)

ИЗ ИСТОРИИ НЕЖИНСКОЙ И НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЙ ГИМНАЗИИ

Исторические судьбы Нежинской гимназии высших наук, открывшейся в 1820 г., и Новгород-Северской гимназии, которая была учреждена в 1805 г., соприкасались и пересекались. Летоисец Новгород-Северской гимназии М. К. Чалый, рассказывая о ее открытии, говорил: «Замечательно, что это достопамятное для города событие совершалось уже после того, когда предложено было учредить в Нежине гимназию высших наук князя Безбородка, в 150 верстах от Новгорода-Северского» (Воспоминания М. К. Чалого. — Киевская старина. — 1889, т. 25, с. 75).

Новгород-Северская гимназия в первой половине XIX в. считалась лучшей на Украине. Ее первый директор И. И. Халапский планировал открыть в городе университет. В письме к малороссийскому генерал-губернатору А. Б. Куракину он предлагал занять под университет Спасо-Преображенский монастырь, который был расположен в живописной местности — на горе возле Десны, две каменные теплые церкви, двухэтажный «начальничий дом», двухэтажную духовную семинарию, деревянные флигеля, в которых жили монахи. Немноголюдный город, здоровый климат, живописная местность представлялись идеальными для «упражнений в науках». В связи со строительством Нежинского лицея этот план остался нереализован.

В 1825 г. директором Новгород-Северской гимназии был назначен доктор философии Харьковского университета и доктор права Московского университета, член Великобританского и Геттингенского научных товариществ И. Ф. Тимковский, который тринадцать лет возглавлял учебное заведение. Это был период расцвета гимназии:

⁸³) Там же. Л. 29.

её выпускники без экзаменов поступали в Харьковский университет, ректор Киевского университета М. А. Максимович благодарил директора за высокий уровень подготовки гимназистов, среди воспитанников Тимковского был К. Д. Ушинский.

Попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. Фон-Брадке, предлагая И. Ф. Тимковскому в 1834 г. возглавить Нежинскую гимназию высших наук, писал ему: «Директор лицея князя Безбородко подал прошение об увольнении его от службы, а потому, озабочиваясь назначением сему заведению достойного начальника, я с полным убеждением найду в Вас достойнейшего для сего чиновника, предлагаю Вам сие место и уверен, что сей выбор с особенным удовольствием будет утвержден высшим начальством» (Цит. по ст.: Шугуров Н. Илья Федорович Тимковский. Педагог прошлого времени.— Киевская старина.— 1891, т. 35, с. 89). Но И. Ф. Тимковский отказался от должности. Новгород-Северской гимназии угрожало закрытие и перевод в Нежинский лицей, где гимназии тогда не было. Открытие Киевского университета и нескольких гимназий привело к тому, что в лицее не хватало студентов. Решение Тимковского связано не только с личными причинами (он не хотел уезжать из имения, расставаться с родными и близкими). Педагог считал Новгород-Северский, подобно Иене, Галле и Геттингену, наиболее удобным для высшего учебного заведения.

Переписка И. Ф. Тимковского с попечителем Харьковского учебного округа А. А. Перовским в 1827 г. свидетельствовала о серьезных намерениях создать в Новгороде-Северском крупный просветительский центр.

Несмотря на отдаленность от культурных центров, в Новгород-Северской гимназии следили за современной литературой. Учитель истории М. Г. Ерофеев познакомил гимназистов с творчеством Н. В. Гоголя и предсказал ему славное будущее. Обращая внимание своих учеников на «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», педагог заметил: «В этой смешной повести, господа, проглядывается высокое дарование. Это одно из первых произведений молодого писателя. Судя по началу, от него можно ожидать гениальных произведений» (Киевская старина.— 1889, т. 26, с. 164).

В 1837 г. в Новгород-Северскую гимназию поступил приехавший из Петербурга ученик П. К. Лазаревич, который привез с собой «Ревизор» Н. В. Гоголя в рукописи. Он видел эту комедию в столичном театре, и поэтому, когда читал пьесу гимназистам, подражал игре актеров.

Отзвуки нежинского «дела о вольнодумстве», вероятно, дошли до Новгорода-Северского. В 1828 г. был издан один из учеников гимназии, который привез из дому брошюру о деле декабристов «Донесение следственной комиссии».

НЕЖИНСКАЯ ГИМНАЗИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДОГО ГОГОЛЯ О ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.

Интерес к древнерусской литературе и культуре минувших веков сопровождал Н. В. Гоголя всю жизнь. Творческая эволюция писателя неразрывно связана с обращением к истории России и Малороссии, древнерусским памятникам письменности.

Исследователи находят множество соответствий древнерусской традиции в произведениях Н. В. Гоголя. Многие грани проблемы «Гоголь и древнерусская литература» уже получили достаточное освещение в литературоведении. На традиции древнерусской литературы в творчестве Гоголя в разное время указывали Г. А. Гуковский, М. Б. Храпченко, Ю. В. Манн. В последние годы появился ряд специальных исследований, посвященных отдельным вопросам данной проблемы.

Однако до сих пор многие исследователи полагают, что ранний этап формирования Гоголя-художника — Нежинская гимназия высших наук — включает воспитание устойчивого интереса будущего писателя к украинскому и русскому фольклору, театру, истории.

Поэтому, как правило, ученые связывают интерес Н. В. Гоголя к древнерусской литературе с более поздними этапами творчества писателя. Думается, вопрос об отношении Гоголя-гимназиста к древнерусской литературе и культуре еще недостаточно прояснен. Нам представляется, что начало интереса Гоголя к древнерусской культуре — в стенах Нежинской гимназии, в самом духе литературной школы, формировавшей определенные эстетические взгляды учеников. Уже в стенах гимназии Гоголь познакомился с многими произведениями древнерусской литературы, отрывками из летописей, рукописными книгами. Этому способствовало чтение исторических трудов Карамзина, Вантыш-Каменского, Кайданова, большая часть которых, как известно, основана на пространых цитатах из древнерусских летописей, содержит подробный пересказ летописных легенд и т. п.

Уже ранние, не досшедшие к нам литературные опыты Гоголя-гимназиста свидетельствуют об интересе и основательном знакомстве с древнерусской литературой. Так, замысел ранней поэмы «Россия под игом татар» возник, возможно, при знакомстве Гоголя с воинскими повестями 13-15 вв. Вероятно, и утраченная юношеская повесть «Братья Твердиславичи» создавалась под влиянием литературных источников древности.

Подробного рассмотрения в связи с означенной проблемой заслуживают сохранившиеся произведения нежинского периода. Скажем, основной мотив «Ганца Кюхельартена» отдаленно напоминает о странствиях безымянного героя «Повести о Горе и Злочастии». Именно в стенах Нежинской гимназии Гоголь разрабатывал ведущий мотив древнерусской литературы — странствия. Привлекла молодого Гоголя и поэтика демократической литературы — тесная связь с фольклором, песенная традиция, народный стих, необычный герой. Думается, такое предложение не противоречит традиционной трактовке «Ганца Кюхельартена» как произведения романтического.

Заслуживає уваги також «Глава из исторического романа», написана, по-видимому, ще в Нежині й що стосується до задумки роману про нежинського полковника Степана Остриця. Наряду з традиційним мотивом страждання героя й показання злого пана. Зміст і манера оповіщення нагадують широко розповсюджені в давньоруській літературі легенди й оповідання про грішників. Художественна манера «Глави...» й деякі інші типологічні відповідності дозволяють висказати припущення про вплив давньоруської літератури (в частині її епіграфічного циклу) на розробку деяких сюжетних ліній задуманого історичного роману.

Відповідності давньоруської літературної традиції можна знайти й в більш пізніх творах Гоголя («Страшна месть», «Тарас Бульба», «Вибрані місця...»). Однак, початок всьому — Нежинська гімназія, світ літературної школи, сформований Гоголем — письменником, істориком, мислителем.

В. МАРЕМПОЛЬСЬКИЙ (Запоріжжя)

ВІДЛУННЯ НИЖИНСЬКОГО ПЕРІОДУ

Нижин — історичне місто України. Здавна входив до Київської Русі. З середини XIV ст. був у складі Великого Литовського князівства, а за Дуклінським перемир'ям 1618 року відійшов до шляхетської Польщі. В 1648 р. Запорозьке козацьке військо на чолі з Богданом Хмельницьким визволило Нижин від шляхетського панування, і з цього часу він став полковим містом Ніжинського полку нарівні з Києвом, Черніговом, Переяславом. Гарячий відгук у місті знайшли перемог Богдана Хмельницького у Визвольній війні українського народу 1648—1654 років, які привели до возз'єднання України з Росією. Через Нижин проходили дипломатичні зносини Богдана з Москвою. Теплий прийом виявили ніжинці боярському Посольству російського царя Олексія Михайловича. Бойовими діями прославився ніжинський полковник Іван Золотаренко, шурина Хмельницького. У 1663 р. в Ніжині відбулася Чорна рада. За Андрусівським перемир'ям 1667 р. Нижин відійшов до Росії. Протягом своєї багатомісячної історії майже до початку XIX ст. Нижин був фортецею.

Ці та інші історичні події на Україні, центром яких була Запорозька Січ — «християнська козацька республіка» (К. Маркс), не могли не зацікавити юного любителя історії, учня Ніжинської гімназії Миколу Гоголя. В пору його навчання тут працювало історичне товариство під керівництвом старших вихователів Петра Редкіна і Василя Любича-Романовича, постійним членом якого був юний Гоголь. Тут у колі друзів, що захоплювались історією, в нього зародилась смілива ідея написати багатотомний твір з загальної історії та географії України під назвою «Земля і люди», над яким Гоголь, вже будучи ад'юнктом-професором історії Петербурського університету, вперше працював на початку 30-х років. Свідченням демократичних і гуманістичних тенденцій у світогляді молодого Гоголя був його постійний інтерес до життя простих людей, до народного побуту і українського фольклору. Юнак часто відвідує передмістя Ніжина — Магерки, де мав чимало знайомих селян, бував у них на весіллях, захоплено при-

слухався до історичних пісень та дум, які співали на ярмарках сліпі кобзарі. Мабуть, саме тоді він почув «Думу про Самійла Кішку», «Думу про Івана Коновченка», думи про Паливайка, Острияницю та інші. Вже з 1826 р. Гоголь веде записну книжку під назвою «Книга святої вєлячины или подручная энциклопедия», до якої заносить старовинні легенди, прислів'я, слова «малороссийского лексикона», українські і російські народні пісні, виписує цитати з «Енеїди» Котляревського. На сторінках 41—43 записана «Вирша, говоренная гемацу Плотемкину запорожцами».

В кінці 1833 р. М. Гоголь, паралельно з писанням історії України, працює над першою редакцією давно задуманої повісті з життя запорозьких козаків «Тарас Бульба». Він широко використовує «Історію Русов» Г. А. Полетики, «Описанием Украйны» Вольмана, «Історію о казаках запорожцах» Мишецького, козацькими літописами Г. Грабянки, С. Величка, Самовидця та іншими джерелами, присвяченими Запорізькій Січі та українському козацтву.²

При роботі над другою редакцією «Тараса Бульби» особливе значення для письменника мали фольклорні джерела: «Запорожская старина» І. Срезневського, «Малороссийские песни» М. Максимовича, «Малороссийские и червонорусские думы и песни» П. Лукашевича та ін. Це було фактичне поглиблення ніжніських захоплень.

В героїчній епопеї «Тарас Бульба» відобразив визвольну боротьбу українського народу проти польської шляхти, поставивши в центр Запорозьку Січ, малюванню картини якої нема аналогу в літературі. В дусі пісенно-бильної традиції передає героїчні подвиги людей, безмежно відданих батьківщині її визволенню від чужоземних загрозників, які на полі бою віддавали за неї життя. Шлякі мук і страждань не можуть зламати сили духу гордого і суворого полковника-запорожця Тараса Бульби, його безмежної любові до рідної української землі. Власною рукою вбиває він зрадника вітчизни і православної віри сина Андрія. Незважаючи на небезпеку, Тарас пробігається в лівго ворога, щоб підбадьорити мужнім словом борця у хвилину страти героя-сина Остапа. Тоді на весь майдан серед бездушного натовпу польських шляхтичів і крамарів лунає його гомон: «Чую!» Поруч з Тарасом і Остапом діють благородні лицарі-козаци Касян Бовдюг, Мусій Шило, Степан Гуска, Кукубенко — богатирі, готові віддати життя заради врятування поневоленої України та зганьбленої православної віри.

Це Тарас Бульба проголошує гарячий монолог на честь дружби і товаришування в боротьбі за свободу народу:

«...Нема зв'язку, святого від товариства. Батько любить свою дитину, мати любить свою дитину, дитина любить батька і матір; та це не те, братця; любить і звір свою дитину... Але поріднитися рідністю по душі, а не по крові, може тільки сама людина. Бували й по інших землях товариші, але таких, як у Руській землі, не було

1 Див.: А. П. Степанов, Николай Васильевич Гоголь. Биография писателя. — М. — Л.: «Просвещение», 1966, — С. 15-16.

2 Див.: Н. Е. Крутікова, Микола Васильович Гоголь. Життя і творчість. — К.: Держвидав, 1951, — С. 11.

таких товаришів... Ні, братця, так любить руська душа, любити не те, щоб розумом чи іншим чим, а всім, чим дав бог, що тільки є в тобі, а...» сказав Тарас і махнув рукою, і потряс сивою головою і вусом моргнув, і сказав: «Ні, так любити ніхто не може!..»

Трагічним та життєствержуючим акордом звучить фінал повісті: «Та чи знайдуться на світі такі вогні, муки і така сила, яка переніла б руську силу!»

Ю. В. ЯКУБИНА (Пежин)

О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА СЛОВЕСНОСТИ В ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

Гимназии высших наук князя Безбородко давала своим воспитанникам разностороннее энциклопедическое, в том числе и классическое образование. Трехступенчатая структура Гимназии позволяла в стенах одного учебного заведения совмещать высшие, академические классы и подготовительные — гимназические и уездные. Кроме того, уже при директорстве И. С. Орлая были отдельно выделены грамматические классы или отделения, в которых изучались языки латинский, французский и немецкий совместно с курсом словесности этих же языков, Греческому языку и эллино-греческой словесности воспитанники обучались по желанию родителей. Такой системы изучения языков придерживались в учебных заведениях западной Европы, распространена была она и в Киево-Могилянской академии.

Обратимся к примеру изучения латинского языка и словесности, структура преподавания которого не отличалась от французского и немецкого языков и словесности. Обучение латинскому языку начиналось при самом открытии гимназии младшим профессором Пилипкевичем. После перемещения его в Киевскую гимназию этот курс вели Семен Андрущенко, а с 1825 по 1829 год И. Г. Кулжинский. Все они в той или иной степени закладывали основы изучения латинского языка и словесности таких воспитанников Гимназии высших наук как П. Редкин, В. Любич-Романович, К. Базили, Н. Гоголь и др. О Пилипкевиче сказано в журнале конференции Гимназии, что тот «занимал с особенным усердием прежние классы свои по профессорству преподавания латинской словесности.» Семен Андрущенко отличался своими демократическими воззрениями, пользовался особым авторитетом, ему была доверена должность учебного секретаря конференции Гимназии при И. С. Орлае, не прошло мимо его и «дело о вольнодумстве». И. Г. Кулжинский заслуженно считается одним из самых близких Н. Гоголю и Е. Гребенке учителей. Он много писал на украинские темы, автор ряда художественных произведений из исторического прошлого Украины, одним из первых писал о народных украинских песнях, легендах и обычаях, и хотя гимназисты посмеивались над его литературными опытами, и все же влияние его на многих из них было, хотя оно и носит особый характер.

Шестигодичный курс обучения языкам и словесности предполагал изучение в первом классе или грамматическом отделении чтения и письмо, части речи, в том числе склонение имен существитель-

ных, прилагательных и местоимений, принадлежности глаголов и спряжение вспомогательного глагола, предлагались «упражнения как в согласии прилагательных с существительным, так и в надежном их изменении», кроме того на каждом уроке изучались 10 «употребительнейших слов». Во втором отделении изучалось спряжение глаголов, вся этимология, читалась хрестоматия («зрелище вселенной»), делались переводы с русского языка на латинский и обратно с грамматическим разбором и «притом на латинском языке». В третьем отделении проходили синтаксис, переводы с русского на латинский попутно с изучением правил слово сочинения, изучалась «разбираемая на латинском языке хрестоматия: о знаменитых мужьях Рима», назначались к изучению и латинские разговоры. С четвертого отделения изучалась история латинской словесности, в том числе и Корнелий Непот, латинские разговоры, воспитанники упражнялись «в сочинении на латинском языке периодов, писем». (По материалам журнала конференции от 11 августа 1823 г.)

Высший курс латинской словесности, включая пиитику и эстетику, проходилась в пятом и шестом отделениях. То же проходило и по остальным языкам. Так что курс языков и словесности в Гимназии высших наук князя Безбородко отличался строгой логической последовательностью. Учащиеся обязаны были не просто заучивать правила наизусть, но вести разговоры на иностранных языках, писать собственные сочинения, включая «малые пьесы», то есть небольшие стихотворения, басни, речи, т. д. Воспитанники получали, как вспоминает И. Халчинский, «основательное классическое образование в Гимназии высших наук».²

Г. А. МАТЮХОВА (Нежин)

РОЛЬ ПЕДАГОГИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТНЫХ УСТАНОВОК И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ ГОГОЛЯ-ГИМНАЗИСТА

«Дело о вольнодумстве» прочно вошло в обиход гоголианы (Лицей князя Безбородко. СПб., 1859; Гоголевский сборник. Под ред. М. Сперанского. К., 1902; Иофанов Д., Поспелов Г., Степанов Н., Машинский С., Николаев Д.).

Политический характер этого «дела», возможно, сосредоточил на себе внимание исследователей. В этом же «деле», на наш взгляд, есть детали, которые дают возможность, при сопоставлении с другими материалами, утверждать, что проф. римского права Н. Г. Белоусов, проф. немец. словесности Ф. О. Зингер и проф. франц. словесности И. Я. Ландражин были не только образованными, передовыми людьми своего времени, но проводили в жизнь единую педагогическую, просветительскую по своему характеру, систему взглядов на воспитание и образование гимназистов. О том, что они единомышленники в данном вопросе, свидетельствует целый ряд фактов. Проф. Зингер «часто заменял лекции рассуждениями политическими»

1 Журнал конференции Гимназии высших наук князя Безбородко от 21 марта 1821 года.

2 Лицей князя Безбородко. — СПб., 1859, стр. 13.

(показаниями по «делу о вольнодумстве» гимназиста А. Котляревского, инспектор проф. Белоусов покровительствовал в гимназии театру; к деятельности театра причислы Ландражин и Зингер: пьесы играли не только на русском языке, но и на французском, немецком).

Проф. Вилевич обвинил Белоусова в пристрастии к философии Канта и г-на Шада, рекомендованному Харьковскому университету в качестве проф. философии Гете и Шиллером (Иофанов Д.). Последователь просветительских идей Н. Б. Шад целью своих сочинений объявил установление верных понятий о естественном праве народов. Под влиянием Зингера также прививалась «любовь к человечеству, составляющая поэтический элемент творений Шиллера». ² Это влияние закреплялось чтением «Московского телеграфа» — журнала «шиллеровского направления» в русской литературе.

Таким образом, преподавание философии и юридических наук сочеталось с литературным образованием и театральной деятельностью; к тому же Н. Я. Ландражин заведывал библиотекой, и «гимназисты могли пользоваться его беседой и советами» (с. 119).

Об атмосфере полного доверия и сотрудничества между преподавателями и гимназистами свидетельствует и письмо Гоголя к М. И. Гоголю от 6 апреля 1827 г.: «За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, лаггражден с излишком». Лемберг (Львов) — родина Зингера, он учился во Львовском университете (1804-1809).

Трагедия «Разбойники» (1825) и поэма «Ганц Кюхельгартен» (1827) — первые литературные опыты — написаны под воздействием «шиллеровского влияния».

Возможно, еще в Нежине Гоголь познакомился с «Историей Тридцатилетней войны» Шиллера, так как гимназист Н. Халчинский, (выпуск 1829) года, прославился в гимназии тем, что перевел «с компанией других» «Историю Тридцатилетней войны» (с. 107).

О силе влияния такого воспитания и преподавания свидетельствуют письма Н. В. Гоголя гимназиста к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г. (Т. 7, с. 46), к Петру П. Косяровскому от 3 октября 1827 г. (Т. 7, с. 48).

Шиллер останется для Гоголя-историка и писателя — авторитетом в понимании драматургии истории («Шлецер, Миллер и Гердер») (т. 6, с. 101) и драматургии сцены («Выбранные места из переписки с друзьями») (Т. 6, с. 234).

Тяготением к высоким идеалам служения делу на благо человечества Гоголь обязан и нежинскому гнезду. Педагогика сотрудничества, личный пример педагогов способствовали формированию гражданских и литературных идеалов Гоголя-гимназиста. И эти идеалы будут оплачены по большому счету.

- 1 Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах. Письма. Т. 7. — М., 1979. — С. 37. (Далее ссылки даются в тексте на это издание).
- 2 Лицей князя Безбородко. — СПб., 1859, — С. 107. (Далее ссылки в тексте на это издание).

**ГРАФ Г. А. КУШЕЛЕВ-БЕЗБОРОДКО — ИЗДАТЕЛЬ
И РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «РУССКОЕ СЛОВО» (1859 — 1862 гг.)**

На основании Высочайшего рескрипта от 19 апреля 1820 года по смерти графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, звание почетного попечителя Нежинского Лицея принял старший сын покойного, граф Григорий Александрович.

При вступлении в должность почетного попечителя Лицея Князя Безбородко Граф сделал три пожертвования в пользу вверенного его попечением заведения.

Одно из наиболее ценных приобретений — подлинные рукописи Гоголя: «Мертвые души», «Тарас Бульба», «Портрет», «Игроки», «Тяжба», «Лакейская», «Театральный разъезд», 32 письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу, доверенному лицу писателя по изданию первого тома «Мертвые души».

Несмотря на его литературные и литературоведческие работы, для истории русской культуры он прежде всего меценат, основатель и издатель журнала «Русское слово», который для России шестидесятых — демократическое издание передового читателя.

Ежемесячный литературно-ученый журнал «Русское слово» начал издаваться с января 1859 г. в Петербурге. Он выходил объемистыми книжками в 25—30 печатных листов². Каждый номер журнала делится на три отдела. В первый отдел входили произведения художественной прозы и поэзии, научные статьи, во второй — критика и библиография, в третий отдел «Смесь» входили фельетоны «Общественная жизнь Петербурга» и произведения малых форм.

Впервые замысел о создании журнала прозвучал в конце 1856 г. в письме Кушелева-Безбородко к поэту Щербине: «...следует принять скорее по устройству самой сущности журнала, т. е. статей»³. Поэт А. Н. Майков, разделяя взгляды Кушелева Безбородко на характер будущего издания, считал, что «Русское слово» должно быть «...по характеру своему журналом преимущественно учено-историческим, и художественный элемент должен быть в нем главным»⁴.

Для многих исследователей русской журналистики стало привычным говорить о первых годах журнала «Русское слово», т. е. о годах деятельности Кушелева-Безбородко, как о годах, когда журнал не имеет определенного направления и главная цель журнала — помощь либеральному дворянству в новых условиях подготовки отмены крепостного права сохранить свои позиции.

¹ В 1853 году вышла книга «Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии М. Тулова», а в 1857 году под псевдонимом Грицко-Григоренко он выпустил сборник «Очерки и рассказы».

² Когда управляющим журнала был А. И. Хмельницкий, он, считая, что пятиэтажный дом лучше трехэтажного, старался превратить «Русское слово» в «пятиэтажный журнал» и доводил книжки до пятидесяти печатных листов.

³ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), 7044/XXVI, б. 38.

⁴ Письмо А. Н. Майкова Я. П. Полонскому от 2 марта 1858 г. //ИРЛИ АН СССР, ф. 241, № 123.

Однако не следует забывать слова Н. В. Шелгунова о том, что «шестидесятые годы слишком серьезное явление в исторической жизни России, и они заключили в себе такую всеобщую обновляющую силу, что о них следует или совсем не говорить, или говорить только с тем глубоким уважением к людям и идеям того времени и к вожакам общественного сознания, какое вызывается величием самого явления и прогрессивным местом, которое занимает в ряду других явлений русской истории. И **второстепенные деятели**, и рядовая масса, шедшая вперед, занимают такое же почетное место»⁵.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов русское общество не знало консервативной и охранительной печати. Вся печать, на всем необозримом пространстве России, несла в себе идею оппозиции старому укладу, отличие было лишь в красках и тонах.

Исследователи, которые противопоставляют демократическую печать либеральной, автоматически признают абсолютную истину, которая со временем превращается в догму. Либеральная и демократическая печать только в своем единстве могут определять эпоху «шестидесятых», эпоху активного искания истины.

Кушелев-Безбородко разделял взгляды либералов на политику предотвращения революции путем реформ, при этом от всей души желал освобождения крестьян.

Образ Кушелева Безбородко, как и образ любого общественно-го деятеля, нельзя раскрыть только путем цитирования из священных источников и субъективной характеристикой его политических взглядов. Так, наиболее полно образ графа Г. А. Кушелева-Безбородко определяют авторы, чьи произведения появились на страницах журнала за короткие три года.

С 1859 по 1862 гг. были опубликованы произведения А. Н. Майкова, А. Н. Островского, Н. Ф. Бажина, Н. А. Благовещенского, А. И. Левитова, Марко Вовчок, Ф. М. Решетникова, Г. И. Успенского, А. К. Шеллер-Михайлова. Были опубликованы первые статьи Д. И. Писарева: «Идеализм Платона» (1861 г., кн. 4), «Схоластика XIX в.», (1861 г., кн. 5, 9), Писемский» Тургенев и Гончаров» (1861 г., кн. 11), «Московские мыслители» (1862 г., кн. 2) и др.

К 1862 году журналы «Современник» и «Русское слово» были единственными вполне передовыми журналами. Поэтому неслучайно, что следственная комиссия по розысканию виновных в составлении подметных писем и революционных изданий не найдя виновных арестовывает несколько человек (в том числе и Н. Г. Чернышевского) и закрывает с 19 июня на восемь месяцев и «Современник» и «Русское слово»: «...дознанием обнаружено вредное направление учения, прямо даваемого литераторами»⁶.

После цензурных репрессий Г. А. Кушелев-Безбородко передает «Русское слово» Г. Е. Благосветлову, с которого начинается новая история журнала. Но Кушелев-Безбородко рвет с журналом не окончательно, вплоть до закрытия журнала, до 1866 года, на его страницах появляются его рассказы и статьи.

⁵ Шелгунов Н. В. Воспоминания//Собр. соч. — 2-е изд. — СПб., 1895. — С. 657—658.

⁶ «Разная переписка по министерству народного просвещения в 1862, 1863, 1864 гг.»//СПБ., 1864.

**НІЖИНСЬКИЙ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНИЙ
І Н С Т И Т У Т**

**ПРОБЛЕМИ РОЗВИТКУ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА,
ІСТОРИЇ ТА ЛІНГВІСТИКИ**

У 1875 році на базі Гімназії вищих наук, а потім ліцею був відкритий історико-філологічний інститут, другий (після Петербургського) навчальний заклад такого профілю. У ньому було два відділення: слов'яно-руське та класичне, а з 1882 року — історичне.

Першим директором інституту був відомий вчений професор (а потім академік) М. О. Лавровський. Він залучив до роботи багато відомих славістів та істориків: М. Я. Грота, Г. Є. Зенгера, А. С. Будиловича, Р. А. Фохта, Р. Ф. Брандта, П. В. Нікітіна, П. Ю. Люперсальського та інших.

З 1876 р. на протязі 45 років виходять «Известия Нежинского историко-филологического института» кн. Безбородько.

У 70-90 роки в інституті формується відома Ніжинська філологічна школа, учасниками якої були видатні вчені М. О. Лавровський, Р. Ф. Брандт, М. Я. Грот, М. І. Соколов, А. С. Будилович, М. Н. Сперанський, М. М. Бережков, В. В. Качановський, К. Г. Радченко, Г. А. Ільїнський, Є. В. Петухов, І. І. Іванов, П. А. Заблоцький, В. К. Пискорський, В. І. Резанов, професори, чехи за походженням: А. В. Добіаш, І. В. Добіаш, Ф. В. Режабек, В. І. Петр та інші. Назвемо тільки окремі праці вчених: «Гимназия высших наук кн. Безбородько в Нежине», «К биографии Н. В. Гоголя» М. А. Лавровського; «Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения», «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области палеонтологии славян», «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи импер. публичной библиотеки XI в.», «Начертание церковнославянской грамматики» А. С. Будиловича; «Начертание славянской акцентологии», «Грамматические заметки» Р. Ф. Брандта; «Об архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Морфологические этюды», «Македонский глаголический листок», «Грамоты болгарских царей» (удостоена академической премии им. М. В. Ломоносова), «Праславянская грамматика» (удостоена золотой медали и академической премии) Г. А. Ільїнського; «Из истории отреченных книг» М. Н. Сперанского; «Гоголь человек и писатель», «И. Тургенев», «М. В. Ломоносов», «История русской критики» (1898--1900) І. І. Іванова; праці про М. В. Гоголя П. О. Заблоцького та багато інших.

У 1894 р. було створено історико-філологічне товариство, яке проводило значну роботу по збиранню та вивченню краєзнавчого матеріалу. В 1909 р. був організований П. О. Заблоцьким кімната-музей М. В. Гоголя, де розміщались куплені ще в 50-ті роки XIX ст. графом А. Г. Кушелевим-Безбородько рукописи М. В. Гоголя («Мертвые души», 1 том, перша редакція; «Тарас Бульба», «Портрет» (обидві редакції у виправленому вигляді); комедії «Игроки», «Тяжба», «Лакейская», «Театральный разъезд»; 33 листи Гоголя до М. Я. Про-

коповича та інші матеріали). Гоголіана з кожним роком поповнювалася, і це дало можливість вченим інституту досліджувати творчість великого письменника.

Традиційну боротьбу української інтелігенції проти русифікації, яка посилилась на Україні в кінці ХІХ—на початку ХХ століття, активно підтримували передові викладачі та студенти історико-філологічного інституту. Чітко висловив їх голос на захист прав українського народу, його культури і мови професор історії М. М. Бережков у статті «А. Ф. Шафонский и его труд» Черниговского намесничества топографическое описание» (1910).

Професор К. Ф. Радченко (хоч і дещо несміливо) висловлювавсь за викладання української мови та літератури в інституті бодай на рівні багатьох слов'янських мов і літератур.

Незважаючи на заборону, українську мову і літературу все налегливіше і ґрунтовніше досліджують професори НІФІ І. І. Іванов («Шевченко в колі народних поетів» (1898), «Пам'яті Т. Шевченка» (1901) та інші), М. Н. Сперанський («Замітки до історії «Енеїди» І. П. Котляревського» (1902), «Малоруська пісня в старовинних російських духовних пісенниках» (1906—1909) та інші), В. В. Данилов «Пісні села Андрієва Ніжинського повіту».

Зважаючи традицію українознавства, у Ніжинському інституті створювалася наукова база для розвитку національної культури. Після революції розпочав своє фундаментальне дослідження із історії української літератури В. І. Резанов. Ґрунтовно вивчав творчість Т. Г. Шевченка проф. О. С. Грузинський. Г. А. Максимович разом із студентами розпочав досліджувати історію українського козацтва і села. Активізували свою науково-дослідну роботу, пов'язану з історією України, М. М. Бережков, А. І. Покровський, І. Г. Турцевич та інші

А. С. БЕЛАЯ (Нежин)

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕЖИНСКОМ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

(Наследие А. С. Будиловича).

Нежинская высшая школа несколько раз меняла свой профиль за прошедшие 170 лет. С 1875 г. по 1920 это был историко-филологический институт. Данный этап интересен тем, что в те годы издавался сборник «Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине». В сборнике, печатавшемся по решению конференции (высшего органа правления института, собиравшегося 2 раза в месяц фиксировались протоколы, отчеты комиссий, научные труды преподавателей. В Уставе института записано, что «историко-филологический институт имеет целью приготовление учителей древних языков, русского языка и словесности и истории для средних учебных заведений ведомства министерства народного просвещения». В связи с этим большое внимание уделялось изучению классической филологии.

Так, греческую словесность читал экстраординарный профессор Никутин, римскую словесность — ординарный профессор Фохт, доктор Гельсингфорского университета, и русскую словесность — ординарный профессор А. С. Будилович, магистр славянских наречий.

Профессор А. С. Будилович вел большую исследовательскую лингвистическую работу. В нескольких томах «Известий...» есть интересные, глубокие исследования по различным вопросам общетеоретического характера и конкретные наблюдения в грамматике славянских языков.

В одном из первых сборников (1877 г.) опубликована работа «Анализ составных частей славянского слова, с морфологической точки зрения». Эта работа вызывает интерес у современного исследователя тем, что дает представление об орфографии того периода и показывает, как ученый использует сравнительный метод, тот метод, который в XIX веке закрепился окончательно в лингвистических исследованиях и дал название всему направлению в языковедении, как сравнительно-исторического.

Большая часть «Известий...» за 1879 г. занята работой А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, ч. I. Рассмотрение существительных, относящихся к естествознанию». Как и известные ученые того времени Я. Grimm, Шафарик, Срезневский и др., А. С. Будилович обращается к древним пластам слов и показывает, что язык и есть «основной источник для изучения первобытных эпох жизни народов». При таких исследованиях важен сравнительный метод, т. к. ни один народ, ни один язык никогда не развивался изолированно.

Слово, для А. С. Будиловича, — это «исторический памятник», «миниатюрная грамота», раскрыть которую можно, обратившись к живой памяти славянских народов, изучив взаимоотношения их наречий.

Хронология славянских слов описана автором в такой последовательности, в какой она в основном представлена и у современных исследователей, но и у А. С. Будиловича свои сравнения, сопоставления и терминология, заимствованная им из цикла естественных наук:

1) древнейшие слова в славянских языках это «остатки дославянского периода жизни языков нашей семьи, их можно уподобить орудиям каменного периода в палеонтологии»;

2) слова, не имеющие параллелей в других индоевропейских языках (Будилович употребляет другой термин — арийских языках), но есть эти параллели во всех славянских языках. Это праславянские слова — остатки бронзового периода лингвистической палеонтологии;

3) слова, встречающиеся не во всех славянских языках, а в двух основных группах славянских наречий. Это древнеславянский слой языка — железный период лингвистики;

4) новейшие наслоения языка, свойственные отдельным наречиям... Это областные провинциализмы.

Такая же идея хронологии слов, но с другой терминологией и с иными подходами к современному состоянию языка, в основном сохранилась и сейчас.

В работе А. С. Будиловича также дана подробная характеристика слов по группам:

1) слова, имеющие отношение к космографии, метеорологии, физике, географии;

2) слова, имеющие отношение к геологии, минералогии, металлургии и др. группы.

Современный исследователь мог бы сказать, что в этом случае представлена тематическая характеристика слов определенной лексико-семантической группы, хотя такой терминологии у А. С. Будиловича нет.

С точки зрения историко-лингвистической работы А. С. Будиловича представляют большой интерес для современного исследователя. Они написаны живым, эмоциональным языком, свойственным многим ученым XIX века.

И. Г. ДОБРОДОМОВ (Москва)

А. С. БУДИЛОВИЧ И ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В новейшем библиографическом словаре отечественных славистов «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979, с. 86—87, авторы статьи о А. С. Будиловиче — Л. П. Лаптева и М. В. Никулина) о социально-педагогических взглядах А. С. Будиловича однозначно говорится, что он «отказывал в праве на самоопределение и собственное развитие всем народам России, кроме русского, выступал против преподавания школьных дисциплин на языках народностей и отделения школы от церкви».

Этому суждению противоречат недавно вышедшие «Воспоминания» известного чувашского просветителя И. Я. Яковлева (Чебоксары, 1982, с. 142—143), который пишет о той положительной роли, которую сыграл, будучи членом совета министерства народного просвещения, А. С. Будилович, вместе с И. А. Износковым на местах (Сибирь, Поволжье, Оренбург) изучавший вопрос о восстановлении в правах педагогических идей Н. И. Ильминского, опиравшегося в обучении инородческих детей на их родной язык с преподаванием этого языка в качестве особого предмета:

«Будилович хорошо был знаком вообще с вопросом об инородцах, объезжая с целью изучения инородческого вопроса Сибирь, Поволжье, Оренбург. [...] Совещание, трудившееся под председательством Будиловича, выработало много докладов по инородческому вопросу. Подтверждались правила 1870 года о том, что инородцы Восточной России должны первоначально обучаться в школах на их родном языке. Сведения о командировке Будиловича можно почерпнуть из книги «Отчет о командировочной поездке тайного советника А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа в октябре, ноябре и декабре 1904 года». Издание 1905г.».

И. Я. Яковлев сохранял теплые чувства к А. С. Будиловичу до конца (см. также: И. Я. Яковлев. Письма. Чебоксары, 1985, с. 263).

В оценке таких сложных деятелей как А. С. Будилович, сочетавших в себе охранительно-консервативные и романтически-просветительские черты, следует учитывать гораздо больший материал, что освободит историков от односторонних выводов.

ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В РАБОТЕ
А. С. БУДИЛОВИЧА «АНАЛИЗ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ
СЛАВЯНСКИХ СЛОВ С МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ».

Данное исследование имеет целью осветить точку зрения А. С. Будиловича на структуру слова, изложенную в вышеупомянутой работе, в которой представлен богатый материал о формах слов, делении слов на классы и типы, о строении корней, об образовании слов и частиц. В основу наблюдений А. С. Будиловича над морфологической структурой слова положен сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить процесс образования из корней слов в его началах, течении и результатах.

Корни и их соединения А. С. Будилович рассматривает с 2-х сторон: 1) с внешней, или формальной; 2) с внутренней, или логической. В этой связи этимология (наука о словах) распадается на 2 отдела: а) морфологию, или учение о формах слов (на разных ступенях ее развития); б) семасиологию, или учение о значениях (функциях) тех же слов. А отсюда А. С. Будилович определяет и задачи славянской морфологии как науки: а) определить, какими сочетаниями звуков пользуется данный язык как значащими элементами речи, или корнями; б) какие звуковые средства употребляет этот язык в ходе образования из корней слов.

Классификация всех языков мира, как известно, базируется на морфологических признаках (форма корней и способ образования слов).

По этим признакам выделяются три класса или типа языков:

- 1) языки корней (изолирующие);
- 2) языки приставок (агглютинативные);
- 3) языки флексий.

Славянский язык принадлежит к числу языков высшей формации, т. е. флексивных. В нем совершился и завершился полный процесс образования из корней слов. А. С. Будилович выделяет в славянском языке шесть фаз развития слова:

- 1) корень простой или первичный;
- 2) корень вторичный, третичный и т. д.;
- 3) основа (тема) первичная;
- 4) основа вторичная, третичная и т. д.;
- 5) слово простое или несложное;
- 6) слово сложное, состоящее из 2-3 и более отдельных тем или слов.

Не каждое славянское слово проходит эти фазы, но три из них (1, 3, 5) пройдены неизбежно, хотя не всегда сохраняется явственный след этих метаморфоз. Славянский язык как один из арийских (термин у Будиловича) имеет корни слоговые (односложные), так что слог был не только исходным, но и конечным пределом в звуковом развитии «арийского» корня. Во всех языках этой семьи нет корня без гласного. Так, в русском слове *у с н у* по отсечении префикса *у-* и суффикса *-ну-* останется корневая морфема *с*. Древнейший вид этого слова убеждает нас в том, что корневым созвучием служит здесь слог *съп* (сусъпе).

В славянском языке А. С. Будилович выделяет такие типы корневых звукосочетаний:

Первый тип: корень образуется из одного гласного звука. Сюда относятся корни: а, и, оу (напр., и-ти, оу-же, об-оу-ти).

Второй тип: гласный с согласным явным: спереди (корни открытые, например, да-ти, ве-тръ); сзади (закрытые, например, азъ, на-оук-а).

Третий тип: гласный с двумя согласными в разных вариантах, напр., ста-ти, вез-ти, агн-тъдъ.

Четвертый тип: гласный с тремя согласными, напр., стра-на, влад-ьти, при-саг-а.

Пятый тип: гласный с четырьмя согласными.

Шестой тип: гласный с пятью согласными (в 2-х комбинациях).

Таким образом, корни, имея способность расти и развиваться, перешли из языков корневых (I класса) в приставочные (II класса), а эти в свою очередь стали языками флексивными (III класса).

А. С. Будилович считал, что важнейшим, а может быть, и единственным способом развития из корней основ, а из последних слов является в языках «арийских» система аффиксов, или «расширение коренных созвучий разными приставками, в начале (префиксы), середине (инфиксы), или конце (суффиксы) тех созвучий». Но господствующим морфологическим принципом Будилович считает развитие корней суффиксами, т. е. он всецело разделяет точку зрения Ф. Миклошича и Ф. Бонпа. А. С. Будилович отмечает, что при общем единстве происхождения всех 3-х видов аффиксов (пре-, ин- и суффиксов) есть существенное различие между ними по той роли, какую они играют (префиксы и инфиксы образуют из корней основы, а суффиксы — и основы, и слова). Следовательно, роль суффиксов в морфологии языка обширнее и разнообразнее роли префиксов и инфиксов.

Предел и цель развития корня в индоевропейских языках заключается в образовании слова, т. е. такого комплекса звуков, который обозначает не только материю, но и форму понятия, отношение называемого предмета в пространстве и времени, а также примененные к лицам (говорящему, слушающему и третьему). В своем учении об образовании слов А. С. Будилович берет за основу те лексические категории, которые заключаются в родах и числах для имен и в числах для глаголов.

Таким образом, работа А. С. Будиловича дает возможность сделать вывод, что морфологическая структура слова — это целостная система, включающая такие лексические категории, которые служат для образования различных слов от одного корня и различных форм одного слова. Основным способом образования новых слов и различных форм одного и того же слова в славянском языке, как и в современном русском языке, является аффиксация.

Ф. Т. ЕВСЕЕВ (Нежин)

О НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. ИЛЬИНСКОГО В НЕЖИНСКОМ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937) — выдающийся отечественный славист, лингвист-этимолог, создатель первой по времени систематической праславянской грамматики.

Одним из наиболее значительных в его научной и учебной деятельности был «нежинский» период (1909—1916 гг.). 23 мая 1909 года Г. А. Ильинский баллотировался на замещение вакантной должности приват-доцента кафедры истории церковнославянского и русского языков и важнейших славянских наречий Нежинского историко-филологического института, а 14 сентября того же года был назначен экстраординарным профессором этой кафедры. В Нежин Г. А. Ильинский прибыл в расцвете творческих сил, сформировавшись ученым, автором свыше трехсот научных работ. (См.: Журавлев В. К. Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962, С. 49—56).

Из автобиографии ученого, приложений к заявлению о желании участвовать в конкурсе в Нежинском институте, известно, что он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где под руководством проф. В. П. Ломанского занимался вопросами славяноведения, одно из его студенческих сочинений об «Орбельской Триоди» было отмечено золотой медалью. По окончании университета в 1898 году Г. А. Ильинский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. После сдачи магистерских экзаменов он был направлен в двухгодичную зарубежную командировку, «во время которой слушал лекции в университетах Праги, Лейпцига и Вены и занимался в тамошних библиотеках и архивах». В 1904 году Г. А. Ильинский избирается приват-доцентом Петербургского университета, а в следующем году защищает магистерскую диссертацию по проблемам сложных местоимений. По поручению университета в 1907 году Г. А. Ильинский был командирован в Афонский монастырь с целью снятия копий и последующей публикации древнеболгарских грамот.

Г. П. Ильинский приступил к преподавательской деятельности в Нежинском историко-филологическом институте после кратковременного пребывания в Харьковском университете (1907—1909 гг.). В первый учебный год он читал дисциплины славяноведческого цикла: древнецерковнославянский язык, историю русского языка, на старших курсах — польский язык. В последующие годы в институте им читались, кроме постоянного курса церковнославянского языка, лекции по сербскому и чешскому языкам, введению в языковедение, славянским наречиям. В первом полугодии 1910—1911 учебного года им проводились «практические упражнения» по сербской народной словесности.

Во время работы в Нежине Г. А. Ильинский опубликовал десятки статей и рецензий, подготовил издание «Грамот болгарских царей» (М., 1911), ставшее основой его докторской диссертации, защищенной в 1911 г. в Киевском университете. С присвоением докторской степени приказом от 7 мая 1913 года Ильинский назначается ординарным профессором института.

Целенаправленная научная деятельность Г. А. Ильинского — исследование древнеславянской фонетики и морфологии, этимологические реконструкции и пр. — закономерно должны были включать итоговый, фундаментальный труд, каким и явилась знаменитая «Праславянская грамматика» (Нежин, 1916). Монография была подготовлена к публикации в 1914 году и набиралась в Нежинской типографии в

течение двух лет. Отдельным изданием книга вышла в середине 1916 года, текст ее затем включался в состав «Известий историко-филологического института в Нежине» тт. XXXI—XXXIII, 1916, 1918, 1919/20. С выходом в свет «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинский соотносил возможность и необходимость изучения в высшей школе праславянского языка как самостоятельной славяноведческой дисциплины. Надежды большого ученого не осуществлялись, они сохраняют свою актуальность и для современного филологического образования.

Л. С. АМБОКАДЗЕ (Одесса)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫЛИН В РАБОТАХ М. Н. СПЕРАНСКОГО

Деятельность М. Н. Сперанского, известного представителя исторической школы конца XIX — начала XX вв., характеризуется широтой и разносторонностью его научных интересов: литературовед, этнограф, фольклорист. Работы ученого, посвященные теории и истории фольклора, охватывают довольно значительный круг вопросов (историография фольклористики, методология изучения устного народного творчества, особенности бытования его и характер изменения на протяжении веков, традиционность фольклора, качество публикации произведений народного поэтического творчества и т. п. др.).

Опираясь на выводы и обобщения своих предшественников-фольклористов, особенно Вс. Миллера, Н. С. Тихонравова, М. Н. Сперанский реализует в своей исследовательской практике идею исторического изучения фольклора, что проявилось прежде всего в его подходе к истолкованию былевого эпоса. Следует отметить, что проблема историзма русских былин разработана была в трудах ученых исторической школы конца XIX — начала XX вв. «с исключительной, хотя и не всегда бесспорной, конкретностью» (Емельянов). Не составляли исключения в этом плане и исследования М. Н. Сперанского.

Решая вопрос о происхождении былин, ученый указывает прежде всего на их историческую основу, утверждая, что «отправным моментом» при создании произведения указанного жанра является действительный факт в жизни русского общества. Факт этот ученый понимает широко: определенное событие из русской истории, пережитое настроение и даже сюжет, хотя бы заимствованный, но усвоенный сознанием общества. Как видно из сказанного, основой его подхода к изучению былин было стремление к широкому, но документально засвидетельствованному (письменными памятниками, устными преданиями, другими источниками) взгляду на историко-фольклорный процесс.

С этим связан «ретроспективный» (или «археологический») путь изучения былин. Опираясь на утверждение, что «предметом поэтической обработки» в былине является «исторический быт», «историческая обстановка... эпохи», Сперанский, вслед за Вс. Миллером, исследует «историю былин и отражение истории в былинах» «не снизу, а сверху». При этом исследователь подчеркивал, что восстановление «первоначального зерна» той или другой былины должно осуществляться на твердой исторической почве.

Указывая на историческую основу былевого эпоса, Сперанский не отрицает художественную природу народного поэтического творчества, замечая, что фольклорные жанры, в том числе былины, «служили и к удовлетворению специально-эстетических, художественных потребностей народа».

В былине он видит произведение, построенное весьма искусно на основах прочно сложившейся своеобразной поэтики (система зачинов, исходов и других композиционно-стилистических средств). По его мнению, поэтика былин свидетельствует об определенном профессионализме их создателей и исполнителей, сохранявших эту традиционную «технику».

Краткий анализ одного из аспектов научной деятельности М. Н. Сперанского-фольклориста не включает большой круг вопросов, требующих серьезного и внимательного осмысления. Некоторые суждения и выводы ученого оказались несостоятельны в свете сегодняшних достижений фольклористики, часть обобщений нуждается в уточнении и дальнейшем развитии. Однако нельзя забывать, что, занимаясь исследованием народного поэтического творчества в сложный период кризиса старой методологии, ученый внес значительный вклад в развитие русской фольклористической мысли.

Г. А. КИРИЧОК (Нежин)

М. Н. СПЕРАНСКИЙ О ГОГОЛЕ И НЕЖИНСКОЙ ШКОЛЕ.

Имя Михаила Несторовича Сперанского (1863—1938) прочно вошло в историю историко-филологического института князя Безбородко в Нежине и составило блестящую страницу формирования нежинской филологической школы.

После успешной защиты магистерской диссертации «Славянские апографические евангелия» в Московском университете в 1895 г. он был избран экстраординарным профессором в Нежине. А с 1896 по 1906 гг. — М. Н. Сперанский ординарный профессор российской словесности названного института. Его лекционные курсы во многом определяют уровень и направленность практически всех литературоведческих дисциплин.

27 января 1896 г., почти сразу же по прибытии в Нежин, Михаил Несторович становится действительным членом историко-филологического общества при институте, о чем свидетельствует содержание протокола от данного числа, помещенное в «Сборнике историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине». Т. III (Нежин, 1900). Необходимо отметить, что одной из своих главных задач Общество считало освещение нежинского периода жизни и творчества Н. В. Гоголя.

Довольно энергично включившись в практическую деятельность Общества, профессор М. Н. Сперанский возглавляет Гоголевскую комиссию, созданную накануне 1902 г., когда отмечалось 50-летие смерти писателя. Своеобразным итогом ее деятельности (как равно и деятельности председателя) стал печатный труд «Гоголевский сборник» (Киев, 1902). Просматривая его содержание, нельзя не отметить, что перу М. Н. Сперанского принадлежат предисловие и три статьи («Одно из последних писем Гоголя», «Портреты Гоголя», «Гоголь в

народной книжке и картинке»). Если первая из них носит чисто текстуально-атрибутивный характер, имевшая своей целью проиллюстрировать частный эпизод из жизни Гоголя, то две остальные интересны новизной постановки выдвинутой проблемы и широтой охвата фактического материала. Причем последняя — результат и следствие деятельности М. Н. Сперанского как коллекционера, собирателя всего того, что связано с именем воспитанника Гимназии высших наук.

И. А. Заболотский в своем библиографическом обзоре «Н. В. Гоголь в русской литературе», опубликованном в том же сборнике, отмечает лекционные курсы в высшей школе страны, где «...с профессорских кафедр раздается голос ученых о Гоголевском творчестве и делается попытка ввести Гоголя в общее течение русской литературы и определить его значение. («Гоголевский сборник», К., 1902, с. 101). В числе упоминаемых имен профессоров России и имя М. Н. Сперанского. Здесь же дается характеристика читаемых курсов. «...в ряде курсов, как общим 1897/8 г., так и специальных: о романе и повести» 1897/8 г. и «новая русская литература» 1899/900 г. профессор вводит Гоголя в общий ход развития русской литературы, видит в его литературной деятельности одну из последующих сравнительно с Пушкинской, но более яркую ступень развития художественного реализма и национально-общественного направления в Русской литературе, выясняет связь Гоголя с предшествующими течениями великорусской и малорусской литературы, останавливается подробнее на вопросе о взаимоотношении Пушкинской и Гоголевской литературной деятельности и отмечает связь Гоголя с последующими представителями русской литературы.» (Цит. соч., с. 101).

В упоминаемый нами сборник был включен и каталог экспонатов выставки, посвященной Гоголю, М. Н. Сперанский был назван в числе лиц, «окававших содействие устройству выставки». (Цит. соч., с. 118). Согласно каталогу из 967 экспонатов лично профессору М. Н. Сперанскому принадлежали 414, т. е. почти половина. Что говорит прежде всего о внимательном отношении ученого к жизни и деятельности великого русского писателя.

В своей юбилейной гоголевской речи «Гимназия высших наук и Нежинский период жизни Гоголя» (которая была издана в том же 1902 г. в Киеве) он отмечает: «...город Нежин и его институт является одним из главных центров, на которых должно сосредоточиться внимание интеллигентной России: они непосредственно связаны с именем Гоголя, отмечающие собой одну из важнейших эпох в жизни великого писателя — эпоху его воспитания, сложения его мирозерцания...» (С. 3).

По сути дела профессором М. Н. Сперанским изложена оригинальная концепция нежинской школы в ее истоках. Он приходит к выводу, что, «...нежинская школа, несмотря на свои недостатки, имела в смысле духа, влияния на учеников, свои светлые стороны, и в этом отношении она может счесться не хуже других своих сестер и братьев.» (Цит., соч., с. 16).

По мнению М. Н. Сперанского: «Для Гоголя время пребывания в гимназии было временем самообразования под влиянием литературы своего времени, литературы и жизни своего края.» (с. 18).

М. Н. Сперанский внес определенный вклад в изучение Гоголя нежинского периода,

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В. К. ПИСКОРСКОГО В НЕЖИНСКОМ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ.**

Нежинский период (1899—1905) в жизни В. К. Пискорского, известного русского историка-медиевиста, является наиболее плодотворным. В это время им были изданы труды по истории Испании и Португалии, принесшие ему широкое признание в среде научной общности в России и за рубежом, опубликован ряд статей по различным вопросам истории западноевропейского средневековья. Его лекции и спецкурсы, прочитанные в Нежинском историко-филологическом институте, и сегодня представляют значительный историографический интерес. Наряду с этим, ученого занимали также проблемы совершенствования высшей школы, повышения ее в обществе. Некоторые свои замыслы в этом направлении он пытался осуществить в Нежинском институте. Вместе с тем, эта сторона научно-педагогической деятельности В. К. Пискорского до настоящего времени остается недостаточно изученной в исторической литературе.

Уже в первой своей лекции в Нежинском историко-филологическом институте 30 августа 1899 г., посвященной началу нового учебного года, В. К. Пискорский пытался всесторонне обосновать необходимость реформы высшей школы на основе утверждения в ней принципов академической свободы, избавления ее от диктата государства и «внешних авторитетов». В последующие годы работы в Нежине он неоднократно возвращался к мысли об автономии и академической свободе вузов. По его словам, «академическая свобода столь же необходима для науки и преподавания, как солнце и воздух для растения. Если ее нет, ее нужно добывать, если она есть, ее нужно делять и холить, всячески оберегать и увеличивать».¹

Революция 1905 г. открыла новые возможности для реализации реформы высшей школы. В. К. Пискорский активно участвовал в работе Российского академического союза, основной целью которого было проведение в жизнь идеи академической свободы. Он поддержал также протест нежинского студенчества против ограниченности указа царского правительства от 27 августа 1905 г. о частичной автономии вузов. Действие этого указа не распространялось на Нежинский историко-филологический институт, поскольку он был закрытым учебным заведением. В листовке студентов, хранящейся в архиве ученого, им отмечены слова о необходимости «проведения в жизнь действительной автономии высших школ».

В этих условиях В. К. Пискорский выдвинул обширную программу реорганизации Нежинского историко-филологического института, которую он изложил в официальной записке от 2 октября 1905 г. «Об общих основаниях желательных изменений в Уставе историко-филологического Института кн. Безбородко».¹ В этом документе он отверг практику частных изменений Устава и попытался наме-

¹ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 604, картон 1, д. 29, л. 3.

¹ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 604, картон 1, д. 29, л. 1—2.

тить принципиально новые пути выхода из кризисного состояния, в котором в это время оказался институт. В. К. Пискорский обращает внимание на растущую непопулярность вуза, критику его в печати, стремление Черниговского земства преобразовать его в сельскохозяйственный институт. Все это, по мнению ученого, «может иметь пагубные последствия и прежде всего задержать приток свежих научных сил, необходимых для обновления или пополнения преподавательского состава. «Главную причину неблагоприятного положения Нежинского вуза В. К. Пискорский видит в том, что он является закрытым учебным заведением, доступ в которое ограничен конфессиональным, национальным и другим цензам. Кроме того, институт является, по его словам, «рассадником той системы образования, которая под именем классицизма, сделалась предметом всеобщей ненависти. «Система закрытого учебного заведения привела его к изоляции от местного населения, которое ничего не получает от своей высшей школы. В этой связи В. К. Пискорский напоминает славные страницы истории Нежинского лицея, который «не только вносил оживление в местную жизнь, но и задавал ей тон, доминировал над ней», успешно соперничал с столичными вузами.

Выход из создавшегося положения ученый видит, прежде всего, в последовательной демократизации института, в преобразовании его в открытое учебное заведение, доступ в которое был бы открыт всем, имеющим среднее образование, независимо от пола, вероисповедания и национальности. Далее он предлагает ликвидировать систему интерната в институте, который является препятствием для «серьезной научной работы, требующей развития индивидуальности студента».

В. К. Пискорский выступил убежденным сторонником того, что институт, став открытым учебным заведением, «должен оставаться, согласно почти вековой традиции, школой гуманитарного типа», тем более, что к этому обязывает, по его словам, «память великого писателя земли Русской — Николая Васильевича Гоголя». В то же время он считал возможным открытие здесь наряду с историко-филологическим новых факультетов и даже целого университета.

Ученый предложил также отделить от института гимназию и сделать ее самостоятельным учебным заведением. Это решение он обосновывал необходимостью расширения учебных помещений вуза, а также тем, что гимназия не оправдывает своего предназначения служить «лабораторией для студентов, готовящихся к педагогической деятельности». Кроме того, он считает, что пробные уроки студентов в гимназии могут способствовать усвоению в основном «чисто внешних приемов преподавания», а «хорошим учителем может быть только тот, кто получил солидную, полную научную подготовку».

Устранение интерната, отделение гимназии от института и изменение педагогической подготовки студентов могли бы, по его словам, создать условия для реорганизации всей внутривузовской жизни. Он считал необходимым сделать выборными все административные и преподавательские должности, включить младших преподавателей в состав Конференции с правом решающего голоса; предоставить студентам право создания самостоятельной академической организации и участвовать «через своих представителей совместно с преподава-

телями в Конференції для обговорення питань студентського характеру. «Он запропонував також змінити систему навчання в інституті, замість курсової ввести предметну, збільшити число преподавателей і кафедр, додати до існуючих кафедри західноєвропейської літератури, порівняльного мовознавства, політичної економіки; дати право Конференції інституту присуджувати учені ступені на публичних диспутах, «без запитання у кого б то їм було дозволена», створити академічний суд для вирішення спорів, пов'язаних з конфліктами і звільненнями з інституту. Учений виступив за підвищення політичного статусу інституту, шляхом надання йому права наряду з іншими вищими навчальними закладами мати представництво в Государственной Думе, яка, в свою чергу, повинна стати «законодавчим закладом, заснованим на загальному виборчому праві».

Дальніше розвиток подій не дозволив В. К. Пискорському реалізувати заплановану програму. Вона була небажано зустрічена ректоратом, а сам учений змушений був покинути місто, врятувавшись від переслідувань з боку місцевих реакціонерів за участь в революційних виступах. Разом з тим, діяльність В. К. Пискорського і відстоювання ним ідей, свідчать про давню, традиційну прагнучість передової вищої інтелектуальної демократичної системи освіти, заснованої на принципах академічної свободи і широкого автономного управління навчальними закладами.

Т. Д. ПІНЧУК (Ніжин)

ПЕДАГОГІКА В НІЖИНСЬКОМУ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОМУ ІНСТИТУТІ

Історико-філологічний інститут, як відомо, готував педагогічні кадри для російської середньої школи. Свою роботу він розпочав уже з придуманою системою викладання педагогічних наук, турботливо організованою підтримкою та з створенням умов для педагогічної творчості викладачів та студентів.

Згідно Статуту інституту в ньому поряд з іншими предметами викладались: психологія, логіка, історія філософії, що входили до складу філософії, а також педагогіка та дидактика.

Психологію, логіку та історію філософії викладав з часу заснування інституту видатний вчений свого часу, блискучий лектор, доктор філософії М. Я. Грот, автор фундаментальної роботи з психології «Психологія почуттів в її історії і головних основах».

Дидактику та історію педагогіки читав М. Лілеєв. Проте він мало цікавився педагогічною творчістю, писав роботи на релігійні теми і ніякого сліду в розвитку педагогічних наук не залишив. Викладачем гімназичної педагогіки на IV к. був перший директор інституту професор, згодом академік М. О. Лавровський, який здавна, ще працюючи в Харькові, займався педагогічними науками. був ад'юнктом по кафедрі педагогіки, керував педагогічними курсами.

Викладання педагогічних дисциплін аж до революції 1917 року істотних змін в годинах і курсах не зазнавало. На I к. читалась психологія, на наступних педагогіка з історією та дидактика.

Лише на початку ХХ ст. було в ці курси введено кілька нових розділів: психологію пізнання, моральне виховання.

Серед інших студенти писали твори і на педагогічні теми, починаючи з першого і до останнього курсу.

На публічних читаннях, на засіданнях історико-філологічного товариства також час від часу звучали повідомлення на педагогічні теми, аналізувались стан освіти і педагогічної думки в Росії в різні періоди, а також теорія і практика зарубіжної школи і педагогіки.

Велика увага приділялась педагогічній практиці. З 6 жовтня по 1 листопада студенти відвідували в гімназії уроки наставників з грецької, латинської і російської мов, з історії та географії. Перед початком пробних уроків влаштовувались під головуванням директора інституту загальні бесіди, на яких наставники-керівники давали студентам педагогічні та дидактичні настанови, аналізували гімназичні учбові плани.

З початку листопада студенти давали пробні уроки (здебільшого по 6 уроків) під керівництвом наставників-керівників і в присутності директора, професорів і викладачів інституту. Уроки детально обговорювались.

Велике педагогічне і наукове значення мало заснування з 1877-1878 навчального року «Известий историко-филологического института», першим редактором якого був М. Я. Грот. У 1894 році було засновано історико-філологічне товариство, яке також видавало збірники наукових праць. У Статуті цього товариства зазначалось, що особливими турботами його будуть питання педагогічні.

До найбільш значних за розмірами і за змістом педагогічних праць, створених у НІФІ і опублікованих у його «Известиях» чи в збірниках історико-філологічного товариства, належить уже згадана робота М. Я. Грота, праця М. Е. Добіаша «Про умови успішного ведення уроку читання стародавніх авторів», О. Ф. Музиченка «Філософсько-педагогічна думка і шкільна практика в сучасній Німеччині» та інші.

Педагогічні зусилля багатьох викладачів Ніжинського історико-філологічного інституту, їх педагогічні праці, безумовно, впливали на молодь, на формування їх як педагогів. Про це, зокрема, писав у своїй роботі «Історико-філологічний інститут ім. Безбородька в Ніжині 1875—1910 р.р.» викладач педагогіки П. А. Заболотський. «Багато із колишніх вихованців Ніжинського інституту, не дивлячись на порівняно коротке його існування, встигли вже стати відомими як педагоги-практики, педагоги-адміністратори, а також як автори наукових і педагогічних праць».

Готуючи непогані педагогічні кадри, працівники інституту прагнули зробити ще більше для педагогізації цього закладу, мріяли створити в Ніжині педагогічну академію. Та настав 1917 рік, а з ним нові і кардинальні проблеми.

РЕВОЛЮЦІЙНО-ДЕМОКРАТИЧНИЙ РУХ У НІЖИНСЬКОМУ
ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОМУ ІНСТИТУТІ (1905 – 1907 рр.)

Ніжинський педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя, який відзначає у 1990 р. 170-річчя з дня заснування, славний і своїми революційно-демократичними традиціями.

Хоч царський уряд всіляко намагався ізолювати вищі навчальні заклади від проникнення в них революційних ідей, прогресивна частина студентів брала участь у революційно-демократичній боротьбі, спрямованій проти самодержавства. Передові ідеї проникали і крізь кам'яні мури до Гімназії вищих наук, заснованої в Ніжині 1820 р.

В цьому повідомленні зупинимось на революційних подіях початку ХХ ст., коли керівництво боротьбою здійснювала Ніжинська соціал-демократична організація. Офіційний документ про її існування з'явився у 1904 р. Це була листівка, розповсюджена у місті і навколишніх селах, що повідомляла: «Настала пора і ніжинському пролетаріатові взяти участь у великій боротьбі».

До лав своїх кличе Ніжинська соціал-демократична організація міських і сільських пролетарів, а також інтелігенцію.

Поспішайте, товариші, взяти участь у славійній боротьбі пролетаріату за повне соціальне і політичне визволення робітничого класу. Геть самодержавство! Хай живе конституція! Хай живе соціал-демократія! 1904 р. Ніжинська соціал-демократична організація».

Випуск листівки став поштовхом до кількісного зростання організації, що на початку 1905 р. вже складалася з двох груп — міської, куди входили робітники, ремісники, студенти, та група при технічному училищі. В історико-філологічному інституті подібної групи не було, але член соціал-демократичної партії І. П. Потапов організував політичний гурток з студентів та учнів класичної гімназії, які виступали на зборах з революційними промовами, вивчали твори К. Маркса і Ф. Енгельса. Особливу увагу приділяли «Капіталу» й «Маніфесту Комуністичної партії», також читали «Песню о Соколе» та «Песню о Буревеснике» М. Горького.

Частина студентів брала участь у таємних гуртках міста, де вивчалися твори К. Маркса, Ф. Енгельса та інша соціалістична література.

Революційна література зберігалась у нелегальній інститутській бібліотеці, а частину її студенти ховали у себе вдома. Так, під час обшуку у студента Остроградського було знайдено номера газети «Искра», брошуру «Красное знамя в России», звернення «Пора кончать!», рукописну листівку «Былина о Нике». У студента Ковлясова жандарми вилучили брошури: «События в Петербурге 9 января 1905 года», «Две Европы», «Первые шаги», «Милитаризм в России и мирные предложения царя». «Кто должен победить?».

Одна з листівок того часу, надрукована Московським Комітетом РСДРП, містила безпосереднє звернення до студентської молоді включатись у загальнорядну боротьбу проти самодержавства. Після цілого ряду зборів студенти припинили заняття і вирішили не

розпочинати їх доти, поки докорінно не зміняться загальні умови політичного життя країни.

У роки революції 1903—1907 рр. у Ніжині та повіті відбувся ряд політичних демонстрацій, мітингів, страйків. Першими виступили студенти історико-філологічного інституту на знак солідарності з студентами Московського, Харківського і Київського університетів, які припинили заняття після розстрілу мирної демонстрації робітників у Петербурзі.

Як свідчать архівні документи, страйк ретельно готувався керівним ядром студентів, зокрема було надруковано на гектографії розповсюджено листівку, що пояснювала причини страйку та містила заяву студентів, в якій вони протестували проти репресій самодержавства.

29 січня 1905 р. о 19 годині вечора в актовому залі інституту відбулася публічна лекція. Потім на подвір'ї зібралось близько 150 чоловік на мітинг, під час якого проголошувались лозунги: «Геть самодержавство!», «Хай живе республіка!». Після закінчення мітингу демонстранти пройшли Лицейською вулицею (нині вулиця В. Лєніна), розкидали листівки «К солдатам», «Ми требуем народного правления».

Соціал-демократичні групи Ніжина готувалися до політичної демонстрації загально-міського масштабу, що відбулася 19 березня 1905 р. В ній брало участь близько 150 чоловік — робітники, студенти, гімназисти, учні технічного училища. Під червоним прапором вони пройшли міським центром. На прапорі були гасла: «Геть самодержавство!» «Хай живе соціалістична республіка!». На Гоголівській вулиці розкидали листівки, співали революційних пісень: «Отречемся от старого мира», «Смело товарищи, в ногу», «Дубинушка».

З новою силою революційний рух розгорнувся в Ніжині під впливом жовтневого загального російського страйку. 18 жовтня 1905 року біля інституту відбувся великий мітинг, що пройшов під лозунгами протесту проти царського маніфесту. Виступали студенти, представники робітничої молоді, гімназисти, потім співали «Марсельезу». На цьому мітинзі була відома українська артистка М. К. Заньковецька.

Того ж дня 350 молодих робітників, студентів, гімназистів вийшли колоною на вулиці. Підійшовши до окружного суду почали виголошувати: «Геть самодержавство!», «Хай живе Конституція!». Близько 30 чоловік зайшли всередину приміщення, зірвали портрет царя Миколи II, пошматували його.

Після цих подій повітова земська управа звернулася до властей з проханням закрити всі навчальні заклади Ніжина, а студентів відпустити на канікули. 22 жовтня 1905 р. почеситель Київського навчального округу віддав відповідний наказ. Заняття в інституті поновилися тільки восени 1906 р.

За студентами було посилено нагляд. Їм заборонялося навіть користуватися книгами з народної бібліотеки. Зведення про поведінку і політичний настрій молоді щопівріччя надсилавсь почесителю Київського навчального округу.

Для влаштування будь-якого вечора в актовому залі інституту був потрібний дозвіл Чернігівського губернатора.

Та незважаючи на репресії краща частина молоді не припиняла боротьбу. Ці славні революційно-демократичні традиції студенти Ніжинського інституту помножили у роки революційного піднесення, в боротьбі за повалення самодержавства, за установлення влади Рад та в буремні роки громадянської війни.

В. В. ДАНИЛОВ (Ленинград)

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ КОНЦА 19 стол.

П. В. Анненков, первый после Жуковского и Плетнева издатель и редактор сочинений Пушкина, критик и мемуарист, единственный из русских писателей 40-х годов сохранивший личные воспоминания о Карле Марксе, характеризует настроения передовой дворянской молодежи 30--40 годов XIX столетия, говорит, что тогда существовала радость по вычитанной идее, по приобретенному знанию.

Именно такую радость мы испытывали с братом Петром во время учения в V-ом -- VII-ом классах Нежинской гимназии, которая находилась при Историко-филологическом институте, особенно при нашей весьма однообразной жизни, до смерти отца в декабре 1898 года. Книга создавала мир, чудный, прежде всего, домашнему быту, о котором не хочется ни вспоминать, ни тем более писать.

В книгах не было недостатка. Гимназическая библиотека, которую заведовал Ал-др Дим. Гольштин, хотя не блистал свежими изданиями, но содержала много книг, чтение которых не только расширяло горизонт в то время, но пригодилось даже потом, в педагогической работе.

Так, в ней были издания сочинений европейских писателей в русских переводах, под редакцией Н. В. Гербеля, с его дарственными надписями, потому что он получил образование в Нежинском Лицее, в его время представлявшем высшее юридическое учебное заведение.

По гербелевским изданиям я прочитал всего Шиллера, Гете, Шекспира, познакомился с поэзией славянских писателей. В гимназической библиотеке были такие серьезные книги, как «Лаокоон, или о границах поэзии и живописи» Лессинга, книгу, которую я проштудировал, даже составляя конспект. Когда в Историко-филологическом Институте профессор Михаил Ильич Мандес на практических занятиях по Гомеру как-то спросил, как Лессинг определяет различие между поэзией и живописью, я один мог ответить на это. У меня до сих пор, вот уже 62 года, хранится лист, на котором переписано мною из Лессинга латинское стихотворение «О статуе Лаокоона» Якова Садолета и начало моего перевода экзаменатором этого стихотворения на русский язык.

Наиболее интересными были для меня книги биографического содержания. Этому интересу способствовала тогда биографическая библиотека Павленкова, носившая название «Жизнь замечательных людей». Каждая книжка ее стоила 25 копеек, и как только заводились деньги, мы с братом шли в книжный магазин Василия Никитича Болотникова приобретать новые биографии.

Сильное впечатление произвела на меня первая прочитанная мною биография из павленковской серии — Франклина: так хотелось быть в жизни похожим на него!

Биографическая библиотека Павленкова, в создании которой принимали участие известные тогда авторы: Скабичевский, Протопопов В. Кареник, Ватсон, Е. Соловьев и др., и много случайных авторов, не оставивших в литературе иных следов, имела исключительное литературно-образовательное значение. Изображая жизнь замечательного человека на общественно-историческом фоне, биографическая библиотека проводила гуманные воззрения и передовые идеи и потому не только расширяла умственный горизонт молодых читателей, обогащая их разносторонними знаниями, но и воспитывала их в общественном отношении. Биографии Павленкова были в таком ходу, что гимназисты обменивались ими с дарственными надписями на память. Возобновленная в советское время «Жизнь замечательных людей», не получила ни популярности ни распространения.

Не меньшее влияние на мое развитие оказали сочинения Д. И. Писарева, вышедшие в 90-е годы в шести книгах, в издании того же Павленкова. С samozабвением я погрузился в чтение впервые попавшего мне в руки тома Писарева; принесенного в класс кем-то из товарищей. Я читал его под партою даже во время урока. О том, что это был нигилист, отрицатель, и легенду о том, что Писарев был утоплен по приказанию властей, я слышал еще раньше, и это обстоятельство особенно усиливало интерес к нему.

Мы с братом прочитали в старших классах всего Писарева. Его блестящий, острый, легкий язык увлекал, и «Реалисты» стали для нас евангелием общественного вероучения. Писарев оказал громадное влияние на наше развитие. Но это имело свои отрицательные последствия.

В 1899 году праздновалось столетие рождения Пушкина. К этому юбилею я сочинил длинное стихотворение, изображающее, как к памятнику Пушкина подходят голодные, истощенные мужики и жалуются поэту на свое горе, а он им гордо отвечает «Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас!» После этого памятник рассыпается в прах.

Преклонение перед Писаревым и отрицание Пушкина отразилось не только в этом стихотворении. Я присутствовал на торжественном акте в честь Пушкина Института, мужской и женской гимназий. На трибуне, в актовом зале, сидели полукругом в мундирах и в орденах профессора Института и преподаватели гимназии, а гимназисты большей частью стояли у входа в зал. Стоял и я; рядом со мною был ученик Калиновский, рано умерший от туберкулеза.

Проф. М. Н. Сперанский, ставший впоследствии, когда я был студентом Института, моим научным кумиром, читал речь: «Друзья и враги Пушкина в литературе». К врагам Сперанский относил Писарева и цитировал его высказывания с оттенком пренебрежения. Я возмутился и решил продемонстрировать это выходом из залы. «Уйдите отсюда!» — сказал я шепотом, но вышительно Калиновскому. Последний покорно вышел, едва ли поняв общественный смысл этого. — Конечно, никто не заметил, что какие-то два гимназиста вышли из зала, тем более никто не представлял, что это демонстрация протеста за неуважение к Писареву; но я был чрезвычайно доволен: Я поступил согласно со своими убеждениями.

Это не единственный пример моего юношеского подчинения вычитанным идеям. Сильное влияние оказало на меня сочинение Льва Толстого «В чем моя вера», распространенное в гектографированной печати. Учение о непротвлении злу захватило меня, и я решил ему следовать.

Раз как-то осенью, когда некоторые нежинские улицы тонули в глубокой, липкой грязи, и пеше движение по ним возможно было только по деревянным мостикам, которые обыватели называли «пешеходными», — а дело было вечером, и на улице не было фонарей, — шел я с урока по одной из таких улиц. Было глухо и пустынно. Вдруг слышу впереди, навстречу мне, идет пьяный и разговаривает сам с собою, употребляя, конечно, без числа известные фольклорные выражения. По тону его речи догадываюсь, что пьяный сердит и кому-то угрожает. Мне стало страшновато. Но я продолжал идти навстречу, верный идее непротвления злу.

Когда я был от пьяного шагах в пяти-шести, он внезапно с угрозами кинулся на меня, и я, забыв толстовскую идею, стремглав бросился через улицу, утопая в грязи. Пьяный метнулся за мною, но, попав в грязь, вернулся на «пешеходы» продолжая осыпать меня фольклорными изречениями.

Этот маленький эпизод выбил из моей головы большую идею непротвления злу.

Ни писаревщина, ни толстовство не оставили во мне следов, кроме того, что всякая идея шлифует, оттачивает мыслительный аппарат. Но одно юношеское увлечение так захватило меня, что следы его запечатлелись на всей последующей жизни. Правда, оно влилось потом в море филологического образования.

В архиве Института искусствоведения, фольклора и этнографии Украинской Академии Наук, в Киеве, имеются мои воспоминания «Как я стал фольклористом». Поскольку это относится к гимназическим годам, расскажу об этом также здесь.

До Нежинской гимназии мы с братом учились в Рославле Смоленской губернии, где тогда была четырехклассная прогимназия. Преподавателем русского языка был Василий Ильич Ласкин. Это полиглот

. Выучив грамматику какого-либо языка, он переходил к следующему, и так изучил много языков. Как учитель, он был не строг, и дисциплина на его уроках была неважная. Значительную часть времени на уроках Ласкин отводил чтению. Во втором классе прочитал всю первую часть «Мертвых душ», поэмы Жуковского: «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб»; в третьем — только что опубликованную повесть Льва Толстого «Хозяин и работник», рассказы Потапенко и Баранцевича, не говоря о том, что поэмы: «Кавказский пленник», «Полтава» и «Медный всадник», отрывки из которых по хрестоматии Смирновского заучивались наизусть, были преподавателем прочитаны в классе полностью.

Ласкин был любимый учитель. Будучи в пятом классе Нежинской гимназии, я задумал написать письмо ему, как выражение своего к нему отношения. Он ответил и советовал мне заняться записыванием народных песен. Мысль эта пришла мне по душе, и я стал пользоваться всякими случаями записывать песни. Бывало, поден-

щица белит «крейдою» стены дома и «показывает» мне текст песни, а я тут же записываю. Записал несколько песен также от какого-то лирика. Иногда для записывания песен, манкируя уроками в гимназии, где не было большой строгости уходил за город и записывал колыбельки от мальчишек, пасших скот на сжатых полях.

Когда к своему собранию нежинских песен я присоединил записи одного празднующегося молодого человека Сергея Шаньгица, писавшего стихи и повести, у меня образовался объемистый сборник украинских песен, не уцелевших в перипетиях жизни, да и не имевшей научного значения.

Решительное идейно-научное содержание сообщил этим интересам к народной песне литератор и философ, последователь Огюста Конта -- В. В. Лесевич, читавший в Нежине, по осени 1899 года, две публичные лекции в зале Ремесленного училища: «Что такое фольклор» и «Даниель Дефо». Он читал свободно, плавно, гладко, доходчиво до слушателей, без всяких записок, оперируя богатейшим материалом. Его лекция о фольклоре ввела меня в новый мир научных представлений и придала моим интересам определенный смысл.

Это начавшееся в гимназии увлечение украинским фольклором прошло через всю мою жизнь.

Тяга к литературе сказывалась не только в чтении и собирании песен, но также в собственном творчестве, которое, как это обычно бывает в юношеские годы, выразилось в стихотворчестве. Я страстно увлекался им. Стихи иногда не давали мне покоя.

Были случаи, что я буквально всю ночь напролет, лежа в постели, подбирая рифмы и наутро шел в гимназию с очень тяжелой головою. Я переписывал свои стихи самым тщательным образом, стараясь выводить красивые буквы, и теперь скажу, как бывший педагог, что все это имело свои положительные стороны.

Стихи, которые я писал тогда, конечно, были слабы, но все-таки два стихотворения нежинского гимназического периода попали в печать. Содержание одного, написанного белым драматическим стихом, взято из книги Ольденберга о Будде. Называется оно по собственному имени Будды «Сиддаттха». Напечатано было в московском журнальчике «Знамя», в № 15 1899 года, с полною моею фамилиею и с локальною датой. Этот номер вышел в середине мая указанного года, так что в 1959 году исполнилось 60 лет моего открытого участия в печати. Другое стихотворение «Моление» появилось в журнале «Новый век», в № 9 1900 г. Оно состояло из четырех строф, но напечатано было две и потому в печати стихотворение производит впечатление незаконченности, отрывочности.

Родиною обоих этих стихотворений являются нежинские Магерки.

Поэт из меня не вышел, хотя в моем литературном багаже 13 печатных стихотворений, большею частью переводных с чешского, а среди оригинальных -- четыре на украинском языке в екатеринославском журнале «Дніпрові хвилі», 1911 г., № 20—21, под общим названием «На лоні природи». Место их сочинения село Березанка, возле Нежина. Однако, умение сочинять стихи очень пригодилось мне во время Великой Отечественной войны, когда я в Куйбышеве, бывшей Самаре, на собраниях военно-морских частей выступал со своими военно-патриотическими стихотворениями, вызывавшими бурные рукоплескания.

В гимназии я подружился с товарищем по классу Петром Петровичем Лапою. Его отец когда-то был преподавателем Нежинской гимназии, а потом инспектором Черниговской. У них был свой дом в Гербелевском переулке с обширным двором и садом. Большая семья Лап жила вполне обеспеченно, даже состоятельно, и вечера с гостями были у них постоянными. Петро Лапа рассказывал мне, как об особенно интересном посетителе этих вечеров — студенте Харьковского университета Владимире Васильевиче Резниченко. Когда я был в 5-ом классе, Лапа предложил мне побывать вместе с ним у «студента», как он называл его. Я был в восторге: знакомство со студентом, да еще замечательным, по рассказам Лапы!

Скажу здесь же, что Резниченко был впоследствии членом Украинской Академии Наук на кафедре геологии, и что он был моим литературным крестным отцом. Я делился с ним своим поэтическим творчеством, и он взялся отвезти в Москву и пристроить в каком-либо издании то стихотворение о Будде, о котором говорилось выше, что ему удалось.

Резниченко жил тогда в крайнем к Богословскому кладбищу доме по улице, где находился пивоваренный завод чеха Янса, почти против завода. Жил с матерью и бабушкой, древнюю старушкой, не поднимавшеюся с постели. Он был прекрасный рисовальщик, и стены его комнаты были украшены рисованными им самим тушью большими портретами Богдана Хмельницкого, Шевченка, Писарева и Софьи Ковалевской, снятыми с портретов из биографий Павленкова.

Это указывало на идейное направление Резниченко: он — боржник женского движения, отрицатель укоренившихся политических и социальных воззрений и украинец. Над кроватью висели книжные полки, бывшие для меня предметом зависти: тогда как хотелось иметь свои книги!

Знакомство с Резниченко оказало сильное влияние на мое развитие. Он давал книги со своих полок, а поближе узнавши меня, стал давать нелегальные, гектографированные брошюры, из которых вспоминаю одну о Петре Лаврове, другую — диалог между социалистом и его противником. Вероятно, эти издания присылались в Нежин какою-то организацией и побывали, судя по их потрепаному виду, не в одних руках.

Резниченко, должно быть, состоял в социал-демократической партии, и одною из его партийных обязанностей было выявлять и сплачивать людей, соответствующих целям партии.

В Нежине, в акцизном управлении, был писцом не окончивший Черниговскую духовную семинарию Илья Тимофеевич Гладкий, завзятый украинский националист, с которым я был знаком по соседству. Это был человек резкий, грубоватый, настроенный очень оппозиционно, за что, кажется, был исключен из семинарии. Я как-то рассказывал о нем Резниченко, и он стал очень просить познакомить их. Свидание состоялось.

В доме Лап я познакомился со студентом Историко-Филологического Института Михайлом Михайловичем Панибратцевым. Он окончил вологодскую семинарию, а Вологда и Вологодская губернии были в те времена местами не столь отдаленной ссылки. Панибратцев рассказывал про себя, что он вырос среди политических ссыльных, воспитался на их разговорах и спорах. И что это оказало решитель-

тельное воздействие на его политическое направление. Он не раз высказывал мысль, что хорошо бы организовать такие кружки, где бы молодежь собиралась для самообразования.

Я рассказывал об этом Резниченко, и он согласился встретиться с Панибратцевым и поговорить о кружках самообразования. Это свидание тоже состоялось.

Не могу теперь, через шестьдесят с лишком лет, припомнить все перипетии дела. Но по осени 1898 года, в квартире Резниченко, проходило учредительное собрание объединения, назвавшего себя «Центральным кружком самообразования». На нем присутствовали: Резниченко, Гладкий, студенты Института: Ал-др Африканович Красин, Вячеслав Митрофанович Лащенко, Атаназевич, Савич, гимназисты: Петр Каневец, в советское время переведший «Коммунистический манифест» на украинский язык, Михаил Ткаченко, мой брат Петр и я. Присутствовал случайно оказавшийся у Резниченко какой-то приезжий земский врач, подававший по поводу хода собрания юмористические реплики.

На собрании наметили, кто по своему направлению подходит в состав общества, и был назван тогда студент III-го курса Института И. С. Державин, ставший потом академиком. На следующем собрании было доложено, что Державин отклонил предложение, Савич тоже отказался принимать участие в организации.

На первом собрании был выбран устав Центрального кружка, который был переписан Резниченко министерским почерком, на крошечном клочке бумаги, чтобы, как предусматривалось, проглотить его, в случае обыска.

Собрание кончилось часов в десять вечера. Решено было не выходить всем вместе, а парами и не идти всем по улице, а по задворкам по огородам. Ноги цеплялись за стебли огородных растений, увязали в размытой дождями земле, но все были настроены героически. Это выразил Лащенко, сказавши: «Мы идем как-будто на абсолюта», т. е. на царя. Но когда за плетнем в темноте вдруг появилась фигура мужчины, настроение понизилось. Кто-то чуть слышно подсказал: «Хохочите!» И все захохотали, словно шла подвыпившая компания. Кто-то даже затыкнул «Засвистали козаченьки», но никто не поддержал запевалу.

Члены Центрального кружка должны были образовать другие кружки самообразования и докладывать о том, что там делается. Панибратцев, Красин и я были направлены в кружок судебного пристава Станкевича. Должность эта не принадлежала к почетным, для нее не нужно было юридического образования. Но Станкевич, вероятно, слышавший про знаменитый кружок И. В. Станкевича, захотел, говоря языком летописи, «переегн славу» последнего, а его жена изображала собою светскую даму. Они принимали у себя студентов института, и Панибратцев предложил хозяевам устраивать совместные чтения. Тогда, в 90-е годы, литературными властителями умов были Горький и Вересаев. Эти литературные псевдонимы в сознании тогдашних читателей связывались в тесный дуэт в роде педагогических дуэтов: Малиник и Буренин, Кирпичников и Гиляров, Панибратцев предложил читать Горького и в Центральном кружке раз докладывал, что в кружке Станкевича, кроме Горького, слад-

ким был только чай. Я был там только раз, не имея никакой светскости, я чувствовал себя очень неровно среди людей значительно старших, чем я, но Паннбратцев был прямо-таки Рудинным. Придавая себе вдохновенную позу, он стоял среди зала, как в провинции именуется комната с мягкой мебелью, и, победоносно озирая присутствующих своим одним глазом, так как на другом было большое бельмо, вещал: «Вы помните, что Константин Аксаков сказал о России?» Сдушатели, конечно, не только не помнили этого, но и не знали.

Гимназисты собирались на квартире у Каневца и Ткачки, живших у члена окружного суда Маленевского, на Миллионной улице. Здесь больше читались нелегальные издания, как, например, «Три политические системы» Берви-Флеровского, но часто просто украинские произведения. Здесь я впервые испробовал свои силы в выразительном чтении басен Леонида Глибова.

Были организованы также совместные собрания студентов, гимназистов и гимназисток. Признаюсь откровенно, что последние меня гораздо больше увлекали, чем кружковые собрания, да и слишком глубоко во мне сидели литературные и фольклорные интересы. Поэтому я мало-по-малу отошел от кружков. Но мой брат Петр весь ушел в это дело и метался по городу с Дмитрием Ивановичем в руках, как он, якобы в целях конспирации, называл Писарева, бывшего тогда средством пропаганды передовых идей.

В конце концов все это кончилось неприятно для нас, однако, благополучно.

Был осенний вечер, вдруг послышался сильный стук в двери. Мать вышла: «Кто там?» — Чиновники — послышался голос, и это был голос заведующего Абрамова.

Вошел Абрамов, а за ним помощник классных наставников Евгений Иванович Кашпировский, которого гимназисты звали «Мопсом», тогда как другого помощника прозвали «Барбосом». Замыкал их вхождение гимназический служитель Осип

Абрамов объяснил смысл своего посещения. По городу ходят слухи о нашей с братом вредной деятельности. Поэтому они решили потушить пожар в самом его начале своими средствами, пока не приехали пожарные. Они сами посмотрят, нет ли у нас каких-либо преступных бумаг и книг.

Абрамов важно восседал за столом, перебирая книги и бумаги Кашпировский лазал по углам, становился на четвереньки, что было при его полноте нелегко, шарил под кроватями.

Абрамов и Кашпировский забрали все писаное и, что мне было особенно огорчительно, мои стихотворные произведения. Брата во время обыска не было дома. Он ездил в Киев. По возвращении оттуда он пошел к Абрамову. Последний сообщил ему, что по городу ходят слухи, будто в кружке, где он руководит, смеются над религией и давали собаке целовать крест. Брат, го его словам, патетически воскликнул: «Такою клевету мог выдумать тот, кто сам ярый безбожник!» И Абрамов с ним будто бы согласился.

Впоследствии стало известно, что гимназическое начальство всполошилось, по доносу одного из крупных воротил города Грыгора, принадлежавшего к высшей нежинской буржуазии, сытой и самодовольной.

Зять этого Григора, прокурор, Слепушкин был убит в Киеве в первые же дни Февральской революции.

После обыска брат Петр перестал носиться по городу с «Дмитрием Ивановичем» под мышкой, и других видимых последствий дело не получило. Однако, когда я был уже студентом Института, как-то в пивной в нашу компанию затесался полицейский надзиратель Богданович и, подвыпивши, проболтался, что я у них числюсь под негласным надзором.

В 1899-ом году я был учеником седьмого класса Нежинской гимназии и участником кружков самообразования, о которых рассказываю в воспоминаниях о гимназии. Туда входили студенты Историко-филологического Института князя Безбородко, гимназисты и гимназистки. В педрах кружков и зародилась мысль отметить годовщину смерти Шевченко.

Привлекли к этому человека, пользовавшегося уважением среди населения города и в уезде, Якова Александровича Гужовского, страхового агента уездного земства, домовладельца. Тогда он был человек средних лет, живой, общительный, очень прогрессивных убеждений, но державшийся осторожно. Как агент, Гужовский разъезжал по уезду, посещал земские школы и среди школьников приобрел популярность чтением басен Леонида Глибова, с которыми не расставался в поездках. Когда он входил в класс, ребята встречали его многоголосыми выкриками, называя уже знакомые им басни. «Торбицу» выкрикивали одни, «Варенки» голосили другие.

В 1906 г. Гужовский был избран в члены Первой Государственной Думы. Впоследствии он переехал в Чернигов, занялся огородничеством. В 1928 г. я навестил его в Чернигове. Гужовский постарел, но был так же бодр, как и тридцать лет назад. Оба мы вспоминали прошедшее.

Гужовский нашел священника, согласившегося отслужить панихиду по Шевченко. Это был весьма престарелый настоятель окраинной Авдеевской церкви. Имени и фамилии его не знаю.

В полдень, 26-го февраля 1899-го года, в Нежине была весенняя теплая, солнечная погода. На улицах уже не было снега, хотя снег не убирался, как убирается в больших городах. На Авдеевке, на скамейках у калиток, грелись на солнышке обыватели. Участники панихиды шли в церковь не гурьбою, а по два-три человека, на некотором расстоянии. Но Нежинские мешане заметили движение.

— Куда это они идут?

— Словно, на свадьбу.

— Какая там свадьба! Теперь пог.

Такие реплики слышались вслед нам. Не учащимся, кроме Гужовского, был Илья Тимофеевич Гладкий, писец из канцелярии акцизного управления. Это был человек лет сорока, холостяк, учившийся в Черниговской духовной семинарии, но исключенный из нее. Дома он все свободное время читал русские и украинские книги. Он был украинский националист, но говорил на том смешанном русско-украинском жаргоне, который был очень обычен в украинских провинциях того времени. Видя Гладкого на Мостовой, как по-старине называлась Гоголевская улица, гимназисты подчеркнуто — насмешливо произносили с украинским акцентом: «Конэшно, конэшно!»

Гладкий и мне давал читать украинские книги, и от него я впервые услышал такие имена, как Драгоманов, Иван Франко. После революции, как сообщил мне Гужовский, Гладкий перешел на село и стал колхозным деятелем.

Из студентов Историко-филологического Института были на панихиде следующие:

Музыченко Александр Федорович, впоследствии видный одесский и киевский педагог, одно время читавший курсы педагогики в Институте, но ушедший оттуда из-за размолвок с директором Ив. Ив. Ивановым. В педагогической литературе Музыченко оставил небольшой след. Семейная обстановка жизни не способствовала его научной работе.

Когда он был студентом Института, Музыченко имел сильное влияние на некоторых гимназистов и особенно гимназисток. Но влияние это было скорее вредным, так как развивало беспочвенный идеализм.

Панибратцев, Михаил Михайлович, из вологодских духовных семинаристов. По его словам, он вырос и развивался под влиянием политических ссыльных, живших в Вологде. Как многие семинаристы, не пошедшие по церковной части, был настроен атеистически и революционно. Был слеп на один глаз, но это не мешало ему в женских кружках разыгрывать роли Рудина или Гамлета Щегровского уезда. Как сейчас, вижу его в зале квартиры судебного пристава Станкевича. Панибратцев стоит среди зала и ораторствует о будущих судьбах России: «Вы помните, что Константин Аксаков сказал о России?» — обращался он многозначительно к молчаливым слушателям.

Панибратцев окончил историческое отделение Института. Но почему-то преподавал русский язык и написал грамматику русского языка, о которой знаю по критическому разбору в «Журнале Министерства народного просвещения».

Карьера его была незавидная: он был учителем в местечке Мрише Нежинского уезда.

Лащенко, Вячеслав Митрофанович, кажется тоже из семинаристов. Это был очень эмоциональный человек, страстный украинский националист. Из Нежинского Института, повздоровши на с профессором М. Н. Сперанским, перешел в Варшавский университет. Был потом преподавателем в Кавказском, Киевском учебных округах и, наконец, в городе Тырасполе, который, как молдавский город, был захвачен Румынией после первой мировой войны. Можно полагать, что сознательно Лащенко остался там. Это подало основание слухам, что он эмигрировал в Румынию.

Красин, Александр Африканович, окончивший Пензенскую гимназию и шедший по историческому отделению. Был преподавателем в Киеве.

Из гимназистов было двое восьмиклассников: Петр Каневец и Михаил Ткаченко, жившие на квартире у члена Окружного суда Меленевского. Оба они обладали завидными способностями. Но Каневец, бывший переводчиком «Коммунистического манифеста» на украинский язык, умер рано. Михаил Ткаченко учился в Киевском университете. Судьба его мне неизвестна.

Семиклассников было трое: мой приятель в гимназии Леонид Львович Исаев, впоследствии присяжный поверенный в Москве, и мы с братом Петром Валериановичем, который своєю революционностью обратил на себя внимание гимназического начальства и родителей многих учеников. Это повело к обыску, произведенному в «нашей бедной избушке» заведующим гимназиею Абрамовым и надзирателем Кашпровским. Об этом подробно я рассказываю в гимназических воспоминаниях.

Кроме того, были две-три гимназистки. Из них одна была Юлия Федорцова, называвшаяся по-гоголевски Уленькою.

Панихида началась. Старик-священник искренне молил простить рабу божию Тарасию «всякая прегрешения вольная и невольная»; пономарь старательно выводил «Господи, помилуй»; вместе они устали, старческими голосами спели «Со святыми упокой»; а из присутствовавших никто ни разу не перекрестился. Может быть, кто-нибудь и перекрестился бы, да не хотел, чтобы другие считали его отсталым человеком.

Это заметил пономарь, стоявший к присутствующим вполлоб-рота, о чем, надо полагать, доложил священнику.

После панихиды не полагается выносить напестольный крест для целования. Это делается после литургии и молебна. Но священник, узнав, что присутствовавшие не крестятся, решил заставить их сделать это. Он, по окончании панихиды, вышел из алтаря с напестольным крестом и сказал: «Я думаю, здесь все православные, и никто не откажется приложиться ко кресту Господню».

Это заставило всех подойти ко кресту, а подойдя, перекреститься.

У меня с панихидой по Шевченко связаны личные, точнее сказать, семейные воспоминания.

Я просил Леонида Исаева познакомить меня с Улей Федорцевой. В те времена отношения между учащимися разных полов были иные, чем теперь. Во-первых, все говорили друг другу «вы». Не помню ни одного случая, чтобы кто-либо из гимназистов был с какою-нибудь гимназисткою на «ты». Во-вторых, на улице ученик мог подойти к ученице, если он был формально представлен ей и считался знакомым. В-третьих, было бы прямо уголовным преступлением, если бы ученик бил ученицу по голове книгами, кулаками в спину, хватал ее за косу, как это не раз приходилось видеть на улицах Ленинграда в настоящее время. Нечего говорить, что ни один гимназист не позволил бы себе при ученицах произнести неприличное слово.

Вообще, гимназисты держали себя в общественных местах с достоинством и серьезностью. К этому, безусловно, обязывала форма.

Когда вышли из церкви, Исаев подвел меня к Федорцевой: «Позвольте представить вам моего товарища».

Так началось знакомство, завершившееся, по окончании мною Института, женитьбою. То было в 1899-ом году, а теперь 1964-ый год!

Крепкое было благословение Тараса, нашего загробного свата!

Я. А. Гужовский пригласил всех собравшихся к нему вечером «на вареники». Мы собрались.

В. М. Лашенко читал по рукописи запрещенные цензурой поэмы Шевченка «Сон» и «Кавказ». Читал с дрожью в голосе и чуть не со слезами на глазах.

Через несколько лет я встречался с Лашенко в Одессе, когда и он, и я были преподавателями. Тогда меня поражало то, что на нем не отразились ни прожитые годы, ни его педагогическая профессия. Он оставался все тем же эмоциональным молодым человеком, каким был в Институте, и это производило впечатление остановки в его интеллектуальном развитии.

Так бывает с некоторыми людьми. С одним товарищем по гимназии я встретился через 27 лет по ее окончании и был до крайности удивлен. Передо мною был тот же абитуриент гимназии, с которым мы расстались много лет назад: он застыл в умственном развитии.

«На варениках» у Гужовского И. Т. Гладкий выступил с предложением положить начало денежному сбору на основание украинского университета во Львове, так как существовавший там университет был польским; и мы с братом дали на это дело из своих очень скудных средств по 50 копеек. Не знаю, дошла ли до Львова хотя одна из этих копеек. Гладкий никому не дал отчета в собранных деньгах, да все и забыли про это.

Я. А. Гужовский, распространявший украинские книги, изданные Черниговским губернским земством, передал их, как он выражался, «менять на деньги».

Я променял у него на деньги байки Глибова, которые и сейчас, через 65 лет, стоят у меня на книжной полке и сопровождали меня во всех жизненных странствиях. На обложке книги два рисунка. Вверху украинская хата под вербой; внизу — иллюстрация к песне Глибова, приобретшей популярность: гора высокая, а «під горою гай», і під гаєм в'ється річенька...» Это издание 1895 года. Я люблю книги-спутники жизни, сопровождающие меня несколько десятков лет. В часы печального раздумья это — лучшие собеседники.

Заключился вечер варениками и чаем.

Когда мы вышли от Гужовского, в город вернулась зима: улицы, крыши домов — все белело снегом, и он шел и шел пушистыми, крупными хлопьями, словно это были поминки уходящей зимы по великому кобзарю.

Из моего рассказа Вы видите, что никто в Нежине не может помнить о панихиде, потому что никто и не знал о ней; а участники ее, кроме меня и Юлии Васильевны, давно уж нет на свете.

Если в том, что я рассказал, Вы найдете что-либо интересное, я буду считать свою работу ненапрасною. Но по прочтении еще раз прошу Вас присоединить эти листы к моим воспоминаниям о Нежинской гимназии конца XIX столетия.

**В И Х О В А Н Ц І
НІЖИНСЬКОЇ ВИЩОЇ ШКОЛИ
ДОРЕВОЛЮЦІЙНОГО ЧАСУ
І ЇХ ТВОРЧА СПАДЩИНА**

Творча атмосфера в Ніжинському історико-філологічному інституті, досвід і науковий рівень професорів філологів та істориків сприяли тому, що з стін вузу вийшли вихованці, яким прищепили любов до науково-дослідної роботи. Серед них академіки Є. Ф. Карський і М. С. Державін, члени-кореспонденти АН СРСР В. І. Резанов та АН УРСР І. М. Кириченко, М. Н. Петровський, професори В. І. Савва, А. П. Кадлубовський, Є. І. Кашпровський, М. Ф. Даденков, П. О. Потапов, П. К. Волинський, Р. М. Волков, Н. П. Соколов, В. В. Данилов та інші. Кожний із них багато зробив для розвитку науки в нашій країні.

Капітальним є дослідження відомого білоруського мовознавця, літературознавця, етнографа С. Ф. Карського «Белорусы» (у 3-х томах, 7-и книгах) та його праця «Русский язык», в якій розповідається про мови трьох братніх народів. Виключно важливим є його книга «Труды по белорусскому и другим славянским языкам».

Важливе місце займають в історичній науці праці М. С. Державіна та М. П. Петровського, у педагогіці М. Ф. Даденкова, у літературознавстві В. І. Резанова, П. К. Волинського, В. В. Данилова, Р. М. Волкова та інших, у мовознавстві І. М. Кириченка, у мистецтвознавстві, текстології П. О. Потапова.

А. Н. ГУЛАК (Нежин)

П. Г. РЕДКИН И УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА

(К истории вопроса)

Среди воспитанников Нежинской гимназии высших наук, кем могут гордиться потомки, был Петр Григорьевич Редкин (1808-1891).

Он родился в г. Ромны Полтавской губернии (теперь Сумской обл.) в дворянской семье. По окончании в мае 1820 года Роменского уездного училища, осенью того же года поступил в Нежинскую гимназию высших наук, в которой девятилетний курс окончил за шесть лет и в мае 1826 г. восемнадцатилетний Редкин был выпущен первым кандидатом первого выпуска, с правом на получение золотой медали, с занесением его имени в «Золотую книгу». Затем Петр Григорьевич поочередно окончил Московский, Дерптский, Берлинский университеты.

Заслуги П. Г. Редкина как профессора и ученого давно признаны и оценены. Автор же настоящего исследования ставит задачу сказать о другой стороне его деятельности, о которой биографы не упоминают, но которая, тем не менее, важна, особенно на современном этапе нашей жизни, когда остро ставится вопрос о возрождении

самобытных культур — это интерес Редкина к развитию украинской литературы, языка, народно-поэтического творчества.

В конце XVIII — начала XIX в. шла быстрая ломка феодальных общественных отношений. Крепостническая система изживала себя. Этот процесс оказал большое влияние на освободительное движение и способствовал развитию национальных культур. «Во всем мире, — писал В. И. Ленин, — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» (Ленин В. И. ПСС, т. 25, стр. 258).

Развитие украинского литературного языка в этот период проходило в сложных условиях идеологической борьбы прогрессивного и реакционного направлений.

В дискуссии, определившей жизненность и самобытность украинского языка и литературы, непосредственного участия Редкин не принимал, но пристально следил за происходящим, о чем свидетельствует его переписка с выдающимся русским лексикографом и фольклористом В. И. Далем. 23 апреля 1862 года, отвечая Далю о получении присланного сборника «Пословицы русского народа», Редкин писал: «...система превосходная для справок, а о богатстве и говорить нечего. Это заслуга вечная для нашего большого отечества. Но в этом есть еще и родная моя (кажется и твоя) — Малая Русь. Ведь и для нее собрал ты, кажется, и пословицы, и слова, а кто же будет обрабатывать и издавать это собрание?.. Почему до сих пор они лежат под спудом?» (ИРЛИ (ПД), ф. 90, ед. хр. 27 382(СХСХVI б, 8, л. 122).

27 декабря 1866 года по случаю выхода четвертого тома «Толкового словаря» П. Г. Редкин пишет В. И. Далю: «С окончанием великого дела поздравляю от души и тебя и всю Россию. Подобного Словаря никто, кроме тебя, не был бы в состоянии составить». И тут же Редкин возвращается к вопросу, который его тревожил: «Дождемся ли мы, малороссы, чего-либо подобного? Подвинь-ка и это дело своею энергическою рукою» (Там же, л. 124).

Таким образом, интерес П. Г. Редкина к Украинской лексикографии и народнопоэтическому творчеству был постоянным, хотя по своему роду деятельности он был далек от этого.

А. Н. Гулак — канд. фил. наук.
г. Нежин.

М. Г. СОКОЛЬСЬКА, (Ніжин) ВЧЕНИИ ІЗ СВІТОВИМ ІМ'ЯМ.

Серед випускників Ніжинського історико-філологічного Інституту почесне місце належить Юхиму Федоровичу Карському (1861—1931).

Ю. Ф. Карський — видатний білоруський мовознавець, літературознавець та фольклорист, вчений із світовим ім'ям, дійсний член Академії Наук СРСР.

Народився 1 січня 1861 року в с. Лаші (нині Берестовицького району Гродненської області), у 1885 р. блискуче закінчив Ніжинський інститут. Його наукова діяльність розпочалася ще в студентські роки.

Після закінчення інституту Ю. Ф. Карський був призначений викладачем російської мови в Віленську другу гімназію, в якій працював до 31 грудня 1892 р.

При історико-філологічному факультеті Варшавського університету склав магістерські (кандидатські) екзамени. Першого лютого 1893 р. він був призначений лектором російської мови у Варшавський університет.

За праці з білоруської етнографії в 1894 р. Ю. Ф. Карський був нагороджений великою золотою медаллю. У цьому ж році призначений професором Варшавського університету.

Коло наукових досліджень ученого широке: він був діалектологом, істориком мови, етнографом, палеографом, дослідником усної народної творчості, давньої писемної літератури, знавцем нової літератури і мови та стилю майстрів поетичного слова.

За працю «Западнорусские переводы — псалтыри в XV—XVII веках» йому був наданий вчений ступінь доктора російської словесності, у 1898 р. Академія наук вручила Ю. Ф. Карському золоту медаль за рецензію двотомної праці «Материалы для изучения быта и языка русского населения северозападного края». 29 грудня 1901 р. він удостоєний малої Ломоносовської премії (в 500 крб.) за працю «Очерк славянской кирилловской палеографии».

В 1905 р. його обирають членом-кореспондентом Російської Академії наук, а в 1916 р. — її дійсним членом.

Від 1905 р. до 1910 р. він працював на посаді ректора Варшавського університету, причому був першим виборним ректором. Одночасно вчений редагував науково-педагогічний журнал «Русский филологический вестник» (до 1917 року).

Після Великої Жовтневої соціалістичної революції був професором Ленінградського університету. З 1920 року редагував журнал «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук».

Ю. Ф. Карський на всіх етапах свого життя поєднував плінну науково-дослідну роботу з педагогічною і громадською діяльністю. Його наукова спадщина велика. Багато праць вченого стали настільними книжками філологів.

У 1903—1922 рр. виходить широке, капітальне дослідження Ю. Ф. Карського «Белорусы» у трьох томах (7 книг, близько 3000 сторінок). Два томи цієї роботи в 1910 році відзначені Академією наук повною премією Батюшкова (в 1000 крб.).

Ця праця посідає центральне місце серед досліджень вченого з білорусознавства.

Предметом її були білоруська мова, фольклор і література від давнього періоду до часу діяльності самого автора.

У 1924 р. надрукована його праця «Русская диалектология», де під назвою «Русский язык» автор розумів всі три східнослов'янські мови за традицією, що існувала в перші роки після Великого Жовтня.

Перу Ю. Ф. Карського належать праці з старослав'янської мови і палеографії — «Славянская кирилловская палеография» (1928) яка становить багате зведення відомостей про давнє письмо, старославянські і давньоруські пам'ятки. Ця праця, на думку доцента П. Д. Тимошенка, лишається неперевершеною і тепер».

У списку досліджень Ю. Ф. Карського налічується понад 278 назв.

Він підготував до видання писемні пам'ятки, супроводжуючи їх коментаріями, багатим довідниковим матеріалом. Таким є видання «Лаврентієвського літопису» (в 1926—1928 рр.) і «Руської Правди» (в 1930 р.).

Вчений приділяв увагу і українській мові, був прихильником її всебічного розвитку (УРЕ, т. VI, стор. 221). Розвідками, присвяченими українській мові, є «Три малоруські пісні» (1905), «До питання про твердження (непом'якшеність) звуків Е та И в малоруському наріччі» (1904 р.), «Малорусский «Луцидарий» по рукописи XVII века» (1905), «Наймичка» Шевченка. Матеріали для її наукового видання» (1907 р.) і ін.

Ю. Ф. Карський написав багато доброзичливих повідомлень і численних відгуків про праці з українознавства, переважно з лінгвістики, про українські періодичні й неперіодичні філологічні журнали та збірники, про словники.

Як визначив доцент П. Д. Тимошенко, подібних заміток, повідомлень і рецензій на українську філосогічну продукцію більше від Ю. Ф. Карського з неукраїнських лінгвістів не друкував ніхто.

Протягом усього свого життя вчений був вдумливим, добросовісним дослідником, невтомним трудівником науки.

А. С. ЗЕЛЕНЬКО (Ворошиловград)

Ю. Ф. КАРСЬКИЙ ПРО УКРАЇНСЬКО-БІЛОРУСЬКО-РОСІЙСЬКО-ПОЛЬСЬКУ ВЗАЄМОДІЮ

Лінгвістична дослідницька практика Ю. Ф. Карського характеризується, як би ми тепер сказали, комплексним і системним підходами. Системність виявилася в тім, що виникнення і розвиток стабілоруської і білоруської літературної мови учений прослідковує через взаємодію як окремих цілісних систем давньоруської, старослов'янської, польської, розмовної білоруської, російської й української мов, а відповідно племінних говорів, а пізніше говорів білоруської, російської, української й польської мов. Комплексність виявляється у залученні при дослідженні Ю. Ф. Карським білоруської мови, її говорів, як і говорів української мови, фольклорних записів у Білорусії, Росії, на Україні. Як у першому, так і другому випадках дослідник білоруської мови надзвичайно близький до дослідника української мови П. Г. Житецького. Важлива проблематика українсько-білорусько-російсько-польської взаємодії у радянському мовознавстві стала предметом подальшого аналізу у роботах Л. А. Булаховського, П. П. Філіна, а останнім часом у колективних роботах «Восточнославянские языки» (М.: Просвещение, 1978. 296 С.) та «Историческая типология восточнославянских языков» (К.: Наукова думка, 1986.-270 С.).

Утверджені нашими попередниками системний та комплекс-

ний підходи у процесі аналізу формування й розвитку російської, української й білоруської мов в умовах демократизації й гласності, здається, дають підстави переглянути українсько-російсько-польську й білорусько-російсько-польську взаємодії. На матеріалі типологічного структурно-семантичного дослідження лексико-семантичних підсистем східнополіського говору північного наріччя та наддністрянського говору південно-західного наріччя при залученні лексичних даних говорів Смоленщини, Володимиро-Суздальщини, деяких інших російських, українських та білоруських говорів при прискіпливому перегляді й переоцінці соціальної значимості соціальних пріоритетів Росії та Польщі на протязі XI—XX століть дає змогу по-новому підійти до названої проблеми: не нехтувати, але й не перебільшувати, скажімо, ролі російської мови у становленні української літературної, а тим більше не абсолютизувати його, але й не відсувати на задній план польсько-українську взаємодію. Адже не можна забувати, що соціальна й культурна перевага російського компонента над польським фактично остаточно визначається лише у XVIII столітті, а становлення української літературної мови відбувається у попередні часи. Польська державність, у складі якої формувалася українська (різні землі перебували протягом різних часових відтінків), на той час, мабуть, була не менш значимою, ніж російський вплив.

До речі, й у фонетиці імпульс до дифтонгізації давніх голосних О, Е у східнополіському говорі, переходу їх в інші монофтонги в інших північних та деяких південно-західних говорах, здається, співпадає з тенденцією чергування О з О у польській мові. Саме ця думка висловлювалася нашим земляком Ю. С. Виноградським у листі-статті «До питання про говори Ніжинщини» авторів цього виступу. Правда, може здатися, що перехід О в У, інші монофтонги, дифтонги стався у говорах тих територій, що у минулому були в складі Великого князівства Литовського. Складніше буде з говорами білоруської мови. Але тут треба буде зважати на розмежування їх на старожитні і новостворені.

О. В. ОЗАРОВСКИЙ, Ю. С. ДОЛГОВ (Могилев)

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК СОВОКУПНОСТИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ КАЧЕСТВ И СВОЙСТВ В КОНЦЕПЦИИ Е. Ф. КАРСКОГО

Взгляды Е. Ф. Карского на ход исторической «отладки» русского литературного языка (РЛЯ) в связи с творчеством крупнейших художников слова были изложены им в серии юбилейных речей и некоторых других работах, которые в целом отличаются единством концепции.

В теории Е. Ф. Карского относительно роли писателей в формировании РЛЯ просматриваются два исходных постулата: а) литературный язык (ЛЯ) создается не просто как набор абстрактных качеств и отдельно фиксируемых норм, но и как совокупность образцовых текстов различных жанров; б) реализация определенных принципов обработки источников и эстетического подхода, реализованная тем или иным писателем в образцовой форме, становится национальным достоянием в масштабе ЛЯ в целом. Проблема разграничения общего и индивидуального в речи писателя Е. Ф. Карским не прораба-

тывается (в принципе он, как видно, склоняется к тому, чтобы считать творчество писателя-классика принадлежащим национальной культуре суммарно). В то же время Е. Ф. Карский не обращает особого внимания и на проблему ограничения художественного языка от ЛЯ вообще.

На первом плане у Е. Ф. Карского стоит проблема **источников** РЛЯ: их проработка в процессе реализации определенной «политики» по отношению к ним, определения их относительной ценности и иерархии, сбалансирование источников в общей модели РЛЯ. Исторический путь РЛЯ представляется ученым прежде всего как путь демократизации со смелой приоритета книжнославянской базы на народно-разговорную. Силу языка он видит в его способности ежеминутно обогащаться за счет средств народной речи. Политика ограничения книжнославянской стихии сходным образом продолжается в отношении к иноязычным элементам, влияние которых на ЛЯ квалифицируется как «затемнение».

Подготовку ЛЯ Е. Ф. Карский усматривает не только в соответствующей проработке источников и их сбалансированном синтезе, но и в плане выработки набора необходимых **коммуникативно-эстетических качеств**. Уже употребление народных слов как источника требует, по Е. Ф. Карскому, не только определенной теоретической программы, но должно опираться на чувство красоты, художественное чутье и постижение духа языка. В конкретных образцах ЛЯ должно быть представлено все разнообразие возможностей выражения от «возвышенных идей» до «нежнейших чувств и тончайших изгибов сердца». Ученый прослеживает развитие под пером наших замечательных писателей таких качеств слога, как доступность, простота, естественность, логическая прозрачность, краткость; «приятность», художественное изящество, свобода выражения, чувство красоты, точность и ясность выражения, реальная правдивость, живость, грация. Коммуникативно-эстетические качества речи дифференцируются с учетом специфики прозы и поэзии.

Особый интерес вызывает рассмотрение Е. Ф. Карским разработкой писателями **«индивидуального значения»** слова как исторически сложившегося коммуникативно-содержательного потенциала слова. Разработка «индивидуального значения» возможна, как подчеркивает Е. Ф. Карский, на основе предельной художественной чуткости к слову.

Основные положения Е. Ф. Карского о путях формирования РЛЯ получили подтверждение и закрепление на последующих этапах формирования истории РЛЯ как филологической дисциплины. Вместе с тем пионерская роль ученого в этой области науки недоучитывается. Можно лишь пожалеть о том, что проблематика ЛЯ как носителя определенных коммуникативно-речевых и эстетических качеств в дальнейшем оказалась свернутой. Понадобилось создание на чистом месте такой дисциплины, как культура речи, чтобы вернуться к проблеме коммуникативно-речевых и эстетических качеств речи.

Р. В. КОЗАК, Л. Н. МАРЧУК (Каменец-Подольский)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ Е. Ф. КАРСКИМ СИНТАКСИСА ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Евфимий Федорович Карский много лет, как русист, занимался изучением древнерусских памятников (См., например, «Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевской летописи»), его прогрессивные лингвистические идеи принесли огромные плоды языковедческой науке.

Изучению лингвистических взглядов Е. Ф. Карского посвящено ряд работ, в том числе книга М. Г. Булахова «Евфимий Карский», которую мы использовали в подготовке доклада.

Указывая на необходимость глубокого изучения фактов истории языка, Е. Ф. Карский писал: «Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишенными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения».

В истории языкознания важное значение занимают труд Е. Ф. Карского «Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи», в которой проанализированы характерные черты построения древнерусского языка и, по мнению автора, представляют собой следующее:

- а) безличные конструкции с винительным количественным;
- б) предложения с подлежащим, выраженным звательной формой имени;
- в) разные сочетания с беспредложным управлением;
- г) сочетания с творительным падежом числительных;
- д) с творительным орудийным;
- е) предложения с именным сказуемым и связкой настоящего времени и без нее;
- ж) употребление кратких форм причастий в сказуемой функции;
- з) сложные предложения с внешне схожими, но различными по функциям союзами.

Автор охарактеризовал обстоятельства, побудившие его обратиться к исследованию синтаксиса памятника Лаврентьевского списка летописи следующим образом: Лаврентьевский список летописи 1377 года является одним из памятников, наилучше отражающих особенности древнерусского языка.

Е. Ф. Карский считает, что к синтаксическим фактам памятников следует относиться с осторожностью, поскольку первоначальный вариант и продолжение делались в разный период, и, следовательно, теперь трудно решить, какие факты языка относятся к древнейшей эпохе, а какие к XIX веку (См.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. — М. — 1962. — С. 58—59).

Таким образом, описанные Е. Ф. Карским синтаксические явления Лаврентьевского списка летописи дают возможность судить в определенной мере и о синтаксисе других русских летописей древней поры, которые требуют, по нашему мнению, и сегодня пристального внимания, ждут своих исследователей и смогут внести важные новые факты в историю русского языка.

КОНСТРУКЦИИ С БЫТЬ В «БЕЛОРУСАХ» Е. Ф. КАРСКОГО: СТРУКТУРА, ЗНАЧЕНИЕ, ФУНКЦИЯ

Среди неоднословных номинаций, образованных по структурной схеме **всмогательный глагол — вещественная часть**, по продуктивности и частотности употребления выделяются сочетания, возглавляемые глаголом-связкой **быть**. Номинативные образования данного типа часто функционируют как синонимы по отношению к производным глаголам (**быть учителем — учительствовать**), или, что более важно, оказываются единственным средством обозначения понятия. Характер их значения в большой мере ограничивается количеством и качеством признаков, репрезентируемых вещественной частью и действительно свойственным характеризуемому предмету или приписываемых ему в определенных условиях.

В позиции вещественного компонента составных номинаций в «Белорусах» Е. Ф. Карского (М., 1955, вып. 1; 1966, вып. 2—3) выступают причастия (64,4%), существительные (14,9%), прилагательные (14,5%) и словосочетания именного типа (6,2%). Сочетаясь со связкой **быть**, они образуют единое семантическое и синтаксическое целое: связочный глагол оформляет данное номинативное сочетание грамматически, а его вещественное значение создается лексическим значением обеих структурных частей. В зависимости от лексической семантики вещественного компонента, они характеризуют неодушевленный предмет или абстрактное понятие (**губы, титло, дифтонг, Ъ и Ь, оба О, ударение, окончание, имперфект, 3-е лицо, страдательный залог, связка, подлежащее, время, связь**) с разных сторон: 1) раскрывают его признак как постоянное свойство, качество, (**быть твердым, быть положительным, быть под ударением, быть разного качества**); 2) представляет признак предмета как результат осуществляемого или осуществленного действия (**быть объясняемым, быть обнаруженным, быть обозначенным**); 3) дают оценку факта (**быть живым явлением, быть причиной**); 4) дают квалификационную характеристику предмета (**быть сложным словом**); 5) указывают на его функциональное назначение (**быть подлежащим, быть деятелем**); 6) называют предмет отождествления, приравнивания (**быть равным ч.-Либо**). Иногда в качестве предцизируемых выступают классификационные признаки: «Все они (губные и зубногубные звуки — М. К.) могут быть и твердыми и мягкими» (в. 1, с. 325).

В абсолютном большинстве случаев данные номинативные образования употребляются в составе предиката двусоставного предложения, сочетаясь с модальными словами, выражающими возможность или долженствование: «Исходным пунктом может быть время» (3, 437); «Но должны быть объясняемы иначе следующие слова...» (1, 254). Иногда утверждается прекращение существования предикативного признака: «В древнерусском формы имперфекта и аориста перестали быть живым явлением» (3, 368). Модальное значение неизбежности бытия признака отмечено в безличных предложениях: «Иногда им (звукам — М. К.) приходится быть мягкими» (1, 314).

Полнозначный глагол **быть**, реализируя значения «существо-

вать», «иметь место», «размещаться», выступает в роли вещественного компонента при модальных словах *может, должно*: «А может быть на месте Е безударного» (2,195); «Перед сказуемым непременно должно быть отрицательное НЕ» (3, 450). Таким образом, в данном случае образуется составное наименование глагольного типа. Широко представлен данный глагол также в составе единичного члена безличного предложения: «В этом же слове может и не быть удвоенного Ц» (1,293); «...Чего в основном русском не могло быть» (2,14); «...Где ему (мягкому знаку — М. К.) надо быть непременно» (1,199); «...Где им (островкам аканья — М. К.) не следовало бы быть» (1,139). Для передачи категорического отрицания автор часто употребляет устойчивое выражение *не может быть речи (места)*; вероятность совершения факта передает конструкция «Очень может быть, что...».

Сравнительно с соответствующими составными номинативными конструкциями, обслуживающими потребности художественной речи, номинации с *быть* в «Белорусах» Карского отличаются своим лексическим наполнением. Семантический спектр их структурных компонентов более узок и более специфичен. Отсутствуют синонимические связи с однословными глагольными производными. Менее разнообразны синтаксические функции. Однако они вполне обеспечивают потребность научного стиля речи в обозначении лингвистических понятий.

В. Л. РИНБЕРГ (Киев)

П. О. ПОТАПОВ — ВОСПИТАННИК И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ НЕЖИНСКОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Окончив Нежинскую гимназию с золотой медалью и Нежинский историко-филологический институт, Петр Осипович Потапов оставался верным последователем и хранителем основных филологических традиций, сложившихся на базе лицейского первоначала, приумножая их и совершенствуя при этом свой индивидуальный почерк исследователя. Научная деятельность П. О. Потапова по своим разносторонним направлениям подлинно филологическая, чем он обязан традициям альма-матер, вооружившей своих воспитанников широким образованием и хорошими знаниями классических и славянских языков. Вся творческая деятельность П. О. Потапова связана с Одесским госуниверситетом на всех этапах преобразования этого учебного заведения (Новороссийский университет, институт народного образования, Одесский госуниверситет). Здесь на достойном уровне отмечалось столетие со дня рождения П. О. Потапова в 1982 г.

В ранний период научной деятельности внимание молодого ученого привлекали вопросы театра и его истории. Выделяется в этой области фундаментальное исследование: «К истории речевого театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова» (1915, 958 с.). В этой книге прослеживается специфика русского классицизма, отражение его в творчестве В. А. Озерова и его современников. Научная весомость этой книги подтверждена серьезными рецензиями на нее и последующими исследованиями творчества В. А. Озерова с ссылками на материалы монографии П. О. Потапова. Интерес Петра Осиповича к театру и его истории был связан с деятельностью Одесского государственного университета, где он работал в течение многих лет.

повича к истории театра, к истории литературы прослеживается в его многочисленных рецензиях на издания, посвященные театру, в его изысканиях типа «Введение в историю русской литературы» (1919) и др.

П. О. Потапов — текстолог. Работу Потапова-текстолога характеризует его участие в издании Академии наук славянских переводов византийских хроник и его исследования рукописных фондов в Болгарии, Сербии, Чехии, на Афоне. Потаповым было успешно осуществлено издание славяно-русского текста «Жития Нифонта» (работа, не завершённая проф. А. В. Рыстенко) с историческими комментариями, где подчеркнута значимость этого документа для истории русского языка.

С текстологическим направлением в творческой лаборатории Потапова переплетаются историографические интересы ученого. В исследованиях письменных памятников Потапов уделял особое внимание описанию их источников, сличению переводов и т. п. В этой области заслуживают серьезного внимания его исследования переводов греческого памятника «Хроники Зонары», в которых конкретизируются многие вопросы (место, время, качество, автор перевода). Завершением этих статей явилось основательное исследование «Славянский перевод «Хроники Зонары» по спискам Ундольского 1911 и др.» (1938—1944). Хранится эта неизданная работа в рукописном фонде Одесской госуд. научной библиотеки им. А. М. Горького под шифром 85/1—6.

В таком историографическом стиле выдержаны все описания памятников, исследованных П. О. Потаповым (из истории летописей, о сказаниях и др. Обзор этого цикла работ обнаруживает почерк Потапова-исследователя: безукоризненные знания классических и славянских языков, филологическую эрудицию, свободное обращение с рукописными списками, стремление для достижения научной истины ко всестороннему описанию изучаемого документа (сличение списков, сопоставление языка перевода с оригиналом, выявление особенностей языка, история памятника и т. п.).

П. О. Потапов — языковед. В работах по этому циклу выразительно отражен широкий диапазон ученого. Внимание Потапова сосредоточено на проблемах широкого охвата — начиная с исторической фонетики др.-рус. и ст.-слав. языков, современной морфологии (о классификации частей речи), истории русского литературного языка (о реформе рус. лит.-го языка XVIII в.), анализа словарного состава в поэзии Т. Г. Шевченко, кончая значительными работами по методике изучения языка в школе («К вопросу о введении в курс средней школы истории русского языка» — 1916 г. и др.).

Во всех своих трудах П. О. Потапов стоял на передовых позициях материалистической методологии историко-сравнительного языкознания, никогда не признавал «модного» нового учения Н. Я. Марра. Труды Потапова свободны от перефразов и повторов в науке. Они насыщены оригинальными глубокими обобщениями, явившимися результатом его научного анализа языковых фактов. Большая часть этих выводов сохраняют свое звучание поныне. П. О. Потапов оставил творческое наследие, которое ждет своего исследователя и внедрения его аналитических методов в практику подготовки филологов на основе его печатных и рукописных материалов.

Славную страницу вписал в личную биографию П. О. Потапов своей педагогической деятельностью. Он был талантливым учителем классических языков в студенческие годы и по окончании гимназии (по воспоминаниям живых свидетелей), а также прекрасным преподавателем вузовских языковедческих дисциплин (Одесский госуниверситет, Одесский пединститут), неповторимым руководителем аспирантов. Он воспитал большую группу преподавателей вуза. Эта сторона деятельности Петра Осиповича заслуживает особого описания, особенно пока еще живы его ученики, к которым, кстати, принадлежат и автор этих строк. Нам повезло учиться в семинарах любимого учителя по классическим языкам (греческому, латинскому), сравнительной грамматике славянских и индоевропейских языков. П. О. Потапов всей своей деятельностью доказал приверженность традициям Нежинской высшей школы.

М. П. КОЧЕРГАН (Черкассы)

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. О. ПОТАПОВА

Видный ученый — литературовед, языковед, палеограф — выпускник Нежинского историко-филологического института профессор Петр Осипович Потапов посвятил специально лексикологии лишь одну работу — «Іншомовні слова в Шевченкових творах» (см.: Великий син — революціонер. — Одеса, 1939. — С. 199—212), однако много ценных наблюдений по лексикологии находим в других его филологических изысканиях.

П. О. Потапов привлекает лексику для установления происхождения памятников письменности («Десятьма слів про значіння текстів Життя Нифонта» — предисловие к публикации «Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови». — Одеса, 1928. — С. 6—16) и для исследования истории русского литературного языка 1-ой половины XVIII века («К вопросу о реформе русского литературного языка в I половине XVIII века»//Труды Одесского державного університету. Збірник філологічного факультету. — Одеса, 1940. — С. 29—39).

Многие идеи П. О. Потапова предвосхитили научные теории последующих десятилетий и не потеряли актуальности в наши дни. Он пришел к таким выводам, которые стали в настоящее время основополагающими в лексико-семантической теории. К ним относятся:

1. Понимание лексики (и шире — языка) как структурно-системного образования.
2. Разграничение синхронического и диахронического срезов в лексике и, соответственно, синхронического и диахронического аспектов в ее изучении.
3. Учение о фоновом национально-специфическом культурном компоненте (идеологической окраске) в семантике слова, созданное П. О. Потаповым задолго до того (1939 г.), как на это явление обратили внимание в зарубежном языкознании Хаттори и в отечественном В. И. Абаев (к сожалению, приписывается это важное открытие последним).
4. Разграничение двух аспектов в изучении слова — языкового и речевого, т. е. изучение слова как виртуальной и актуальной

єднинці. При цьому дослідувач велику увагу приділяє тим явищам, які зараз називають синтагматикою слова, лексемотактикою, комбінаторикою значень, валентністю слова, приращенням смисла, синтагматичним контрастом і др.

5. Системний підхід до вивчення слова. Кожна лексическа єдиница вивчається П. О. Потаповим во всіх можливих зв'язках, приче при аналізі лексем учений виходить з місця кожного окремого слова в лексико-семантическій системі язика, з одної сторони, и в системі художественно-образительних засредств писателя в творі конкретного художественного произведения — з другої.

6. Применение лексики для сравнительно-исторического изучения языков в противовес господствовавшему в то время и имеющему распространение нередко и сейчас мнению о важности фонетики и морфологии и второстепенном месте лексики в этих исследованиях.

Все вышесприведенные факты свидетельствуют о значительном вкладе П. О. Потапова в развитие современной лингвистической мысли: он выдвинул ряд новых принципов понимания и исследования лексико-семантических явлений.

А. Р. ВОЛКОВ (Чернівці)

ДІЯЛЬНІСТЬ Р. М. ВОЛКОВА НА ЦАРИНІ УКРАЇНСЬКОЇ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Зацікавленість Романа Михайловича Волкова українською народною творчістю виникає ще з дитячих і гімназійних років, що минули в Новгороді-Сіверському. Тут, на Поліссі, зустрічалися фольклорні стихії трьох східнослов'янських народів.

Відомі новгород-сіверських вражень відбився в першій науковій розвідці Р. М. Волкова «Цар Максимільян»: спроба дослідження про склад і джерела». Це була студентська праця, виконана під керівництвом В. І. Резанова під час навчання автора розвідки в Київському історико-філологічному інституті. До дослідження було додано власноручний запис тексту «Царя Максимільяна», зроблений у Новгород-Сіверському. Було приділено увагу рецепції в «Царі Максимільяні» певних компонентів українського народного вержету.

У 20-х роках, працюючи в Одесі ректором інституту народної освіти та професором, Р. М. Волков проводить велику й різнобічну діяльність на царині українізації (заняття з одеськими медиками з української мови, пропаганда новітньої української літератури, зокрема через Одеський будинок народної освіти, тощо). Але чи не найбільше уваги приділялося українознавству в широкому значенні: краєзнавству, народознавству, фольклористиці. Вчений був патронником створення Музею степової України (Одеса, вул. Гоголя). У 30-ті роки музей було знищено, а багатющі фонди десь зникли.

На початку 20-х років Р. М. Волков складає і редагує «Дитячу бібліотеку», що складається переважно із збірок українських казок. До цієї бібліотеки входить і збірник під назвою «Гра» (пісні та ігри для дітей дошкільного віку). Цей етнографічно-фольклорний матеріал було упорядковано самим вченим. Аранжував пісні одеський музикант Г. О. Суок. Частина книжок «Дитячої бібліотеки» складає підсерію «Мальованих казок». Разом в Дитячу бібліотеку ввійшло кільканадцять книжок. Укладач виступав під іменем Р. Вовк.

Паралельно в 20-ті роки Р. М. Волков очолює етнографічно-лінгвістичну секцію Одеської комісії краєзнавства. Редагує й друкує програму збирання етнографічних, фольклорних та діалектологічних матеріалів. Він веде семінар збирачів народної творчості. Під керівництвом ученого було зібрано багато українських та болгарських фольклорних матеріалів.

У 1924 р. було надруковано друге велике дослідження «Казка: розшуки по сюжетній побудові народної казки». Тут вивчалоя поряд з російськими та білоруськими й українські казки.

Значну вагу для української фольклористичної науки мав написаний Р. М. Волковим розділ «Фольклор» у підручнику для 8-го класу середньої школи з української літератури. Підручник витримав п'ять видань (1938—1945). За обсягом це був справжній курс з українського фольклору — майже 100 сторінок. Курс охоплював загальні питання фольклористики і досить докладний огляд народних пісень від найдавніших часів до XIX століття. Окремими розділами розглядалися думи, казки, приказки та прислів'я, загадки. Послідовно приділялася увага фольклорній поетиці. На жаль, згодом фольклор майже зник з шкільних підручників і не вивчається в школі.

Водночас з підручником були створені і видані «Хрестоматії» з української літератури для 8-го класу. Розділ з фольклору був упорядкований Р. М. Волковим.

ИЗВЕЩАНИЕ О РАБОТАХ
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ВОПРОСОВ ТА ИСТОРИИ

1. В. В. ВАСИЛЬЕВ
2. В. В. ВАСИЛЬЕВ
3. В. В. ВАСИЛЬЕВ
4. В. В. ВАСИЛЬЕВ
5. В. В. ВАСИЛЬЕВ
6. В. В. ВАСИЛЬЕВ
7. В. В. ВАСИЛЬЕВ
8. В. В. ВАСИЛЬЕВ
9. В. В. ВАСИЛЬЕВ
10. В. В. ВАСИЛЬЕВ
11. В. В. ВАСИЛЬЕВ
12. В. В. ВАСИЛЬЕВ
13. В. В. ВАСИЛЬЕВ
14. В. В. ВАСИЛЬЕВ
15. В. В. ВАСИЛЬЕВ
16. В. В. ВАСИЛЬЕВ
17. В. В. ВАСИЛЬЕВ
18. В. В. ВАСИЛЬЕВ
19. В. В. ВАСИЛЬЕВ
20. В. В. ВАСИЛЬЕВ
21. В. В. ВАСИЛЬЕВ
22. В. В. ВАСИЛЬЕВ
23. В. В. ВАСИЛЬЕВ
24. В. В. ВАСИЛЬЕВ
25. В. В. ВАСИЛЬЕВ
26. В. В. ВАСИЛЬЕВ
27. В. В. ВАСИЛЬЕВ
28. В. В. ВАСИЛЬЕВ
29. В. В. ВАСИЛЬЕВ
30. В. В. ВАСИЛЬЕВ
31. В. В. ВАСИЛЬЕВ
32. В. В. ВАСИЛЬЕВ
33. В. В. ВАСИЛЬЕВ
34. В. В. ВАСИЛЬЕВ
35. В. В. ВАСИЛЬЕВ
36. В. В. ВАСИЛЬЕВ
37. В. В. ВАСИЛЬЕВ
38. В. В. ВАСИЛЬЕВ
39. В. В. ВАСИЛЬЕВ
40. В. В. ВАСИЛЬЕВ
41. В. В. ВАСИЛЬЕВ
42. В. В. ВАСИЛЬЕВ
43. В. В. ВАСИЛЬЕВ
44. В. В. ВАСИЛЬЕВ
45. В. В. ВАСИЛЬЕВ
46. В. В. ВАСИЛЬЕВ
47. В. В. ВАСИЛЬЕВ
48. В. В. ВАСИЛЬЕВ
49. В. В. ВАСИЛЬЕВ
50. В. В. ВАСИЛЬЕВ
51. В. В. ВАСИЛЬЕВ
52. В. В. ВАСИЛЬЕВ
53. В. В. ВАСИЛЬЕВ
54. В. В. ВАСИЛЬЕВ
55. В. В. ВАСИЛЬЕВ
56. В. В. ВАСИЛЬЕВ
57. В. В. ВАСИЛЬЕВ
58. В. В. ВАСИЛЬЕВ
59. В. В. ВАСИЛЬЕВ
60. В. В. ВАСИЛЬЕВ
61. В. В. ВАСИЛЬЕВ
62. В. В. ВАСИЛЬЕВ
63. В. В. ВАСИЛЬЕВ
64. В. В. ВАСИЛЬЕВ
65. В. В. ВАСИЛЬЕВ
66. В. В. ВАСИЛЬЕВ
67. В. В. ВАСИЛЬЕВ
68. В. В. ВАСИЛЬЕВ
69. В. В. ВАСИЛЬЕВ
70. В. В. ВАСИЛЬЕВ
71. В. В. ВАСИЛЬЕВ
72. В. В. ВАСИЛЬЕВ
73. В. В. ВАСИЛЬЕВ
74. В. В. ВАСИЛЬЕВ
75. В. В. ВАСИЛЬЕВ
76. В. В. ВАСИЛЬЕВ
77. В. В. ВАСИЛЬЕВ
78. В. В. ВАСИЛЬЕВ
79. В. В. ВАСИЛЬЕВ
80. В. В. ВАСИЛЬЕВ
81. В. В. ВАСИЛЬЕВ
82. В. В. ВАСИЛЬЕВ
83. В. В. ВАСИЛЬЕВ
84. В. В. ВАСИЛЬЕВ
85. В. В. ВАСИЛЬЕВ
86. В. В. ВАСИЛЬЕВ
87. В. В. ВАСИЛЬЕВ
88. В. В. ВАСИЛЬЕВ
89. В. В. ВАСИЛЬЕВ
90. В. В. ВАСИЛЬЕВ
91. В. В. ВАСИЛЬЕВ
92. В. В. ВАСИЛЬЕВ
93. В. В. ВАСИЛЬЕВ
94. В. В. ВАСИЛЬЕВ
95. В. В. ВАСИЛЬЕВ
96. В. В. ВАСИЛЬЕВ
97. В. В. ВАСИЛЬЕВ
98. В. В. ВАСИЛЬЕВ
99. В. В. ВАСИЛЬЕВ
100. В. В. ВАСИЛЬЕВ

Н І Ж И Н С Ь К А
ВИЩА ШКОЛА ПІСЛЯ РЕВОЛЮЦІЇ

1914

Після Великої Жовтневої соціалістичної революції історико-філологічний інститут зазнав значних змін. Вуз неодноразово переіменовували, хоч спрямування його було однаковим: науково-педагогічний інститут, інститут народної освіти, педагогічний інститут.

У складний час 20-30-х років Ніжинська вища школа не знижувала свого наукового значення і продовжувала розвивати традиції дореволюційної філологічної школи, хоч з'явилися уже інші факультети та спеціалізації. Тут продовжували працювати визначні вчені історики та філологи В. І. Резанов, М. М. Бережков, О. С. Грузинський, І. Г. Турцевич, О. І. Покровський, Я. Н. Колубовський, П. А. Бельський, Є. А. Рихлик та інші.

Під керівництвом професора В. І. Резанова йшла підготовка наукових кадрів у «Семинарії підвищеного типу» (це була своєрідна аспірантура). Її закінчили за шість років (1924–1930) 24 чоловіки. Було видано 12 томів «Наукових записок», опубліковано близько 200 наукових праць.

У цей час формується літературна студія (в 20-ті роки «Відділення Спілки письменників «Плуг»), її керівники В. І. Резанов, а потім М. П. Сайко, О. Д. Королевич (Гомін) запрошували на засідання студії Павла Тичину, Максима Рильського, Павла Усенка, Володимира Сосюру, Петра Панча та інших. З цієї студії вийшли у життя і стали відомими письменниками Ю. Збанацький, О. Ющенко, П. Мисник, П. Артеменко, Б. Левін, а в післявоєнний час Є. Гуцало, Л. Горлач, В. Мордань та інші.

Літературна студія продовжує працювати і тепер під керівництвом члена Спілки письменників СРСР П. О. Сердюка. Тільки за останні двадцять років стали членами Спілки письменників України Шаповаленко, Любов Пономаренко, Анатолій Мойсієнко, Микола Луговик.

Орденоносний інститут пишається своїми випускниками, які поповнили вчительські колективи шкіл. Тільки в повоєнний час було підготовлено більше 20 тисяч вчителів. Багато з них стали Заслуженими вчителями УРСР та РРФСР, відзначені урядовими нагородами. Учителям Касьяненко та Короваю присвоєно звання Героя Соціалістичної Праці.

Нині на кафедрах інституту працюють професори Арват Н. М., Арват Ф. С., Домбровський В. А., Заїківська Р. Г., Кирилюк З. В., Коломієць Л. І., Маєвська Т. П., Пунімін Є. А., Самоїленко Г. В., Янушевський В. Г. які проводять значну навчальну та наукову роботу.

В інституті проводяться всесоюзні та республіканські конференції, присвячені творчості М. В. Гоголя, Т. Г. Шевченка, Є. П. Гребінки, Л. І. Глібова, М. М. Коцюбинського та інших, а також «Література і культура Полісся».

За останній час з'явилися десятки монографій, підручників та навчальних посібників. Можна впевнено говорити, що в інституті відродилась Ніжинська філологічна школа.

**ПРОФЕССОР НЕЖИНСКОГО ИНСТИТУТА В. И. РЕЗАНОВ
(1867—1936) КАК ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ.**

Среди замечательных литературоведов киевско-нежинской филологической школы II половины XIX — I половины XX вв. имя проф. Нежинского историко-филологического института Владимира Ивановича Резанова (28.VIII.1867 — 31.XII.1936) выделяется особенным образом. Он внес заметный вклад в изучение фольклора, русской и украинской драматургии XVII—XVIII вв., творчества В. А. Жуковского. Научное наследие доктора русского языка и словесности обширно и многообразно: опубликовано свыше 70 печатных работ, среди которых объемистые историко-литературные монографии и научно-выверенные тексты старинной русской и украинской драмы. Вся жизнь В. И. Резанова была отдана науке и ее преподаванию, он исключительно преданно относился к Нежину, институту.

После окончания Нежинского историко-филологического института в 1890 г. В. И. Резанов учительствовал в Курске в течение 10 лет с 1891 по 1899 гг. Там он наряду с преподаванием русской словесности собирал фольклорные и этнографические материалы, которые были позднее изданы в трех частях в «Курском сборнике» 1902/1903 гг. С 1899 г. он стал работать штатным преподавателем Нежинского института, а с 1910 по 1934 г. профессором по кафедре литературы. Фундаментальные труды Резанова были высоко оценены представителями русской и украинской академической науки: достаточно обратиться к отзывам М. Возняка, В. Перетца, А. М. Лободы. В 1923 г. он был избран чл. кор. АН СССР (См.: Записка об ученых трудах В. И. Резанова // Известия АН: серия VI. 1923. С. 358). Методологической основой его работ стал сравнительно-исторический метод на базе основоположений историко-культурной школы, занимавшей столь почетное место в истории славянской науки о литературе. Резанов тщательно и скрупулезно сопоставил типологически родственные явления европейской литератур.

Им создано три фундаментальнейших историко-литературных труда по русской драматургии XVII—XVIII вв.: Из истории русской драмы. (Нежин, 1907. 331 с.); Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов (М., 1910. 334 с.); К истории русской драмы: Экскурс в область театра иезуитов (Нежин, 1910, 464 с.). Велико значение его текстологически выверенных изданий памятников русской драматургической литературы, польско-литовских иезуитских коллегий, поэтики М.-К. Сарбевского. Обращаясь к первоисточникам, он описал теорию школьной декламации, установил связи древнерусских мистерийных действ со школьной поэтикой. В 20-е гг. XX в. он тщательно изучил и издал, опираясь на рукописные первоисточники, несколько томов текстов старинной украинской драмы (Драма українська: Старовинний театр український // Збірник іст.-ф'їлол. відд. Всеукр. Академії наук). Впервые в практике отечественного литературоведения он начал обследовать зарубежные архивы с целью поиска новых материалов по русской литературе: по рукописям музея кн. Чарторижских в Кракове он исследовал и издал поэтику школьного театра, парижские рукописные тексты сочинений А. П. Су-

марокова он обследовал для выявления различий к пьесам «Ярополк», «Семира» и др.

Широкое и активное использование архивных материалов стало яркой приметой его исследовательского метода при изучении творческой эволюции В. А. Жуковского. В двух объемистых выпусках «Разысканий о сочинениях Жуковского (Пг. 1906 1916) им подготовлен и систематизирован огромный материал, отражающий особенности творческой лаборатории Жуковского, его эстетических устремлений, поэтических замыслов. По наброскам и вариантам 1800—1808 гг. восстановлена литературная жизнь «Университетского благородного пансиона», студенческих журналов, история «Дружеского литературного общества». Широкий литературно-эстетический и философско-поэтический контекст поэтических исканий Жуковского помогает понять не только становление его творческой индивидуальности, но и широту его нравственно-философских ориентаций.

Итоговой синтетической работой Резанова стала его статья «До історії літературних стилів: Поетика ренесансу на терені України і Росії», опубликованной в Ученых записках Нежинского института народного образования. В ней дана новаторская трактовка многих ныне забытых проблем становления новой русской и украинской литератур. В настоящее время требуются усилия по разысканию новых архивных материалов о Резанове, осмысление собранного им огромного историко-литературного и фактического материала.

Имя В. И. Резанова стоит в одном ряду со славными именами таких замечательных ученых киевско-нежинской академической филологической школы, как М. И. Соколов, А. М. Лобода, А. И. Белецкий, П. Н. Попов, С. И. Маслов, А. А. Назаревский, внесшим неоценимый вклад и в русское, и в украинское литературоведение. Во время славного юбилея Нежинского института их имена должны прозвучать достойно их весомым заслугам на ниве отечественной филологической и педагогической науки.

А. А. КАРПЕКО.

ИЗ ВОСПОМИНИЙ О НЕЖИНСКОМ ИНСТИТУТЕ 20-х ГОДОВ

Прошло тридцать семь лет, но мне хорошо помнится тот дождливый сентябрьский день 1921 г. с пронизывающей до кости сыростью, когда я, повернув с Гоголевской на Лицейскую, с замиранием сердца подходил к институту, который семь лет тому назад кончил. С замиранием сердца потому, что еще свежи были воспоминания проведенных в нем студенческих лет с их радостями и горестями, с напряженной учебой, шалостями, вечерами у знакомых, коллективным чтением неподозранных книжек, беседами во время репетиций нашего драмкружка и «левиными» разговорами за чашкой чая у знакомого зубного врача на Гоголевской. Вспомнились товарищи-студенты, друзья во всех этих случаях. Вспомнились ночи, которые мы коротали в беседах, лежа на рядом стоящих в студенческом общежитии койках, чуть-чуть освещенных огоньком из печки. Сколько ронлось тогда в голове мыслей! Каких только планов не настроили мы тогда. А как тепло было на душе. Вспомнились наши профессора, наш олимпиец инспектор Иван Иванович Семенов, наш «хитро-

умный» эконо́м, наш доктор Иван Никитич, фельдшер Архип Мокрина, банщик Филипп с его козлиной бородкой, замечательный семидесятилетний старик — швейцар Лука, соучастник всех студенческих «дел». Вспомнился тенистый парк с его дубами, липами и озерами, хранитель многих студенческих тайн, и само здание института с высоким подъездом и белыми колоннами. Какова-то она теперь, наша Альма Матер?

Уже с деревянного моста, соединяющего оба берега реки Остра, я увидел наполовину вырубленный институтский парк, почти совсем разрушенную каменную ограду институтского двора и высокие обугленные столбы сквозь зияющие дыры окон и дверей левого крыла здания. Такие же зияющие дыры были и в другой части здания. Крыша тоже была сорвана во многих местах. Такой, примерно, вид имели и все флигели в усадьбе, те флигели, в которых помещались всегда научные работники и некоторые технические служащие института. Чем ближе подходил я к усадьбе, тем больше открывался весь ужас разрушения, произведенный во время гражданской войны петлюровскими бандами.

В таком виде предстал передо мной бывший Нежинский историко-филологический институт, а теперь, Нежинский институт народного образования. И в этом институте мне предстояло с сегодняшнего дня работать в должности политкомиссара и декана факультета социального воспитания. Я должен буду, как сказали мне в Наркомпросе, организовать весь его коллектив на упорный труд для быстрого восстановления в нем нормальной учебно-воспитательной работы.

Во дворе не было ни души, когда я вошел туда. Я не знал, где мне искать ректора. Решил наугад зайти в первый флигель направо. Как раз в нем, на втором этаже, помещалась канцелярия института. В канцелярии, сравнительно небольшой комнате с железной печкой в правой стороне за единственным стоявшим там столом сидело три, по видимому, технических работника и два, безусловно, профессора. Это легко можно было определить, не будучи даже особо наблюдательным. Профессора были старенькие, худенькие. Один из них без бороды, одетый в довольно потрешанное демисезонное пальто. Другой с длинными спускающимися до плеч волосами, длинной бородой, в больших очках, с бледно-матовым лицом. Дрова в железной печке уже перегорели, и в комнате было довольно прохладно. Вот почему все люди сидели в пальто, да и то ежились. В первом старичке я узнал... Павла Васильевича Тихомирова, одного из моих профессоров, читавшего нам в свое время курс истории философии и логику. Сейчас он отрекомендовался ректором института. Другой — Иван Иванович Семенов, тоже профессор и инспектор времени нашего студенчества, — проректором.

В первые минуты нашей встречи мы были несколько официальны, как будто не признавали друг друга за старых знакомых.

Я предьявил Павлу Васильевичу свое назначение. Он прочел его через свои огромные очки и мило улынулся.

— Иван Иванович, наконец-то и к нам политический комиссар, — обратился он к своему заместителю. — А мы давно ждем. Так, так... И кто же? Наш дорогой воспитанник... Рады, очень рады..

Он как-то необычно засуетился заморгал глазами, а затем попросту, по-русски расцеловался со мной. Тоже самое сделал и Иван Иванович. Технические служащие насторожились.

Для жилья мне отвели три комнаты во втором этаже другого жилого дома в усадьбе, одну большую и две маленькие. Все эти комнаты были без окон, дверей, а в отдельных местах и без половиц.

Мне с семьей предстояло прожить несколько дней в привезшей меня теплушке, пока предоставленную мне «квартиру» отремонтируют.

В таких же, примерно, условиях пришлось жить и приехавшему в эту зиму завхозу института Федору Емельяновичу Бове с тремя детьми. Федор Емельянович — представительный старик, бывший народный учитель, окончивший в свое время учительскую семинарию и проработавший в сельской школе около тридцати лет, был человеком «тонкой души». В свободные от работы минуты он играл на скрипке и немного подпевал, причем делал это так, чтобы никто его игры и пения не слышал. Работе отдавал себя целиком. Его можно было видеть в институте в любое время дня, а иногда и ночью. Этот замечательный человек беззаветно был предан педагогическому делу и готов был выполнять для него любое задание. Но о нем речь будет впереди.

За время, когда семья моя жила в вагоне, я хорошо ознакомился и с людским составом института, и с его материальной частью.

В институте осталось всего шесть десятков студентов и около двух десятков профессоров и преподавателей. Среди преподавателей и студентов не было ни одного члена партии, ни одного комсомольца. Все они находились в тяжелых материальных условиях. Жизнь в городе после ран, нанесенных гражданской войной, еще не наладилась. Совсем неудивительно поэтому, что студенты не получали стипендии, на научные работники более полгода не имели ни зарплат, ни пайков.

Многие профессора были старые, сохранившиеся от дореволюционного института. Кроме уже упоминавшихся Павла Васильевича, читавшего и теперь философские дисциплины, и Ивана Ивановича, переклочившегося с римской поэзии на немецкий язык, особо выделялись маститый профессор Владимир Иванович Резанов, по-прежнему читавший русскую литературу, замечательный педагог Владимир Александрович Заболотский, профессор истории Георгий Андреевич Максимович, предприимчивый организатор разных экскурсий и развлечений, но не всегда удовлетворявший студентов своими лекциями профессор Александр Сергеевич Грузинский, совсем уже сторбившийся Алексей Иванович Покровский, читавший всеобщую историю. Из новых выделялся биолог Петр Александрович Бельский. Появились, совсем необычные для прежнего историко-филологического института математики, физики, химики, ботаники, зоологи, готовившие учителей по этим специальностям. Несколько изменила свое лицо, в связи с этим, и библиотека, пострадала, в стати сказать, мало. Зато кабинеты, лаборатории были совсем разрушены. Раньше уютная столовая превратилась в какой-то сплошной коридор без окон и дверей, по которому свободно гулял ветер, наносивший в снежные дни целые горы снега. Лекции читались только для маленьких групп на квартирах профессоров. Об окончании занятий извещал не обычный звонок, а стук палкой в пол, если студенты должны были переходить со второго этажа в первый, или в потолок, если они должны были подниматься на второй этаж.

Такая обстановка гнетуще действовала как на студентов, так и на научных работников. Ко всему этому кто-то распускал слухи, что в центре думают совсем закрыть институт в связи с чрезвычайными большими трудностями его восстановления.

Закрывать сто лет существующий институт, где учился Николай Васильевич Гоголь, институт, выпустивший из своих стен немало академиков, профессоров, тысячи учителей, не так-то было легко.

Совершенно понятно, что и студенты, и научные работники, находившиеся в таком положении, обрадовались моему появлению.

Раз, мол, прислали политкомиссара, институт не закрывается, в нем должны быть восстановлены все здания, созданы учебные кабинеты, лаборатории, расширен студенческий контингент. Одним словом, институт должен зажить полнокровной жизнью.

Все его работники понимали, какую огромную ответственность несут они за порученное партией и правительством дело, а поэтому начали строить планы восстановительных работ с таким расчетом, чтобы не пропала даром ни одна минута.

Часто после трудового дня мы с Федором Емельяновичем просиживали ночи за расчетами, подсчетами, а иногда просто беседами, чтобы на следующий день с утра приступать к конкретной работе. Часто просиживали мы вечера в институтской канцелярии с ректором, его заместителем, Федором Емельяновичем и студенческими активистами за обсуждением планов наших работ и изысканием возможностей их выполнения. В эти вечера они рассказывали мне обо всех перипетиях, которые пришлось им пережить до установления Советской власти. Кто жил в те годы на Украине, тот знает, сколько переменялось там властей, начиная от Центральной рады и гетмана и кончая разными «батьками», атаманами и просто мелкими проходимцами. Не могло это не отражаться и на жизни высшей школы. Нежинский институт то замирал, то снова понемногу начинал жить, то совсем прекращались занятия, то проводились они от случая к случаю. Было время, когда институт превращен был петлюровцами в их штаб, а отдельные аудитории и кабинеты в места расстрела честных труженников, которые или осмеливались говорить правду в глаза, или подозревались в несочувствии идее самостийности, или просто не нравились кому-либо из тогдашних заправил. Подвалы старейшего в стране высшего учебного заведения были залиты кровью, их стены и стены многих аудиторий до сих пор сохранили следы пузь. В аудиториях происходили пьяные оргии, насилия над женщинами. Оставшиеся в усадьбе несколько институтских работников со страхом смотрели из своих нор на все происходящее, боясь показаться на глаза кому-либо из петлюровских солдат.

Они не могли забыть зверской расправы с одним из научных работников института, Петром Александровичем Заболотским, который был взят в ту зиму петлюровцами ночью прямо с квартиры и зверски растерзан за городом в поле. Лишь по весне, когда растаял снег, нашли его изуродованный труп.

А сколько раз за это время преобразовывался институт! То он был высшим педагогическим институтом, то педагогическими курсами, то институтом теоретических знаний, называвшимся студентами «Институт терзаний». Только с приходом Советской власти он

приобрел совершенно определенную физиономию высшего педагогического учебного заведения, имеющего задачу готовить учителей для массовой советской школы. Он получил название института народного образования и имел в своем составе два факультета: профессионального образования и социального воспитания. Первый должен был готовить предметников для старших классов, а второй — учителей средних классов, ведущих или все дисциплины, или группы родственных. Факультет социального воспитания многим был еще непонятен. Профбобовцы и значительная часть старых профессоров смотрели на него свысока, считали занятия на соцвосе детской забавой. Кое-кто из профессоров и студентов даже враждебно был настроен по отношению к этому факультету и ко всему, как говорили, «соцвосовскому». Но это были люди, которых слишком тянуло еще прошлое. Они старались даже активно противодействовать новому. Их пришлось перевоспитывать, а с отдельными вести серьезную борьбу. В результате часть из них ушла из института, часть совершенно добровольно восприняла новое и стала потом прекрасно работать. Такую структуру института я застал. В основном она сохранялась в Наркомпросовской системе долгое время. Внутри, правда, часто многое менялось, но то ведь был период исканий. Много было ошибок в тех исканиях, но немало было и хорошего. И наши разговоры тоже сводились к различным предложениям, пожеланиям, указаниям. Иногда была в них и фантазия, но то была хорошая фантазия, направленная на дальнейшее укрепление и совершенствование существующего педагогического учебного заведения. Во всем этом чувствовалось искреннее желание помочь как можно скорее наладить дело. Во всем этом чувствовалась радость не желающего умирать вуза.

Председатель Нежинского Исполкома Иван Михайлович Чаговец вскоре снарядил пятьдесят подвод в порядке трудгужловинности для вывоза строительных материалов из разрушенных помещичьих усадеб. Студенты наперебой заявляли о своем желании включиться в рабочие бригады по разборке и доставке в институт материалов. Но все тот же Федор Емельянович, который уже считал себя бригадиром, хотя его никто и не назначал им, заявил, что на первых порах ему достаточно пятнадцати человек. Да, его никто не назначал, но он чувствовал, что вряд ли кто станет оспаривать у него эту почетную роль. Он уже на собрании составлял маршрут поездки, прикидывал приблизительно, где что можно найти, давал всякие советы членам своей бригады. На том же собрании организовались и отдельные строительные группы, планировавшие помощь строительным рабочим, когда начнется стройка. Не только студенты входили в эти группы. Туда входили и служащие института. Обсуждали на этом собрании вопрос и об учебных занятиях.

Перспектива восстановления материальной базы при участии институтского коллектива поднимала настроение, заставляла еще больше думать об учебе, планировать сочетание учебы с физическим трудом.

Со следующего после этого собрания дня учеба определенно пошла веселей. Как-то энергичней перебегали студенты с квартиры одного профессора на квартиру другого, боясь опоздать хотя бы на минуту. Энергичней постукивал после лекции Павел Васильевич

в полт своей комнаты, давая знать живущему внизу коллеге, что занятия окончены и студенты направляются к нему. Тот их быстро принимал и приступал к чтению очередного раздела курса, не тратя напрасно ни одной минуты. Даже в главном учебном корпусе среди развалин выделили две комнаты для занятий, наспех привели их в относительный порядок и начали там чтение лекций. Правда, в этих комнатах, вместо окон, были куски фанеры или ржавого железа, на полу часто бывал снег. Немного обогрелись они «буржуйкою», но температура нередко доходила до 0°. Сидений, конечно, не было никаких. Размещались на полу.

И вот в таких условиях, в полуразрушенных аудиториях, бегая с квартиры на квартиру профессоров, сидя на полу, учились и учили. Но все это не сломило бодрости наших студентов. Они весело смотрели в будущее, потому что за каждым из них стоял крепкий коллектив. Они знали, что такое положение вполне обеспечивает им завтрашний день.

Обещанные Чаговцем пятьдесят подвод скоро собрались на институтском дворе. И вот настала та торжественная минута, когда весь отряд под руководством Федора Емельяновича двинулся в поход. Уходившие даже прокричали «ура», а оставшиеся выкрикивали им вслед самые разнообразие пожелания. Уходившие гордились, что на их долю выпала честь быть первыми в восстановлении своего родного института. В общем институт бурлил, заживши более полноценной жизнью.

Через пять дней прибыли первые три подводы с материалом.

Это, помню, было ночью, часа в два. Я сидел дома и занимался. В дверь моей квартиры кто-то осторожно постучал. Я открыл и увидел перед собой запущенного снегом Федора Емельяновича. На дворе была метель.

— Привезли.

Больше он ничего не сказал.

Я понял, что ему сейчас не до разговоров. Он хотел, чтобы я своими глазами осмотрел доставленное.

Через несколько минут мы были около подвод.

Сопровождавшие их два студента оказались более разговорчивыми. Они стали подробно рассказывать о своем путешествии, пока Федор Емельянович давал команду водителям подъезжать к сараям. Одна подвода была нагружена железом, две других оконными рамами со стеклами. И только когда все сгрузили, водички были отпущены домой, а студенты отправились в общежитие. Федор Емельянович стал излагать мне все детали своей поездки. Мы зашли в крохотный флигелек, недалеко от институтской бани, в котором он помещался со своей семьей, и просидели там больше часа. Надо еще и еще ехать, чтобы полностью использовать предоставленную институту возможность запастись материалом для предстоящей весной стройки. К середине дня подводы прибыли и разгрузились. Все работники во главе с ректором, все студенты внимательно осматривали наши трофеи. Даже профбровцы проявили интерес, несмотря на то, что они заканчивали в этом году институт. Вместе с ними заканчивал свое существование и факпрофобр. Его студенты почти все годы учились в совершенно ненормальных условиях в связи с частыми сменами «властей» и разрухой. Только последний год в органи-

зовавшемся советском вузе их занятия проходили более или менее нормально. Вот почему они не были похожи ни на студентов дореволюционного историко-филологического института, ни на студентов нового времени. Не все, с чем им приходилось сейчас сталкиваться, они понимали. Не все, но... нельзя сказать, что живительное дыхание Великой Октябрьской социалистической революции не коснулось их. В результате многие из этих студентов после окончания института по-настоящему вошли в советскую жизнь и стали очень ценными работниками, в различных областях социалистического строительства. Лишь некоторые ушли в сторону и даже скатились до враждебных выступлений против Советской власти. К счастью, таких были единицы. Большинство, повторяю, оказалось честными, преданными своей Родине и пароду людьми. Они любили и свой институт, и поэтому всякие признаки его возрождения трогали их до слез. Они готовы были трудиться день и ночь, чтобы внести и свою лепту в общее дело и тем ускорить достижение поставленной цели. Даже когда один из студентов «себе на уме» позволил насмеяться над таким подъемом настроения у студентов и своим якобы невинным скепсисом попытался охладить их, он получил такую отповедь, после которой у него сразу отпала охота вредить общему делу.

Студенты факультета социального воспитания — люди менее связанные с прошлым. Это молодой, начинающий только жить факультет. Набран он был уже в советское время, причем набран в основном из людей, вступивших в революцию пятнадцати-шестнадцатилетними подростками. У них было меньше старых традиций, больше восприимчивости к новому. Они успели уже полюбить свой институт и свою будущую профессию. Да и сами преподаватели на этом факультете отличались от преподающих на «факпрофобре». Здесь было много совсем новых людей, только что пришедших в вуз читать совсем новые дисциплины.

Старая профессура длительное время считала, что наука сосредоточена лишь на факпрофобре. Так ориентировала она и студентов. Это было одной из причин несколько пренебрежительного отношения их к факультету социального воспитания.

Другой причиной такого отношения было и указанное различие преподавательского состава этих двух факультетов. На факпрофобре было много маститой профессуры, на факсоцвесе большинство — рядовые преподаватели, правда, с некоторым стажем и опытом педагогической работы. На факпрофобре чувствовалось во всем некоторая медлительность, осторожность, на факсоцвесе — смелость, некоторый риск в работе, постоянное кипение.

Впоследствии некоторые работники факсоцвеса, большие энтузиасты, незаметно для себя и для других вовлекли в новое дело и отдельных стариков. Нельзя забыть, что один из старейших профессоров института Владимир Иванович Резанов, заинтересовавшись вопросами детского коммунистического движения, разработал и читал на «факсоцвесе» специальный по этому вопросу курс. И всегда он отзывался о соцвосовцах хорошо. Мне пришлось ряд лет читать на этом факультете социально-экономические дисциплины и курс социального воспитания. Так назывался тогда один из ответственных курсов педагогики. Такая тесная связь со студентами этого факультета дала мне возможность хорошо узнать их, почувствовать их настроения, желания. Они были «подкованы», может быть, меньше профобровцев, но

зато имели горячие сердца, прекрасный творческий порыв и беспредельную любовь к детям. Я не хочу сказать, что у студентов факпрофобра это отсутствовало в полной мере, но должен отметить, что у них было больше сдержанности и строгой официальности, чем у первых. Многие из этих первых факсоцвосовцев показали себя потом в жизни прекраснейшими педагогами, а некоторые и незаурядными научными работниками. Я встречал кое-кого из них. Они постарели, поселиднели, но и сейчас еще, когда заговариваешь с ними о тех первых днях становления института, они загораются, чувствуются и сейчас их горячие сердца и любовь к тому замечательному героическому прошлому.

За прошедшие три с лишним десятилетия жизнь в своем котле переварила многих. Большинство преподавателей института не осталось в живых, но те, кто еще сохранился, независимо от их принадлежности к профобру или соцвосу, тепло вспоминают те времена.

Так вот сейчас, в момент первых наших заготовок стройматериалов, радовались все. Эта радость была безусловно искренней. Ее не может понять лишь тот, кто таких моментов не переживал.

Во второй половине дня приехал в институт секретарь Укома партии Шелест вместе с председателем Уисполкома Чаговцем. Они очень интересовались всем происходившим у нас.

О. Д. БОЙКО (Ніжин)

ЗДІСНЕННЯ УКРАЇНІЗАЦІЇ НІЖИНСЬКОГО ІНСТИТУТУ НАРОДНОЇ ОСВІТИ (1923—1926 рр.).

Оптимальне вирішення сучасних проблем функціонування української мови вимагає не тільки глибокого і ґрунтовного аналізу сьогодишнього стану справ, а й максимального врахування уроків історичного досвіду. У цьому плані значний інтерес викликають питання, пов'язані з проведенням українізації у 20—30 рр. Історія Ніжинського педагогічного інституту (у той час Інституту народної освіти — ІНО) дає цікавий матеріал для роздумів і аналізу. Цей матеріал зосереджений головним чином у фонді 6121 Ніжинського філіалу державного архіву Чернігівської області (оп. 1, спр. 47, 87, 288, 289).

Перші практичні кроки у напрямку українізації — декрети ВУЦВК УРСР від 27 липня і 1 серпня 1923 р., у яких проголошувалася рівність мов і у зв'язку з цим необхідність надання допомоги в розвитку української мови, щоб піднести її до рівня російської, пробудили активність ніжинських студентів. Вже 30 вересня 1923 р. в інституті було створено студентську комісію по українізації, до складу якої увійшли Борисенко (голова), Одарченко (секретар), Крементуло, Кулініч, Кононенко та ін. Ця комісія розробила приблизний план нагальних дій по розширенню сфери вживання та популяризації української мови (організація українського драматичного гуртка, українського хору, студії української мови, створення кабінету рідної мови та ін.) (спр. 289, арк. 1). Згодом, 8 грудня 1923 р., комісія ухвалила декларацію, у якій була викладена вже більш конкретна програма українізації інституту. Це дивлячись на помітну категоричність формулювань, вона містила чимало конструктивних положень. Так, розуміючи, що українізацію інституту неможливо здійснити без достатнього фонду літератури на українській мові, студенти вима-

гали, щоб 50% коштів, що виділялись на поповнення фондів бібліотеки, йшло на придбання книг, виданих українською мовою (спр. 288, арк. 6).

Цьгну уяву про стан справ і проблем у здійсненні українізації у Ніжинському ІНО дає акт обстеження комісією Робсільінспекції від 6—8 грудня 1924 р. (спр. 87, арк. 2—3). Загальна кількість викладачів 25 чол., викладають українською мовою — 7. На українській мові викладається 11 предметів (політекономія, історія класової боротьби, історія українського народу, семінар марксознавства, педпрактикум, українське письменство та ін.), що становить 35% загальної кількості предметів. 225 студентів знають українську мову. 56 — ні. Для вивчення української мови викладачами і студентами створено 6 гуртків. Із зарахованих у 1924 р. студентів до інституту українську мову знають 100%. 30% газет, що випускається інститутом, — на українській мові, Стінна газета видається російською і українською мовами з перевагою російської. Згодом при учбовій частині інституту було створено консультатійне (дорадче) бюро живої української мови у складі 5 осіб. Воно мало стежити за мовою діловодства і популяризувати українську мову. На початку 1925 р. з 27 викладачів інституту 33% викладали українською мовою, до кінця року мали перейти на викладання українською мовою ще 11% і, судячи з документів, це були реальні цифри. Але надалі керівництво інституту взяло курс на форсовану українізацію з тим, щоб на початок 1926—27 н. р. інститут «було українізовано на 100% (спр. 288, арк. 22).

На жаль, у здійсненні українізації у 20—30 рр. траплялися як у центрі, так і на місцях помилки, недоліки і перегини. Так, у зверненні народного комісаріату освіти УРСР (серпень 1925 р.) висувалась вимога: «студентів, що не вміють читати, писати та говорити українською мовою, забороняється переводити на старші курси» (спр. 87, арк. 11). Члени студентської комісії по українізації Ніжинського ІНО вимагали від ректора гурток читців українізувати «в адміністративному порядку» (спр. 47, арк. 4 зв.). Однак, незважаючи на це, слід констатувати, що українізація підготувала основу для дальшого розвитку української мови і її досвід сьогодні слід вивчати і використовувати.

В. В. ТІАЧЕНКО (Чернівці)

КРАЄЗНАВЧА ДІЯЛЬНІСТЬ НІЖИНСЬКОЇ НАУКОВО-ДОСЛІДНОЇ КАФЕДРИ ІСТОРІЇ КУЛЬТУРИ Й МОВИ У 20-х рр.

Ніжинська науково-дослідна кафедра історії культури і мови офіційно затверджена в лютому 1922 року при Ніжинському інституті народної освіти. Вона складалась з трьох секцій: історія української і російської мови та письменства; українська і російська та антична культура. Відповідно до цієї структури науково-дослідна робота велася в таких напрямках: соціологія (професор П. В. Тихомиров), економічна історія та господарський побут України (професор Г. А. Максимович), археологія Переясловської та Північної землі (професор В. Г. Ляскоронський) та інші.

Питання історії досліджувались переважно в секції російської і української історії і стосувалися соціально-економічної історії Ук-

раїни XVIII ст. (професор Г. А. Максимович з аспірантами) та історії Чернігівщини (професор М. М. Бережков). Кафедра історії культури та мови брала активну участь в науково-педагогічній та громадській роботі Ніжинського ІНО. З ініціативи її співробітників було організовано лекторій української історії та семінари вищого типу для підготовки кандидатів у майбутні аспіранти. Професор О. І. Покровський викладав у Ніжинському інституті народної освіти курс історії соціалістичних вчень, А. Г. Ершов керував історико-архівним гуртком, В. А. Фесенко читав лекції з історії України на курсах Українізації в Ніжині.

Ще більш широкого розмаху набула діяльність кафедри в 1925 році. А. Г. Ершов займався майже не розробленою темою про цехи на Лівобережній Україні в XVII—XVIII ст., М. М. Бережков працював над узагальнюючим нарисом про становище України в II половині XVII ст.

Наприкінці 20-х років секцію української та російської історії Ніжинської кафедри очолював відомий український історик М. П. Петровський, який написав відому працю, присвячену аналізу Літопису Самовидця, що не втратила своєї наукової цінності і в наш час.

В 1929 році — 1930 році особлива увага в роботі секції української і російської історії зверталась на дослідження революційних рухів, джерелознавство. В списках праць науковців секції зустрічаємо: «Українські діячі XVII ст.», «До біографії Івана Богуна», «Історія революційного руху Донбасу», «Молодь і студентство м. Ніжина в революції 1905 р.» та інші.

Секція історії античної культури досліджувала соціальну і культурну історію античного світу, загальну історію релігій. Праці співробітників кафедри друкувались в «Бюллетене Нежинской научно-исследовательской кафедры» і в «Записках Ніжинського інституту народної освіти».

А. Б. КОВАЛЕНКО (Чернигов)

М. Н. БЕРЕЖКОВ — ИСТОРИК И КРАЕВЕД.

Среди историков, чья жизнь и научно-педагогическая деятельность была тесно связана с Нежинской высшей школой, видное место принадлежит М. Н. Бережкову. Типичный представитель разночинной интеллигенции, выходец из российской глубинки, он сумел закончить духовное училище, семинарию, а затем получить университетское образование. Осенью 1882 г. 32-летний магистр русской истории М. Н. Бережков был утверждён в должности профессора Нежинского историко-филологического института и вплоть до выхода на пенсию в 1904 г. преподавал здесь отечественную историю и историографию, а впоследствии заведовал институтской библиотекой. М. Н. Бережков был одним из основателей и руководителей Нежинского историко-филологического общества, сыгравшего значительную роль в историко-филологическом движении на Черниговщине в до-революционный период.

Коллеги и студенты высоко ценили эрудицию М. Н. Бережкова, но между собой называли его «анахоретом». Действительно, одинокий профессор не только обладал «иконописной внешностью», но вел весьма уединенный образ жизни, был глубоко религиозен и подчеркнуто сторонился всякой «политики». «Профессор русской

истории,— считал М. Н. Бережков,— имеет право быть «сам по себе»; для него любая из партий не есть вполне подходящая». Не удивительно, что в годы гражданской войны ученый пережил острый мировоззренческий кризис. Победу большевиков он воспринял без энтузиазма, но от сотрудничества с новой властью не уклонялся. Свое кредо М. Н. Бережков сформулировал следующим образом: «Жить и умереть за работой. Хорошо...».

Судьба даровала старому профессору такую возможность. Летом 1922 г. он стал сотрудником Научно-исследовательской кафедры истории культуры и языка при Нежинском институте народного образования, а в 1924—1926 гг даже возглавлял ее историческую секцию. Под руководством М. Н. Бережкова работали молодые ученые и аспиранты, среди которых были известный в 20-е годы историк и источниковед А. Г. Ершов, а также М. П. Петровский, впоследствии крупный ученый, член-корреспондент АН УССР. Одновременно М. Н. Бережков участвовал в деятельности Нежинского научного общества краеведения, созданного в 1925 г.

Научное наследие М. П. Бережкова принадлежало к буржуазно-либеральному направлению в отечественной историографии конца XIX — начала XX в. Специалист по русскому средневековью, он после переезда в Нежин обратился к изучению истории Украины и, прежде всего, Черниговщины. На страницах «Известий» Нежинского историко-филологического института и «Сборника» Нежинского историко-филологического общества М. Н. Бережков опубликовал ряд документов из местных архивов, малоизвестные описания Нежина начала XIX в., исследование о нежинских преданиях, связанных с вторжением шведской армии во главе с Карлом XII на Украину в годы Северной войны. Внимание ученого привлекала историческая топография Нежина. В его архиве сохранился неопубликованный план старинных укреплений города. Это позволило М. Н. Бережкову, в частности, локализовать на карте Нежина события, происходившие здесь во время Черной рады 1663 г. Одним из первых М. П. Бережков приступил к изучению путей развития исторического краеведения на Черниговщине. Его перу принадлежат исследования о местных историках конца XVIII — начала XIX вв. А. Ф. Шафонском и М. Е. Маркове.

Несмотря на объективно обусловленную ограниченность исторических воззрений М. Н. Бережкова, многие его труды выдержали испытание временем и представляют значительный интерес для современных историков и краеведов.

Л. О. САХНЕНКО (Нежин)

М. Ф. ДАДЕНКОВ — ВИПУСКНИК НИЖИНСЬКОГО ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ.

Відаючи палегне по увіковіченню імен видатних вчених — вихованців Ніжинської Гімназії вищих наук, ліцею, історико-філологічного Інституту, педагогічного інституту, високо оцінюючи труд авторів опублікованих різноманітних матеріалів слід все ж відмітити, що не всі діячі нашої культури та освіти стали предметом глибоких та всебічних досліджень і публікацій.

До них можна віднести ім'я видатного українського педагога, вченого М. Ф. Даденкова.

Микола Федорович Даденков (1885—1955) — визначний український радянський педагог, професор. Народився у Вятці (тепер м. Кіров) у сім'ї землеміра, з селян. Закінчив місцеву гімназію, а в 1910 — Ніжинський історико-філологічний інститут. Будучи студентом, написав першу наукову працю «Иван Петрович Пнин. Опыт его биографии и обзор литературной деятельности».

Педагогічна діяльність проходила в учительських семінаріях, гімназіях, на курсах для вчителів, у Київському Фребелівському інституті.

Після Великої Жовтневої революції М. Ф. Даденков включається в радянське освітнє будівництво, викладає у вищих педагогічних закладах (Київ, Дніпропетровськ), стає професором, а в 1928 — 1941 роках працює в Ніжинському педагогічному, завідує кафедрою педагогіки.

Уже в цей час він стає одним з провідних працівників педагогічних вузів України, активним борцем за торжество ленінських ідей на ниві освіти. Одночасно з лекційною веде наукову роботу, стає співавтором першого радянського підручника з педагогіки (1940), автором роботи «З історії Ніжинського державного педагогічного інституту ім. М. В. Гоголя» та ряду інших робіт.

У роки Великої Вітчизняної війни перебував в евакуації. Потім працював у Києві — в інституті педагогіки та педагогічному інституті ім. О. М. Горького. Тимчасово (1944 р.) завідував кафедрою педагогіки в Ніжинському педінституті. Помер у Києві, де й похований.

У післявоєнні роки основною темою його досліджень було становлення і розвиток радянської народної освіти, виховання радянської людини.

Свій вклад вносить він і в розробку теоретичних основ радянської педагогіки, питань дидактики та виховання.

Ряд своїх досліджень присвячує класикам вітчизняної та зарубіжної педагогіки, видатним радянським педагогам Н. К. Крупській, А. С. Макаренку, К. Д. Ушинському, Л. Н. Толстому, Я. А. Коменському.

Велика заслуга М. Ф. Даденкова і у вивченні становлення школи на Україні в XIII—XVI ст. Радянський уряд високо оцінив заслуги професора М. Ф. Даденкова, нагородивши його орденом Трудового Червоного Прапора і медалями.

П. О. СЕРДЮК (Ніжин)

ПОЕЗІЄЮ ЗАЧАРОВАНІ

(З життя літстудії інституту)

Літературна студія нашого орденоносного педагогічного, мабуть, одна з найстаріших. Корені її починаються ще відтоді, як в аудиторіях білоколонного красеня ніжинської Гімназії вищих наук (пізніше — лицей, інститут) народжувалася перша творча задума Миколи Гоголя, Євгена Гребінки, Леоніда Глібова, Францішека Богушевича — славнозвісних класиків трьох братніх літератур. В історію нашого вузу і студії вони ввійшли як навічно молоді фундатори ніжинської творчої когорти, до якої також належать Віктор Забіла, Олек-

сандр Афанасьєв-Чужбинський, Микола Гербель, широкий ряд відомих діячів науки і культури (студентів дожовтневої пори).

У радянський час прогресивні традиції попередників продовжуються. Суворими фронтовими й партизанськими дорогами пройшли відомі українські письменники, колишні студійці нашого інституту Юрій Збанацький, Олекса Юценко, Петро Клименко, Борис Левін, Анатолій Дрофань. У довоєнні ніжинські світанки й вечори починалася творчість Петра Артеменка, мужнього лубенського підпільника, що загинув у боротьбі проти фашизму, але назавжди залишився молодим поетом, посмертно прийнятим до Спілки письменників СРСР. Полтавський обком комсомолу встановив щорічну літературну премію імені П. Артеменка.

Після війни з ніжинської літстудії вийшли ніжночутливі до краси художнього слова поети і прозаїки Леонід Горlach, Євген Гуцало, Володимир Мордань, Петро Пулінець, Віктор Костюченко, Анатолій Давидов, Віталій Пригоровський, які нині працюють в літературі, журналістиці, видавничій справі.

Не без гордощів називає студія відомі імена «своїх» лауреатів. Перший серед них Ю. О. Збанацький, удостоєний Республіканської премії ім. М. Островського за роман «Малиновий дзвін» (1959), Державної премії УРСР ім. Т. Г. Шевченка за роман «Хвилі» (1970) та премії ім. Лесі Українки за твори для дітей (1975). Із повоєнної плеяди літстудійців — Є. П. Гуцало, лауреат премії ім. Ю. Яновського (1982) та Державної премії УРСР ім. Т. Г. Шевченка (1985); Л. П. Горlach — Республіканської комсомольської премії ім. М. Островського (1984); А. І. Давидов — премії ім. Лесі Українки (1987).

А водночас, при всій поважності творчих літ і надбань, ми пони — студія наймолодших. Такими залишимося і в дні прийдешні, бо, як усякий студентський колектив, існуємо за законами нев'яучої молодості. Щиру правду сказав колись літстудієць Михайло Москаленко в задумливо-теплому й ледь сумовитому вірші-посвяті «Інституту»:

Білий лебедю мій!.. Вже буланні копитами дзвонить,
Я від тебе у вирій беру і науку й тепло.
Перед світлим обличчям зелені схилилися крони,
І дванадцять колон твоє мудре леліють чоло.
Котрий раз у думках поспішатиму знову і знову —
Чи скрипучий мороз, чи весни голубинь запашна —
В альма-матер свою на відверту і щиру розмову,
Де господарем стала вчорашня (ой час!) дітлашня...

Тут, у сивих і юних аудиторіях гоголівського лебедя-вузу, набувають ліричні новобранці (себто «вчорашня дітлашня») певного творчого досвіду. Хоч нелегка то праця — укласти невгамовну думку й почуття в добірне художнє слово. Тож не вдаватимемося до ілюзій, далеко не одразу й не всі оволодіють «секретами» поетичного слова. Потрібна ще буде подальша самостійна, велика й напружена робота думки наочинці з чистим аркушем і чистим сумлінням. Тільки так приходить успіх.

Приємно відзначити, що за останнє двадцятиліття зі студії вийшла нова плеяда молодих поетів і прозаїків. Четверо з них — Тарісія Шаповаленко, Любов Пономаренко, Анатолій Мойсієнко, Микола

Луговик — уже прийняті до Спілки письменників СРСР. Авторами одної, двох чи й кількох книг стали також Олександр Петькун, Володимир Сапон, Василь Струтинський, Анатолій Шкуліпа, Іван Присяник, Володимир Сенцовський, Олександр Семененко. З оригінальними публікаціями «Кирилатої азбуки» та дотепних пародій виступив Василь Нікітін.

Із творчого духу літстудії виростили й молоді критики, нині досвідчені науковці, завідуючі літературознавчих кафедр доцент О. Г. Ковальчук і доцент П. В. Михед, наймолодша з кандидатів філологічних наук О. М. Охріменко та молоді викладачі О. Є. Гадзінський, Г. А. Киричок, Ю. М. Хоменко. На кафедрі української літератури працює молодий поет і перекладач Олександр Астаф'єв. Йому самою долею судилося повести далі прийдешні легіони ніжинських літстудійців, поезією зачарованих.

**ПИСЬМЕННИКИ-ВИПУСКНИКИ
НІЖИНСЬКОЇ ВИЩОЇ ШКОЛИ ТА ЇХ ТВОРЧІСТЬ**

М. В. ГОГОЛЬ

М. В. КУКОЛЬНИК

Є. П. ГРЕБІНКА

В. М. ЗАБІЛА

Я. П. де БАЛЬМЕН

О. С. АФАНАСЬЄВ-ЧУЖБИНСЬКИЙ

Л. І. ГЛІБОВ

Ф. К. БОГУШЕВИЧ

М. В. ГЕРБЕЛЬ

М. П. САЙКО

Ю. О. ЗБАНАЦЬКИЙ

Є. ГУЦАЛО

Т. ШАПОВАЛЕНКО

ИЗВЕЩАНИЕ ОБ ИСПЫТАНИИ
ПРОЦЕДУРЫ РАБОТЫ ТА ТЕПЛОТРА

И. В. КОЛОДИЦКИЙ
И. В. КОЛОДИЦКИЙ
С. П. КОЛОДИЦКИЙ
В. М. ЗАБАВА
А. П. ЗАБАВА
О. С. АФАНАСОВ
Д. П. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ
В. В. КОЛОДИЦКИЙ

П. В. МИХЕД (Нежин)

ПИСАТЕЛИ НЕЖИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ В СУЖДЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Идея существования в истории русской литературы нежинской литературной школы как особого эстетического явления, заявленная мной на одной из конференций¹, нуждается в новых дополнительных аргументах.

И цель настоящего доклада — анализ во всем объеме высказываний, суждений и оценок В. Г. Белинского о писателях нежинской литературной школы. Сфокусированные в одной личности, пусть и переживавшей крутые выражи в своих эстетических пристрастиях, эти суждения критика дают любопытные свидетельства перекличек или же прямых совпадений в характеристиках художественных сторон произведений писателей школы. Наличие указанных перекличек и совпадений позволяет тем самым представить аргументы в пользу идеи школы.

Правда, при этом нельзя не отметить, касаясь самой методики доказательств, что аргументация носит косвенный характер, так как в центре внимания не сам объект (художественное наследие представителей школы), а **отражение** его в критическом творчестве современника школы. При всех изъянах подобной методики нельзя отрицать ей и в корректности и даже продуктивности, поскольку цель анализа — поиск единства, которое реализуется через личность критика, носителя единого критерия оценок и суждений и придает отражению цельный характер.

Надо отметить, что и представителям школы В. Г. Белинский проявлял, понятно, разный интерес. Одним из них посвящено много статей, как например Гоголю, чье творчество стало главным предметом критических исследований В. Г. Белинского, другим (Билевичу, например) несколько строк, но и эти подчас беглые суждения достаточно красноречивы в аспекте нашей темы.

Анализ всего объема высказываний позволяет выделить прежде всего акцент критика на внимание писателей школы к реальному содержанию, а также умению воссоздать нравы и быт как в исторических повествованиях, так и в произведениях о современной жизни. Именно это качество позволило критику сделать обобщение по отношению ко всей литературе, сказав, что украинские литераторы и поэты «пишут всегда из простого быта». И здесь нет преувеличения, если учесть глубокую разработку этнологических жанров в укра-

¹) Наследие Н. В. Гоголя и современность. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24-26 мая 1988 года). Нежин, 1988, ч. 1-я, с. 11.

инской литературе, что объясняет наличие этого качества в произведениях писателей школы, с их стремлением к «поэтической верности», точности детали и подробности.

Важной особенностью произведений писателей школы является демократизм языка с его, с одной стороны, несколько неожиданным «странным» (Белинский) для русского слуха свойством и тяготением к остроумию, игре, лукавству и комике. Эта особенность языка отмечена во многих отзывах критика: кроме Гоголя, в статьях и рецензиях на произведения Гребинки, Билевича, Кукольника.

Комизм и остроумие, связанные истоками с поэтикой украинского народного барокко отмечены критиком на различных уровнях в творчестве писателей школы — от стилистических фигур до структурообразующих жанровых доминант в «переделанных в драматическую форму анекдота» произведениях Кукольника.

И наконец, еще одна черта, проистекающая из национальных особенностей украинского художественного сознания — сентиментально-мелодраматическая тональность повествования, которая вызывает у критики неоднозначную оценку.

В докладе подан сравнительный анализ ряда суждений В. Г. Белинского, позволяющий привести дополнительные аргументы косвенного характера, позволяющие реализовать главную идею, сформулированную в начале этих тезисов.

В. Ш. КРИВОНОС (Елец).

ГОГОЛЬ И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В творчестве Гоголя открываются глубинные связи с древнерусской культурой. Подобно древнерусским книжникам, писатель говорил о единстве красоты, искусства и мудрости. В художнике он видел мудреца, от которого не может укрыться онтологическая сущность явлений видимого мира. Отсюда природа гоголевских образов, построенных по принципу сложного взаимодействия явного и скрытого аспектов, «видимости» и «существа». Отрицательное в образе рассматривается Гоголем как паносное, не отвечающее глубинной сути изображаемого характера. Комическое искусство Гоголя (изображение человека, авторская оценка героя и т. д.) развивает принципиальную для древнерусской культуры традицию отношения к человеку как к «падшему», не исключаящую милосердия и любви. Гоголь не оправдывает нарушения его грешными героями нравственных законов, но и не испытывает к ним ненависти.

Духовное преображение человека Гоголь интерпретировал как просветление. Вообще световая символика (световая «мистика»), органичная для древнерусской эстетики, существенна и для нравственно-эстетических представлений Гоголя, стремившегося «просветить» человека, высветлить его до «дна души». Примечательно определение Гоголем своего смеха как «светлого», направленного на концепцию духовной энергии. Отсюда важность самоосмеяния, с помощью которого человек может избавиться от своих недостатков и духовно возвыситься.

В 40-е годы особенно значимыми становятся для Гоголя традиции «нестяжателей» (Нила Сорского и его последователей). Писатель призывает человека к «строительству» самого себя. Духовной пагоде

он противопоставляет духовную красоту, путь к которой лежит через «духовное делание». На первый план выходят теперь у Гоголя мотивы аскезы и подвижничества; его «поучения» отличаются (особенно в «Выбранных местах») риторизмом и неуступчивостью, стремлением «принудить» человека подчинить свою жизнь духовным абсолютам. Такую же неуступчивость Гоголь обнаруживает и в отношении к самому себе. Условием успешной работы над вторым томом «Мертвых душ» становится необходимость «построения» собственной писательской личности. Гоголь, подобно древнерусскому книжнику, самоуничжается как писатель, принижает значение своих прежних произведений. Все надежды в творческом акте он возлагает на благодатную помощь свыше, стремясь неустанной молитвой в процессе творчества заслужить вдохновение. Неудачи в работе над вторым томом «Мертвых душ» потому так трагически оцениваются Гоголем, что он, по его представлению, лишился божественной помощи и не сумел заслужить ее, на него не снизошла божественная благодать — и он не выполнил данное ему как художнику «поручение».

Не только творческое, но и бытовое поведение Гоголя (его странничество, своеобразное «юродство» и др.) указывает на существенное для писателя значение культурных традиций Древней Руси. До конца дней работал Гоголь над «Размышлениями о божественной литургии», уменьшившись до роли книжника, собирающего из святоотеческой литературы «мед» духовной мудрости. Выработанный древнерусской культурой идеал духовного преображения никогда не утрачивал для Гоголя свою абсолютную ценность, всегда служил непреложным духовным ориентиром.

Н. М. ЖАРКЕВИЧ (Нежин)

«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 50—70-х ГОДОВ

На протяжении более чем полувековой истории своего существования «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя не раз привлекали внимание русской критики. Однако на различных этапах общественно-политического и культурного существования они получали различное истолкование и оценку.

Нам уже приходилось писать о том осмыслении, которое получили ранние повести Н. В. Гоголя в русской критике 30—40 годов (См. «Радянське літературознавство», 1988, № 5, «Вопросы русской литературы», 1987, № 2). Не менее интересно складывалось эстетическое бытие первого гоголевского цикла и в дальнейшем.

С исключительной силой интерес к «Вечерам» оживляется в начале 50-х гг. в связи с жаркой полемикой о так называемом пушкинском и гоголевском направлении в литературе, поводом для которой, как известно, послужили посмертное издание собрания сочинений писателя, а также публикация сохранившихся отрывков из второго тома «Мертвых душ» и «Авторской исповеди». Именно в эти годы усиливается стремление реакционной критики (А. Писемский), наметившееся еще в предшествующий период, противоставить «Вечера» «Ревизору» и «Мертвым душам». Представители либеральной критики (А. В. Дружинин) пытаются истолковать их в духе

теории «чистого искусства». Диаметрально противоположную точку зрения в этом вопросе революционеры-демократы. Так, Н. Г. Чернышевский, в частности, утверждал, что в «Ревизоре» и «Мертвых душах» нет ничего такого, чего не было еще в «Вечерах», и склонен их считать произведениями «гениальными», «колоссальными» («Очерки гоголевского периода»).

В 50-е гг. Н. Г. Чернышевский, а затем и Н. А. Добролюбов, наследуя и углубляя ведущие идеи критической деятельности В. Г. Белинского, во многом повторили то, что было сказано о «Вечерах» их идейным предшественником. Подобно Белинскому, они определяли место и значение ранних гоголевских повестей тем, что последние открывали собою новую страницу русской прозы. Однако, разделяя идеи Белинского о реализме и демократическом пафосе «Вечеров», они вместе с тем по-иному истолковывали их народность (Н. А. Добролюбов. «О степени участия народности в развитии русской литературы»).

В середине, в конце 50-х гг. в связи с подготовкой крестьянской реформы особую актуальность приобретает вопрос о произведениях их идейным предшественником. Подобно Белинскому, они определяют волну интереса к «Вечерам». Причем теперь представители либеральной критики (П. Анненков) пытаются канонизировать в литературе изображение народа в духе ранних гоголевских повестей. Революционные демократы и Герцен, по-прежнему высоко оценивая эти повести, тем не менее считают такой подход к изображению народной жизни уже недостаточным. В условиях назревания крестьянской революции нельзя было ограничиться констатацией того, что «в народе есть что-то хорошее». Слывший большинства произведений о жизни народа, появившись в конце 50-х годов, по мнению Чернышевского, обусловлена стремлением их авторов подражать Гоголю или Григоровичу. В этом плане как подлинное знамение времени критик воспринимает и оценивает творчество Н. Успенского.

В 60-е гг. в силу объективных причин в русской журналистике оживляются реакционные настроения. В этот период повести «Вечеров» не получают новой, сколько-нибудь оригинальной интерпретации. Наиболее полную и развернутую оценку они получают в статье В. Водовоза «Новая русская литература» (1866). Однако она в основном повторяет важнейшие положения революционно-демократической критики. Мало нового в идейно-художественное осмысление «Вечеров» внесла и этнографическая полемика между П. Кулишом и М. Максимовичем.

Положение меняется в 70-е гг., когда в русской литературоведческой науке начинает формироваться культурно-историческая школа, наиболее ярко представленная трудами А. Н. Пыпина. Испытав активное воздействие революционно-демократической идеологии, ученый вместе с тем выработал своеобразную народоведческую, народообщественную теорию. Именно эта теория и определила его оценку гоголевских «Вечеров» как произведения, открывавшего в русской литературе «новое», именно любящее отношение к народу», возбуждавшего «сочувствие и любопытство к живому народному быту» (А. Пыпин. «Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов»). Пройдя, в основном, через все работы исследователя, эта

оценка первых повестей Гоголя обогатится впоследствии еще одним принципом важным суждением, а именно суждением о «малорусском элементе», который внес писатель в русскую литературу.

Все это позволяет, на наш взгляд, говорить о 50—70-х годах как о своеобразном этапе в осмыслении первых повестей Н. В. Гоголя.

В. Г. КОВАЛЕНКО (Нежин)

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Целью данной работы является анализ лексического своеобразия повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» в единстве с ее идейным содержанием, системой художественных образов.

Основным в этом произведении является предметно-бытовой план, поэтому организующими в тексте будут тематически связанные группы слов бытового направления, нейтральные и стилистически окрашенные.

Расширяя лексический состав языка художественных произведений, Н. В. Гоголь продолжил путь демократизации литературного языка, намеченный А. С. Пушкиным.

Нейтральными в тексте являются большинство прилагательных и существительных: голубой, солнечный, пестрый, широкий, песня, степь, чайка; глаголов: говорить, произнести, деталь.

Исследование текста дает возможность выделить различные тематические группы общеупотребительных слов:

1. Слова, обозначающие название одежды, обуви: рубашка, шапка, платок и др. Описывая одержу своих героев, Н. В. Гоголь с помощью этих слов не только создает их внешний вид, но и передает их характер.

2. Большую группу слов составляют названия людей. Сюда входят: а) слова, обозначающие родственные отношения (тесть, отец, мать, зять, падчерица); б) слова, обозначающие людей по роду занятий (гончар, попович, торговка, заседатель, волостной, писарь).

3. Слова, называющие животных: кобыла, овца, гуси, лошади, волы.

4. Слова, обозначающие сельскохозяйственные растения, плоды: просо, пшеница, мак, дыни, арбузы, тыква.

Перечисленные тематические группы лексики являются наименованиями жизненно важных явлений действительности, предметов, встречающихся в повседневных, бытовых ситуациях крестьянской жизни.

Кроме нейтральных лексических единиц автор использует лексику стилистически-окрашенную: книжную и разговорно-просторечную.

К книжным словам в «Сорочинской ярмарке» мы отнесли: употелен, томительно, блещет, нега, сладострастие, умиление, лобызание, благовение, уязвление, внемлет, грезы и др. К этой же группе относим словосочетания типа: огненные очи, лилейные плечи, мрак непробудной ночи, резвые и др. В числе речевых средств, к которым многократно прибегал Н. В. Гоголь, значительное место занимает разговорно-бытовая лексика двух разновидностей: а) разговорно-литературная лексика, объединяющая слова разговорно-бытового

характера, не нарушающие норм литературного употребления и б) просторечная лексика с различными оттенками фамильярности, бранности, презрения.

К первой группе отнесем слова: тащился, брел, мужик, бабье, вытаращить, толкаться, швырнуть.

Вторая группа слов представлена в основном именами существительными, в значении которых происходит семантический сдвиг. Это нейтральные слова, получившие в данном контексте бранно-разговорное или бранно-просторечное значение: дьявол, столетия ведьма, дрянь, антихрист; проклятый, хрыч, дурень, безмозглая бабка, негодный бурлак.

Значительное место в «Сорочинской ярмарке» занимают украинизмы. В этой группе слов можно выделить: а) слова украинского языка, которым в русском языке соответствуют слова другого звукового состава, но с тем же значением: чарки-рюмки, бублики-баранки, батько-отец, дивчина-девушка; б) слова называющие специфические предметы быта украинского народа: макитра, вареники, галушки, узвар, товченики.

Приведенный материал показывает, как широко использует писатель все ресурсы общенародного языка для обогащения языка художественной литературы, способствуя тем самым демократизации русского литературного языка.

А. А. СЛЮСАРЬ (Одесса)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ «ВЕЧЕР НА КАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА» Н. В. ГОГОЛЯ И «ГРОБОВЩИК»

А. С. ПУШКИНА.

«Вечер на кануне Ивана Купала» (1829) и «Гробовщик» (1830) — первые законченные произведения эпической прозы Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. Им свойственна особая краткость. В них главным событием является феноменом создания, не знакомого еще рефлексией. Суть этого события — отчуждение личности и ее попытка восстановить единство с человечеством и собственным «я».

Герои «Вечера...» и «Гробовщика» ощущают неестественность своих отношений с миром, но идут на нравственный компромисс. Показывая, как внутренняя борьба в душе Петра Безбородного, совершившего преступление против собственной воли, приводит к победе в нем его истинной сущности, Гоголь прибегает к повтору; оказавшись год спустя в сходной ситуации герой ведет себя по-другому (эта находка будет затем использована Пушкиным, изобразившим вторичную встречу Евгения с Медным всадником). Возникает тема раздвоения индивидуальности, ее духовной смерти и воскресения, которая станет основной в творчестве Гоголя. Ценой гибели Петро Безродный освобождается от того «поперечивающего чувства», с которым не сможет совладать Хома Брут в «Вие». Пушкинский же гробовщик, испытывая чувство неудовлетворенности, вызванное неестественностью отношений с человечеством, пытается убедить себя и окружающих, что ничем не отличается от них. Истина становится очевидной для него, когда по его зову являются «клиенты». Но встреча с мертвецами произошла во сне, и он спешит забыть о ней

нравственный компромисс позволяет ему сохранить видимость благополучия.

Изображая обстоятельства, искажающие личность, Гоголь и Пушкин «остраивают», их, но делают это по-разному. Действие в «Вечере...» происходит в историко-мифологическом прошлом, когда действительность представляется «текучей»: в ней оказываются зыбкими границы между реальностью и сверхъестественным. Становится возможной встреча героя с дьяволом, принявшим человеческий облик. В «Гробовщике» жизнь кажется вывернутой наизнанку: продаются и сдаются в ней и дома, и гробы. У человека оказывается две сущности: его собственная, естественная, и чужая, навязываемая обществом. Утрачивается граница между бытием и небытием. Человек, прекратив земное бытие, обретает существование в качестве «клиента» гробовщика...

Раскрывая противоречивость отношений между индивидуальностью и человечеством, Гоголь и Пушкин обратились к фантастике. Ее функция заключается в объективировании процесса, происходящего в подсознании. Ожидание смерти богатой купчихи и желание придать своим отношениям с «клиентами» видимость «естественности» находят выражение в сновидении Адриана Прохорова; ощущение же вины перед зарезанным ребенком мучающее Петра Безродного, воплощается в появлении кровавого признака. У Пушкина сверхъестественное мотивируется мифологичностью сознания героя. У Гоголя же это качество проявляется не только герой, а и рассказчик. Минимум фантастики в «Гробовщике» делает особенно очевидной ее параболличность. В «Вечере...» фантастика не только является иносказанием, выражающим мысль о разладе человека с самим собой, но и непосредственно передает противоречивость действительности, в которой цельность и простота уступают место сложности и раздвоенности.

В. Б. МУСИЙ (Одесса)

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ГОГОЛЯ И Н. КУКОЛЬНИКА

В творчестве ряда писателей I пол. XIX в. (А. Пушкина, К. Рылеева, В. Набережного, О. Сомова) проявляется серьезный интерес к Украине, в особенности ее полной драматизации истории, эпизодам национально-освободительной борьбы. Преподаватели и воспитанники Нежинской гимназии высших наук, ставшие писателями, а также создали ряд исторических и художественных сочинений, посвященных Украине.

Н. Гоголю в период работы над «Гетьманом», «Вечерами на хуторе близ Диканьки», в определенной мере над «Тарасом Бульбой» и Н. Кукольнику, автору исторической повести «Запорожцы», присуще романтическое мироощущение. Это проявляется, в частности, в идеализации героев, связанных с национально-освободительным движением, в преобладании оценочного подхода над познавательным при изображении этого движения. В то же время в романтизме как едином явлении можно выделить две типологические формы в зависимости от того, на чем делает акцент автор: отображении характера отдельной личности или же нации в целом. Так, в центре повести Н. Кукольника оказывается герой, которого можно отнести к типу

благородных разбойников. Уже само положение гайдамака, не признававшего над собой никакой власти, «нехристя», по убеждению запорожцев, которые «стали с панами брататься», стремится собрать отряд, направиться в Крым и освободить пленниц из гарема Селим-Герая.

Как личность, обособившись в определенной степени от народа, изображается Степан Острица в «Гетьмане» Н. Гоголя. Переломной в этом отношении является четвертая глава незаконченного романа, где от мечты о том, как «вольный рыцарский народ» растопчет ляхов, он переходит к размышлениям о том, как добиться у короля прощения и грамоты, чтобы зажить жизнью частного человека, женившись на Ганне. В то же время для Н. Гоголя, романтический идеал которого предполагал единство индивидуальности и нации, характерна сосредоточенность на национальном характере, поиск героя, слитого с народом. Писателя интересовало индивидуальное своеобразие нации, героические события, позволяющие раскрыть его, поэтическое состояние, связанное с относительной свободой в условиях средневековья и борьбой за эту свободу.

При этом в «Гетьмане», «Страшной мести», «Тарасе Бульбе» он обращается к эпохе, когда возникает национально-освободительное движение и вместе с тем начинается разобщенность в народе. Данило Бурульбаш сравнивает «золотое время» Копашевича с настоящим, когда он «живет без дела», «шляхетство... все переменно на польский обычай», а «полковники и есаулы гвиздуются... между собою».

В «Заколдованном месте», «Майской почты, или Утопленнице», «Ночи перед рождеством» Гоголь обращается к другой эпохе — когда героическое прошлое окончательно сменилось прозаическим состоянием: происходит закрепощение крестьянства, ликвидирована Запорожская Сечь. К этому моменту относятся и события повести Н. Кукольника. Правда, в жизни полковника Колпака из «Запорожцем» еще осталась возможность героического — сама царица доверяет ему «крымскую свою армию беречь». Голова же в «Майской почты» может гордиться лишь тем, что был провожатым во время поездки Екатерины в Крым.

Различен и тип рассматриваемых произведений. Поскольку в центре внимания Н. Кукольника индивидуальность, то «Запорожцам» присуща романтичность, отсюда интерес автора к приключениям, необычным поступкам героя-разбойника. Обращение Н. Гоголя к характеру нации ведет к развитию эпического начала. Автора интересует прошлое народа, его судьба, состояние в настоящем, у него герой слит с нацией и не мыслит себя в отрыве от нее.

И. М. СЕНЬКО (Ужгород)

ФУНКЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ ГОГОЛЯ

Еще Белинский, восторгаясь выразительностью имен и фамилий персонажей произведений Гоголя, воскликнул: «О г. Гоголь большой мастер выдумывать такие слова!...» Поэтику имен в произведениях писателя, их эпизодов подтекст исследовали В. Н. Михайлов, А. И. Карпенко, Э. Б. Магазаник. Но есть в этом вопросе неизученные аспекты.

Антропонимика «Страшной мести» и «Тараса Бульбы» помогает раскрытию идеи этих повестей, ведь в художественном произведении «все имена говорят» (Ю. Тынянов). Повести объединяет тема защиты запорожцами «веры и отечества» и тема возмездия за измену.

«Страшная месть» отразила историю гетманства на Украине в соответствии с «Историей русов», которую Гоголь читал в рукописи. Песня бандуриста о побратимах Иване и Петре сконденсировала отношения Запорожской Сечи с православной Молдавией и католической Польшей в XVI веке, а история колдуна и Данила Бурульбаша — это обобщение судьбы гетманства от провозглашения воссоединения Украины с Россией до разорения Запорожской Сечи Петром I и окончательно Екатериной II.

Имена побратимов Ивана и Петра подсказаны историей об антитурецком походе в Молдавию запорожца Ивана Подковы, который за это был обвинен в нарушении государственного спокойствия, схвачен и казнен во Львове в 1578 г. В «Истории русов» гибель Ивана Подковы изображена как следствие предательства молдавского господаря Петра Хромого. Тот же источник говорит о гибели по причине предательства в Молдавии и Польще гетьманов Дмитрия Вишневецкого, Ивана Сверговского, Павла Наливайка. Так что законы побратимства Петр из «Страшной мести» — это и Петр Хромой, и Стефан Баторий, и другие правители Молдавии и Польши, а Иван — это и Подкова, и Сверговский, и Вишневецкий, и Наливайко.

Оба побратима — христиане. И католицизм, и православие восходят к учению Христа, провозгласившего: «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому... любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас...» (Матф., У, 38—44). Если апостол Иоан последовательно отстаивает учение своего учителя (в «Первом собраном послании» поучает: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме»), то апостол Петр — основатель католической церкви — не столь последователен: в опасные для него минуты он трижды отрекается от своего учителя; за скрытие от церкви Ананией и Сапфирой части своих доходов он наказывает скупых супругов смертью. Семантика имен (Петр — «скала», Иван — «божья благодать») действиями их носителей не подтверждается: Петр нарушает законы побратимства; Иван очень мстителен, за что не имеет покоя и после смерти.

В образе Данила отражена судьба гетманства на Украине преимущественно при Петре I. Действия колдуна-«антихриста» во многом напоминают действия русского самодержца (Пушкин: «Народ почитал Петра антихристом»). При Петре I казнены два сына Ивана Самойловича, а он сослан в Сибирь; действия самодержца ускорили смерть Ивана Мазепы, Ивана Скоропадского, Павла Полуботка. В «Истории русов» умирающий Полуботок заявляет царю: «Скоро пред Него оба предстанем, и Петро с Павлом тамо рассудятся». Петр I умер вслед за Полуботком, как и в повести божий суд над колдуном свершился после содеянных им преступлений, в том числе и убийства Данила Бурульбаша.

Имя Бурульбаша, вероятно всего, восходит к Даниле Апостолу, который сидел в Петропавловской крепости вместе с Полуботком, а после освобождения Екатериной I был назначен гетманом Ливо-

бережной Украины. Семантика его имени (Данило — «божий суд») совпадает со словами Полуботка и идеей повести о возмездии за нарушение законов побратимства.

В «Тарасе Бульбе» имена героев меньше связаны с историческими прототипами. Среди предводителей казачества в украинско-польских войнах «История русов» упоминает только одного Тараса: «Казак малороссийские, соединенно с запорожскими, в 1624 году принуждены выбрать себе гетьманом полковника курсунского Тараса Трясила, не употреблявшего после сего названия...» В «Истории русов» много места отведено Богдану Хмельницкому, героической смерти его сына Тимоша и склонности к предательству его сына Юрия.

Семантика имени Бульбы соответствует характеру героя: Тарас — это «бунтовщик». Остап и Андрий не оправдывают семантику своих имен: Остап «счастливый», Андрий — «мужественный». В повести есть эпизод: Бульба произносит тост («Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы!»), а потом демонстрирует свое знание латыни, подтверждая этим, что в имена сыновей он вкладывает свою надежду, но не сопутствует удача Остапу, не стал героическим защитником родины Андрий. Этим Гоголь как бы подчеркивает, что добрые замыслы отцов могут и не осуществиться детьми или в силу трагических случайностей, или по причине отступничества.

Имена собственные в «Страшной мести» и «Тарасе Бульбе» выражают идею их автора, верно отражают исторический и национальный колорит Украины XVI—XVIII веков.

Т. М. ЧУМАК (Ужгород)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ».

В последнее время настойчиво говорят и пишут о «переоткрытии» своих национальных корней, о сегодняшнем «фольклорном ренессансе», «фольклорном вуме» в литературе много пишут и о так называемом «магическом реализме», имея в виду чаще всего расцвет «фольклорной прозы» стран Латинской Америки (Карпентьер, Астуриас, Гарсиа Маркес). Предтечей этих плодотворных литературных исканий О. Гончар назвал Н. В. Гоголя.

Связь «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с народной культурой Украины никогда не подвергалась сомнению. Исключение составляла лишь «Страшная месь», которую исследователи, противопоставляя ее другим повестям сборника, связывают главным образом с западноевропейской литературной традицией.

В данном случае предпринимается попытка поставить «Страшную месь» в контекст с традициями восточно- и западнославянского героического эпоса. Прослеживается связь образа богатыря «на огромном вороном коне» с самым могучим героем эпоса мифологического периода — Святоором. Общей чертой героев является их необычность, исключительность, принадлежность какому-то иному, запретному миру. Неслыханное, невиданное чудовище», «чудо» Святогор и «чудный рыцарь» обладают и чертами внешнего сходства: нечеловечий рост всадника, его исполинский конь, бесконечная тень, страшная рука, страшное величие и т. п.

Фольклористы считают Святогора антропоморфным воплощением

ем исполинских туч, чему, служит по их мнению, и **этимология слова «гора» как обозначение всего** высокого (Аникин В. П.). Такова же художественная природа и образа гоголевского всадника: тучи пристают и ночуют там, где обитает он, спускаясь, они закрывают богатыря, улетая, обнажают его. В повести, как и в былинах о Святогоре, настойчиво подчеркивается принадлежность богатыря к одному локусу: он — обитатель Карпатских гор и не выезжает за их пределы. Это позволяет думать, что в основу гоголевского образа, как и Святогора, легли какие-то древние представления о горных великанах.

В цикле словацких легенд о возникновении татранских гор и озер этот процесс связывается с действиями, жизнью и смертью людей-нелюдей, гигантов.

Самой поэтической в этом цикле является легенда о возникновении и названии горы Криван («...»). Роскошный антропоморфный образ гоголевского Криваня, который, «как царь, подымается» над другими вершинами и накрыл «свое теля, будто шапкою, серую тучею, «воспринимается как отдаленное эхо этой поэтической легенды.

Сказания о горных великанах, обитавших некогда в Карпатах, существуют и в фольклоре Закарпатья (Легенды Карпат — Ужгород. «Карпаты», 1968; легенды нашего края — Ужгород, «Карпаты», 1972). Неоспоримым доказательством их древности может быть повесть «Однодневное царство» — И. А. Сильвая. Закарпатского прозаика XIX века, горячего поклонника Н. В. Гоголя.

Свидетельством того, что Гоголь в повести использовал какие-то песни и легенды, распространенные у западных славян и в Закарпатье, является, во-первых частое употребление единственного числа в названии Карпатских гор с ударением на первом слоге («Слышится часто по Карпату свист...», «...а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат, и Седмиградскую, и Турецкую землю...»), что было обычным для писателей Закарпатья XIX века; во-вторых, полемика с «грамотными людьми» и прямая отсылка читателя в рассказе о причинах трясения земли «от одного конца до другого» к авторитету стариков, «которые живут и в Венгрии и в Галичской земле, лучше знают это и говорят...» Эта отсылка — не случайная обмолвка, но факт, имеющий принципиальное значение для понимания самих истоков гоголевской повести. Писатель в данном случае продолжает начатую в «Предисловии» к сборнику «Вечера на хуторе близ Диканьки» тему двух противостоящих друг к другу сознаний и соответствующих им поэтических традиций — книжной и народной.

Указанный факт интереса Гоголя к фольклорному Карпат — не единственный в его творческой биографии. Первое упоминание писателя о праздновании Ивана Купала у карпатороссов, как принято было в XIX в. называть закарпатских украинцев, встречается в «Книге всякой всячины». Есть основания утверждать, что источником этого интереса для Гоголя был директор Нежинской гимназии И. С. Орлай. (Подробнее об этом см. Чумак Т. М. Исторические корни в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» (Вопросы русской литературы. Вып. 42) 2) — Львов, 1983).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ».

Художественное время изучает в связи с композицией произведения (сюжетное время), в связи с отношением к изображаемому, в связи с языковыми средствами его выражения и др. Художественное время повести «Страшная месьть» обусловлено позицией автора: он стоит над событиями, показывая их как бы изнутри. Поэтому сюжетное время можно считать **объективированным**. Оно выражается в последовательном изображении текущих событий, но с некоторыми ретроспективными элементами (истоки страшной истории раскрываются в конце повести). Поскольку излагаемые в повести фантастические события относятся к далекому прошлому, общее время повести определяем как **историческое**. Оно выражается лексическими средствами: в наименованиях предметов, в «речевых партиях» персонажей (бытовые: бочка меду, ведро грецкого вина; названия народов: нечестивные дяхи, кримцы; боевое оружие того времени: мушкеты, сабли, пищали, пистолеты, копья; действия прошлых веков: виды казни, продажа пленных и др.).

Категория времени выражается в языке грамматическим временем (формами глаголов, придаточными предложениями, деепричастными и причастными оборотами) и лексической группой темпоральности. В русле общезыковых норм грамматического времени отмечается авторская склонность: употреблять в начале главы настоящее время, которое приобретает в таких случаях значение фона для последующих событий. — «Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобец празднует свадьбу своего сына» (I), «Тихо светит по всему миру...» (II), «Хутор пана Данила между двумя горами...» (III), «В глубоком подвале сидит колдун...» (VI), «Чуден Днепр...» (X) и др.

Лексическая группа темпоральности в повести невелика. Она включает существительные (час, год, время, день, ночь, вечер около месяца, в старину...), наречия (рано, поздно, давно, тогда, завтра, долго, вчера), сочетания с числительными (семь дней и семь ночей, десять дней, двадцать один год...), прилагательные (ночное (небо), девяностолетнее и столетнее (старье)...). Частотность их в каждом эпизоде также невелика. Они являются общими указателями времени.

На фоне обычного конвенционального времени, выраженного лексико-грамматическими указателями, в повести выделяются текстовые разновидности времени (неконвенциональные), которые получают подкрепление в названных средствах.

Фенологическое время представлено в картинах сменяемости в природе. — «День клонится к вечеру. Уже солнце село. Уже и нет его. Уже и вечер». В разрезе фенологического времени создан многомерный образ Днепра («при тихой погоде», «при теплой летней ночи...»). Временное движение в природе показывается преимущественно с помощью темпорально-ассоциативной лексики.

Пространственное время выражается в изображении движения при констатации каких-либо вех на пути. В таких фрагментах в тексте перемежаются локальные и темпоральные указатели. В сообщении о движении всадника-мстителя. — «Не день, не два он уже переезжает горы.. Уже проехал много гор и взъехал на Криван». В сооб-

щени о скитаниях колдуна локальные указатели, объединенные противительной связью, подчеркивают идею путаницы и длительности в скитаниях (день, другой, через день; не Канев, а Шумск, не Киев, а Галич). Этот же тип текстового времени и в эпизоде возвращения Бурульбаша со свадьбы. Движение, протекающее во времени, выражено сменностью ландшафтных картин на берегах Днепра (лес, горы, луга, кладбище).

Процессуальное время отмечается в показе каких-либо изменений во внешности, состоянии человека, предмета. Оно ощущается в сцене смерти Бурульбаша (зашатался козак, свалился на землю; лежит пан, закрывши очи; вылетела душа, посинели уста, такой холодный), в изображении состояния потерявшей разум Катерины и др. Оно же ощущается в сцене битвы козаков с ляхами. Впечатление сменяющихся действий усиливается повтором наречия. — «Уже очищается двор, начали разбегаться ляхи, уже обдирают козаки с убитых золотые жупаны... Уже пан Данило собирается в погоню...» Прием такого повтора используется Гоголем неоднократно.

Разнообразие способов выражения временного значения помогает подчеркнуть динамику событий и входит в систему средств их художественного изображения.

НЕЦЕРЕТ Е. И. (Нежин)

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА».

Особенностью гоголевского повествования является использование системы средств для создания определенного колорита произведения. Так, ненавязчивая согласованность экспрессивной лексики, эмоционально окрашенных суффиксов, тропов, фигур, их насыщение в тексте формируют экспрессивность изложения в повести «Пропавшая грамота», основывающуюся главным образом на максимальной концентрированности признака и, как следствие, его преувеличении. В цикле «Вечеров...» данная повесть отличается необычайной гиперболическостью как в обрисовке фабульного действия, так и в описании микрособытий, отдельных образов. Прием преувеличения, мастерски примененный Гоголем, повышает экспрессивность всего текста, придает ему эстетический характер.

Значительное место среди стилистически выразительных средств в повести занимают единицы лексического уровня. Следует отметить, что это преимущественно ненормативная лексика, которая, с одной стороны, подчеркивает живость, непринужденность речи персонажей, с другой стороны, позволяет автору достичь необходимого эффекта повествования: калыкать, швырять, вытаращил, захолонуло, таскаться, тузить, мерзость, хрычовка, рожа, рыло, морда, дрянь, дурень и др. Семантика этих слов в то же время оценочно маркирована, причем традиционность негативных коннотаций подчинена гиперболическости авторского стиля. Отличительным свойством лексем является то что в их значении обязательным компонентом выступает сема количественной характеристики: провизжала, взвился, заляется песней, захолонуло на душе, пропасть, крутизна, заржали, закричал, стремглав и др. Количественность измерения признака у большинства слов может быть передана трансформацией в словосочетание, вклю-

чающее компонент «очень» (очень быстро..., очень громко..., очень высоко... и под.) или же подсказывается контекстом.

Усиленная экспрессивная динамичность изложения достигается и использованием тех слов, экспрессивность которых обуславливается морфологической производностью. Чрезвычайно употребительны глагольные и отглагольные именные конструкции с приставками, имеющими интенциональное значение качественного и количественного признаков: раз-/ рас- /разряжены, разгорячился, разгулье), при-/приударить, прискучило), от- (отплясывают), вз-/вс (взвился, взбеленился, вскричал) и др. В отдельном случае экспрессия контекста поддерживается употреблением ряда глаголов с общим для них аффиксом: заняло..., застучало..., зазвенело. Разнообразные оттенки эмоциональной характеристики вносят в слова суффиксы субъективной оценки: грамотеи, времечко, народец, гуляка, будняга, хорошенько, новехонький, прямехонько и др. Интересны в плане выполнения стилистической нагрузки окказиональные словообразовательные структуры, встречающиеся в повести: невидальщина, пьяная молвь, чертанье, прихрабвишись, бесовское обморачиванье.

Экспрессивная насыщенность создается и синтаксическими конструкциями! восклицательными предложениями и оборотами (Что за радость!, Что за чудище!, Вот те на!, Эх!...), сочинительными и подчинительными союзами со значением усиления (ни днем, ни ночью; сколько ни...; так, что...), бессоюзными предложениями, указывающими на скорую результативность действия или быструю смену событий (залетит песней — душа гуляет; царапни горшком крыса... — и боже упаси-и душа в пятаках; пройдет с кулаками промеж козками — все, как груши, повалится на землю и др.). Такова же стилистическая роль сравнений, фразеологических оборотов, многочисленных метафор в повести.

Слог Гоголя — образец стилистического мастерства автора, высокого чувства слова и высокой культуры.

ПЕРЕВЕРЗЕВА Н. А. (Орел)

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПРОЗЕ ГОГОЛЯ («ВИЙ»).

Традиционные методы анализа недостаточно последовательно учитывают, что определенные группы слов, образов мотивов и ситуаций, во-первых, всегда, в любом контексте сохраняют древние символические значения (или миф); во-вторых, составляют сложную систему отношений не только в пределах фразы, абзаца, главы, но входят в общий контекст произведения и наделяя на правах лейтмотивов, вовлекая в сферу своего воздействия и наделяя символической или мифологической семантикой слова и образы, которые при поверхностном чтении таковой не обладают.

Выявление (и анализ символической образности предполагает совокупный учет следующих факторов: сильной позиции, общего контекста как системы, многочисленных рядов оппозиций, повтора как универсального принципа символаобразования. Если под этим углом зрения прочитать повесть «Вий», то обнаружатся смысловые линии, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Так, с помощью принципа сильной позиции, обуславливающего пристальное отношение к таким элементам художественного произведения,

как название, начальные фразы и финал, в которых неизбежно должны отразиться основные символические мотивы, оказалось возможным выявить в качестве первоисточенного архетипический символ земли. Входя в подтекст, следует рассматривать Вия не только в качестве персонажа народного предания, верховода нечистой силой, но прежде всего как существо хтоническое, связанное с землей, что акцентируется автором. Таким образом, сразу получаем чрезвычайно важный символ, один из четырех первоэлементов мировоздания. Повесть «Вий» можно рассматривать как систему мифологических оппозиций, где существенное место должны занять космогонические символы земля, вода, огонь, воздух. Действительно, в повести можно обнаружить все четыре первоэлемента, локализованные по-разному, но достаточно убедительно. Вода в качестве мирового океана возникает в эпизоде ночного полета; огонь идентифицируется как солнце, петух, круг, который рисует Хома на полу церкви; воздух реализуется в семантике колокола, заданной в обрамлении (сильная позиция текста).

Кроме оппозиций «земля — воздух» и «вода — огонь», в повести сравнительно легко обнаруживаются такие ряды мифологических оппозиций, как «христианское — языческое», «сакральное — профаническое», «жизнь — смерть», «внутреннее — внешнее», «видимое — невидимое», «опасное — безопасное», «свет — тьма», «день — ночь», «мужское — женское», «земля — небо», «солнце — луна» и т. д. Например, среди способов выражения христианских символов обычно различают символические слова (молитвы, заклания), символические изображения и предметы (иконы, свечи, лампы и т. д.), символические действия (иконы, коленопреклонения). Все эти разновидности христианской символики составляют в повести обширный ряд, противопоставленный не менее обширному ряду образов, выражающих языческие верования и представления. Обнаруживаются даже символы, непосредственно связанные с Христом, которые разбросаны в тексте без видимой связи и, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к Спасителю (хлев, рыба, терновник, сад, гора, Рим, Египет и т. д.). В эпизоде пирушки у жида неявно пародируется тайная вечеря. В соответствии со сказанным может получить объяснение имя героя (Хома — гомо — человек — сын человеческий). Присутствие в тексте травестированных вариаций на библейские мотивы, евангельских реминисценций и символических атрибутов Христа далеко не случайно. Хома Брут уподоблен Христу по законам травести, использование которых в высшей степени характерно для Гоголя.

Выявление оппозиций и характера их взаимодействия представляется важным этапом на пути к пониманию гоголевского текста. В идеале каждая из оппозиций должна быть прослежена в развитии, в окружении контекста повести и в соотносительности с «дотекстовым» знанием, без которого никакой анализ мифологических символов вообще невозможен.

Образы, мотивы, ситуации, элементы оппозиций сакрального (фантастического) и профанического миров сплошь и рядом повторяются, составляя как бы ряды зеркальных отражений. Такие повторяющиеся элементы, соотносимые с «большим» контекстом, как правило, наполняются многоплановыми символическими смыслами.

Идея сосуществования, взаимопроникновения, неразрывной слитности сакрального и профилактического, реального и ирреального миров («Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре — все ведьмы») пронизывает весь текст повести не только на эмпирическом, но и на символическом уровне.

Концепция проверки подозреваемого слова, образа или мотива «малым» или «большим» контекстом, концепция повтора как универсального принципа символаобразования далеко не новы, достаточно широко известны и другие названные принципы, но лишь их синхронное применение позволяет, на наш взгляд, свести к минимуму произвольные остроумные комбинации, представляющие главную опасность при символической интерпретации текста. Вывод о всеобщем характере названных принципов, видимо, еще недостаточно подготовлен, но применительно к Гоголю такой подход может быть продуктивен.

В. А. СИДОРЕНКО (Нежин)

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» Н. В. ГОГОЛЯ.

Изображение времени в художественном произведении, изучение средств его выражения — одна из интереснейших проблем современной лингвистики.

Художественный текст представляет собой мир эстетической действительности, порожденной творческим воображением художника и существующей в особом времени — художественном. Под художественным временем понимается «форма бытия идеального мира эстетической действительности, временной континуум изображения явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума» (Тураева З. Я.).

Повесть «Невский проспект» композиционно делится на три части: две новеллы — каждая со своим сюжетным временем —, которые обрамлены описанием Невского проспекта, имеющим свой временной континуум.

Временной континуум обрамления реализуется через темпоральные указатели, которые образуют своеобразный композиционный стержень, организующий развертывание описания в хронологической последовательности. Об этом свидетельствует и авторское высказывание: «Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемени в течение одних суток!». Синонимичные по значению словосочетания в течение одного только дня; в течение одних суток, одно из них усилено модальной ограничительной частицей только, сигнализирует о продолжительности временного континуума.

Цепочка темпоральных указателей — с самого раннего утра — в двенадцать часов — от двух до трех часов пополудни — три часа — с четырех часов — сумерки — сумерки — ночью —, расчленившая описание Невского проспекта на отдельные фрагменты (кадры), в то же время выступает в качестве объединяющего начала, т. к. эти текстовые фрагменты как бы нанизаны на нее, воссоздавая таким образом Невский проспект во всем его многообразии.

Герои новелл, входящих в повесть, наделены личностным отно-

шением ко времени. Контрастное сравнение возвышенного мечтателя Пискарева и практичного пошляка Пирогова, организующее сюжет повести, прослеживается и на уровне временных систем, в которых они существуют.

Трагизм внутреннего состояния художника Пискарева определяет противоречивость его отношений со временем. Он оказывается как бы вне времени, объективный ход которого, отмеченный определенными промежутками (**на другой день, полночь давно минула**) происходит вне сознания героя, т. к. он утратил ощущение реальности бытия, его истинной жизнью стал сон, а действительность лишь его ожиданием. «Он оживлялся **только при наступлении ночи**».

Временной континуум второй новеллы, которая посвящена поручику Пирогову, ограничен двумя воскресеньями, на что есть в тексте косвенное (Шиллер положил «быть пьяным **каждое воскресенье**») и прямое (**в следующее воскресенье**) указания. Ход времени для Пирогова, суть существования которого определяется «двумя воскресеньями», отмечается, в отличие от Пискарева, только внешними указаниями (**через две недели, в один день, к девяти часам**), что еще раз подчеркивает его бездуховность.

В реализации художественного времени в повести «Невский проспект» наряду с лексическими и грамматическими средствами, входящими в Голе темпоральности, участвуют и окказиональные. Так время первого сна Пискарева определяется временем стгорания свечи... сидел он перед **нагоревшею свечою**. ...одни только **огонь свечи** просвечивал сквозь одолевашшие его грезы; перед ним стоял **подсвечник с огнем; вся свеча истаяла**.

Художественное время в повести «Невский проспект» участвует в создании образной системы произведения и взаимосвязано с его композицией.

ИВАСЕНКО Л. А., КОЛМОГОРЦЕВА П. М. (Нежин)

МОДАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

В современном языкознании вопросы лингвистики текста являются особенно актуальными. До сих пор нет единого определения текста и полного описания его характерных черт. Опираясь на уже разработанные концепции лингвистики текста (Гальперин), мы остановимся на проявлении одной из категорий текста — текстовой модальности.

В «Невском проспекте» текстовая категория модальности проявляется на различных уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На лексическом уровне это:

а) использование автором изобразительно-выразительных средств (метафор, метонимий, синекдох, индивидуально-авторских сравнений разговорно-бытового характера («**сверкающая белизна лица**», «здесь вы встретите бакенбарды единственные».... «сонный ганнмед» летает «как муха» с шоколадом; талии дам «никак не толще бутылочной шейки» и т. д.);

б) наделение автором высказываний героев повести приметамы какого-либо стиля (например, использование в речи художника Пискарева таких слов, как контура, оклад лица, тонкий цвет, Перуджи-

нова Бианка, свидетельствует о его профессии; разговорно-просторечная лексика поручика Пирогова — «Простак! Ступай, простофиля, прозеваешь!» — свидетельство его низкого интеллектуального уровня);

в) для нагнетания напряженности действия, его динамики Гоголь включает в повествовательный контекст глагольные синонимические ряды с максимальной степенью градации (художник Пискарев спешил, летел, несся).

Большую роль в выражении в текстовой модальности играют ключевые слова. На эти слова-сигналы падает дополнительная смысловая нагрузка. В роли подобных слов-сигналов используются Гоголем чаще всего местоимения, наречия, существительные, модальные слова и частицы. («...Он опять ожидал вечера. опять заснул. опять снился какой-то чиновник...», «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется»).

Среди грамматических средств текстовой модальности, несущих эмоционально-оценочную функцию, отмечаем слова со значением субъективной оценки (суффиксы и приставки в составе слов: глазки, прекрасных ножек, интрижка с хорошенькою немкою).

Особая роль в выражении текстовой модальности принадлежит синтаксическим средствам: формы строения фраз, их сочетания, приемы и способы интонационно-смыслового выделения и ритмикомелодической организации участков текста (использование риторических фигур, ССЦ с анафорическим зачином и синтаксическим параллелизмом, употребление форм ирреального синтаксического паглонения). Текстовая модальность реализуется и в синтаксических конструкциях речи персонажей. Мысли героев облакаются в разнообразные формы рассуждений. Коммуникативную основу их составляют фразы утверждающие-констатирующие типа, конструкции причинно-следственные, уступительные, изъяснительные и т. д.

Таким образом, текстовая модальность, прииызывающая все повествование и осуществляемая лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами, выражает отношение автора к описываемым событиям.

В. Д. ДЕНИСОВ (Ленинград)

«ПОРТРЕТ» Н. В. ГОГОЛЯ И РУССКАЯ ПОВЕСТЬ О ХУДОЖНИКЕ НАЧАЛА 1830-х гг.

Рассматривая сходство — различие «Портрета» 1835 г. с предшествующими русскими романтическими повестями о художнике (аналогом западноевропейского), следует заметить, что подобные сопоставления уже были сделаны исследователями, которые сосредоточили внимание на чрезвычайно актуальной для литературы того периода проблеме отношений искусства и общества, художника и его времени. Однако выводы, сформулированные в самом общем виде у С. И. Машинского: об извечном конфликте одинокого творца и «толпы» в произведениях П. Полевого, В. Ф. Одоевского и А. В. Тимофеева (близких к эстетике немецких романтиков) и, в противоположность им, о «реалистическом ракурсе» художника, о его сопряжении с главными проблемами современности у Гоголя, — нуждаются в определенной коррекции.

Как показывает анализ повестей о художнике, типологические черты главного героя были отчетливо связаны с просветительской идеей «естественного человека» в ее романтической интерпретации. Герой-художник представлял именно естественный, эстетический взгляд на окружающее, который противоречил господствующему «обыденному сознанию» и соответствовал позиции самого автора. Почти одновременно в литературе существует и принципиально иная точка зрения. Такова попытка если не примирить, то хотя бы отчасти сгладить противоречия между художником и миром, личным и общественным — в «Живописце» В. И. Карлгофа. Здесь герой закономерно получает свою долю «счастья», тогда как в упомянутых произведениях Н. Полевого и А. В. Тимофеева богатство, или семейное благополучие, или даже общественное признание невозможно для художника. Своей трагической судьбой он опровергал миф о «разумной», действительности.

Продолжая эту традицию повести о художнике, «история Черткова» претендует на качественно иной уровень обобщения. Алогичность и пошлость современности, ужасавшая романтиков, у Гоголя получает историческое обоснование. При этом путь Черткова по сути оказывается противоположен типологическому развитию героя-художника. Соответственно меняется масштаб изображаемого. Если в упомянутых повестях формирование творческой личности прослеживалось более или менее подробно — с детства, то действие «истории Черткова» внешне ограничено Петербургом начала 30-х гг. У героя нет «предыстории естественного предшествующего пути — важнейших примет романтического героя-художника. Здесь для Гоголя важен определенный момент развития типического характера, момент, который соотносим с общественным и всемирным развитием, отражает его основные тенденции. Так, несмотря на известные ограничения, художественный конфликт «вбирает» главные противоречия изображаемого культурно-исторического периода. При этом романтические антитезы «героя и толпы», «искусства и обыденной жизни» утрачивают абсолютное значение, переосмысливаются в ином плане.

Отсюда и другое характерное отличие «истории Черткова»: здесь нет и следов любовной коллизии, так или иначе представленной в подобных повестях, — одной из главных пружинок романтического конфликта. Она была особенно значима для героя-художника, которому семья представлялась идеалом духовного единения. Крушение таких иллюзий вело героя к окончательному разрыву с бездуховным окружающим. В «Портрете» любовная коллизия и не может возникнуть, поскольку изображенный петербургский мир глубоко дисгармоничен и существование здесь какого бы то ни было идеала, кроме золота, проблематично. Чертков, как и его заказчики, вполне самодостаточен. Он не нуждается в духовном родстве, а ненависть, с какой он уничтожает шедевры, противоположна любви. Вместе с тем, отсутствие любовной коллизии по-своему продолжает прямые «исторические» инвективы действительности у героев Н. Полевого и А. В. Тимофеева.

Как правило, в повести о художнике его исповеднический рассказ или полностью занимал повествование, или был важнейшей сюжетобразующей частью. Оригинальный, «художнический» взгляд непосредственно передавался словом героя о себе и мире. Тем самым,

несмотря на определенную дистанцию между автором и героем, утверждалась некая исходная близость их мировосприятия. А Черткову не дано слова о себе и мире, хотя изначально его мысли о ремесле, о страшном портрете были явно близки к авторским. По мере повествования автор все больше отделяет себя от Черткова, высказывая прямые инвективы в его адрес, подчеркивая разницу между «истинно художническим» и формирующимся у героя «ремесленным» взглядом. Чертков лишен права на исповедь, ибо утратил свое, оригинальное мировосприятие, что до конца (даже в сумасшедшем доме) сохранял романтический герой-художник.

Н. Ф. ДОНЦУ (Кишинев)

МЕТОНИМИЯ В ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СТИЛЯ АВТОРА

Метонимия — важное средство создания экспрессивности художественного текста. Любое переименование, будь то метафора или метонимия, — это всплеск на гладкой поверхности повествования, привлекающий внимание читателя и побуждающий к активному осмыслению содержания. Метонимия (перенос по смежности) менее изучена в этом плане.

Петербургские повести Н. В. Гоголя («Невский проспект», «Нос», «Шинель») посвящены в самом общем плане описанию противоречий между маленьким слабым человеком и бездушной громадой большого города. Н. В. Гоголь не сворачивает в угоду читателю с пути, подсказанного логикой реальности: царство торгашества, духовной неразвитости, эгоизма, пошлости как правило одерживает в его повестях победу над человеком, губя его физически или нравственно, т. е. превращая в нечто неодоухотворенное, неодошевленное.

Именно с этой авторской концепцией можно связать употребление метонимий и метонимических сочетаний в указанном цикле. Наиболее часто используется прием замены наименования человека наименованием элементов его внешности или туалета в конструкциях с глаголами «видите», «встретите» и т. д., причем данные существительные сопровождаются большим количеством определяющих прилагательных. Это подчеркивает значимость названных деталей, предметов для их обладателей, причем значимость преувеличенную. (...вы здесь встретите бакенбарды, бархатные, атласные, черные, как соволь или уголь, но, увы, принадлежащие одной только иностранной коллегии. В аналогичных фрагментах — усы, шляпки, платье, платки, рукава, звезды и эполеты, сапоги).

О типичности, характерности этого приема для стиля Н. В. Гоголя свидетельствует название одной из повестей — «Нос». Как известно, в тексте эта деталь отчуждает от героя даже чисто физически и функционально, что опять-таки подчеркивает мысль об острой необходимости в человеческом, интеллектуальном, духовном содержании для того, чтобы в обездушенном обществе существовать. Название другой повести — «Шинель» — в языковом плане также не является чистой метонимией, однако тоже служит знаком подстановки: человек и вещь в повести как бы меняются своей ценностью. Такие смещения подчеркиваются и в тексте, обычно с помощью метонимических сочетаний, в которых неодошевленные предме-

ты определяются типично «человеческими» эпитетами и наоборот (бледная Нева, невежливый локоть, утомленная музыка — и ср. вострые, разноцветные, слабонервные подруги).

Стремление не только к отстраненному, подчеркнуто бесстрастному изображению характеров, но и к отражению их типичности реализуется в приеме употребления обобщенных названий вместо конкретных, хотя в контексте соображаются языковые связи, указывающие на реальное действующее лицо. Например: «...это большею частью добрый, креткий народ, застенчивый, беспечный... пьющий чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате. Или:... перебежит через Невский проспект... какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого повытчика, пущенная по миру во фризовой шинели».

Еще один прием состоит в перечислении в одном ряду однородных членов людей, их эмоций, мимических жестов — и тут же неодушевленных предметов: «...никого не было видно возле его бездушно-го трупа, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя и равнодушной мины городского лекаря. Лакей... проводил его в сени с мраморными колоннами, облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами, с яркою лампою».

Таким образом, употребление метонимий и метонимических сочетаний оказывается миниатюрным отражением идейно-художественного содержания цикла в целом, где реалистическая с элементами сатирического преувеличения и фантастики творчества манера отражает идею слабости, нравственной обесцененности человека в большом городе.

С. А. ГОНЧАРОВ (Ленинград)

«ВНЕШНИЙ» И «ВНУТРЕННИЙ» ЧЕЛОВЕК Н. В. ГОГОЛЯ И ФИЛОСОФИЯ Г. СКОВОРОДЫ (ЭСТЕТИКА СЛОВА И МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ)

Предложенный анализ «Мертвых душ» и «Шинели» позволяет обозначить важнейшие особенности гоголевской эстетики слова и его моральной философии в контексте традиций древней учительной культуры и прежде всего — философии и эстетики слова Сковороды. Отдельные аспекты проблемы «Гоголь и Сковорода» мне уже приходилось отмечать (1985, 1988, 1989 гг.). Начиная со 2-ой половины 30-х гг. гоголевское изображение человека тяготеет к учительной типологии, заключающей в себя понятия «внешний» и «внутренний» человек. Изображение персонажей I тома «Мертвых душ» строится по логике изображения внешнего, плотского человека, которая кристаллизуется в формуле и теме «мертвая душа». «Шинель» создается в эпоху «Мертвых душ» и соотносится не только с повестями петербургского цикла, но и с поэмой, знаменуя принципиальный поворот Гоголя от изображения внешнего человека к человеку внутреннему, человеку божьему. Этот факт не только не осмыслен, но и не отмечен в гоголеведении. Движение к изображению внутреннего человека отчетливо предстает во II томе «Мертвых душ», в котором появляется сама формула «внутренний человек». Соотнесенная с историей Тентетникова, а ее важнейшие предметы в истолковании Сковороды довольно отчетливо просматриваются в изображении Костанжогло и Муразова. Эта же тема звучит в «Выбранных местах» и «Авторской исповеди»,

совмещая в себе черты учения Сковороды, Жуковского и мистической традиции, связанной с Фомой Кемпийским («О подражании Христу») и др.

Человек и мир в поэме и повести изображены барочным писателем-христианином; христианский нравственный мир находит опору в спиритуализации тварного мира. Тварной мир, видимая натура только перед «внешним человеком» предстает, по определению Сковороды, как «рухлядь, смесь, сволочь, сечь, лом ...плоть». «Внутреннему человеку» доступно в видимой натуре прозреть ее вторую невидимую природу. Этим взглядом обладает автор-творец поэмы, восстанавливающий духовную природу тварного мира символизмом, опирающимся на барочную эстетику слова. Бытовое и материальное пронизывается у Гоголя вечным светом библейского мира. Механизм эстетики слова, сопрягающий эмпирический мир и его реалии с миром символическим и библейским раскрывается в сочинениях Сковороды (а также в традиции мистической герменевтики — принципы «образования» и обнаружения «таинственного смысла»), которые рассматриваются как своеобразный комментарий к эстетике гоголевского слова, как внутренний порождающий механизм его поэтики. В связи с этой традицией формулируются некоторые принципы интерпретации гоголевского текста.

Детальный анализ «Шинель» обнаруживает в ее поэтике преломление учения Сковороды о трех мирах и двух натурах, а в образе Акакия Акакиевича позволяет увидеть основные приметы его «внутреннего человека». Именно контекст Сковороды позволяет найти «ключ» к многим загадкам повести и «снять» те противоречия, которые обычно отмечаются литературоведами. В частности, работы последних лет (Ю. Манн, О. Дилакторская, В. Маркович) продемонстрировали «феноменально дерзкое» (Ю. Манн) переосмысление романтического материала, которое заключается в «соприкосновении высокого и трансцендентного с прозаическим и повседневным» (Ю. Манн). Этим совмещением отмечен прежде всего образ Акакия Акакиевича и оценивается литературоведами как «непреодолимая двойственность» (В. Маркович), как ситуация, в которой «можно с полным правом говорить о страшной узости кругозора, об убожестве интересов. Но с таким же правом — и о высоком спокойствии подвижника, о таинственной внутренней жизни» (В. Маркович). Однако за этой двойственностью можно увидеть целостность, в которой полярности не противостоят друг другу как низменное и высокое, а сливаются в непротиворечивое единство. Гоголевский герой вызывает отчетливые ассоциации с «внутренним человеком» Сковороды и наделен многими его чертами: полное совпадение с должностью (феноменальное в контексте русской прозы I пол. XIX в., драматически разводящей «роль» и «человека»), к которой он «родился совершенно готовым», как бы по предопределению. Подобно внутреннему человеку Сковороды, живущему в должности, определенной богом, в «сродном труде» и в нем обретающем покой, сладость, веселье, Акакий Акакиевич, сливаясь с должностью, живет в спокойствии, ощущая веселье духа, сладость и радость труда, который «бог посылает». Он пребывает в «сродном труде» (Сковорода), поэтому служит не только «ревностно», но «служит с любовью» и «доволен своим жребием».

В учении Сковороды не существует занятий «низких» или «воз-

вышенных», так как «с богом святым низкое возводится, а без него низводится и высокое», «разумным и добрым сердцам гораздо милее и почтеннее природный и честный сапожник, нежели неприродный штатский советник». Нравственный мир повести вполне соответствует взглядам Сковороды. Важно противопоставление Акакия Акакиевича — внутреннего, божьего человека значительному лицу, человеку внешнему, живущему не в сродном труде, не в своей должности («он был в душе добрый человек... но генеральский чин... сбил его с толку... он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть»), «Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин... мешал им обнаружиться», он «слышал упреки совести». Ср. у Сковороды: «Самая добрая душа тем беспокойнее и несчастливее живет, чем важнейшую должность несет, если к ней не рождены»). Для Сковороды каждый рожден исполнять свою должность, которая от бога (одна из центральных идей и Гоголя 40-х гг.). Совпадая с должностью, человек познает бога в себе, обретает внутреннего человека, свою вторую, невидимую натуру. Важна и другая черта, сближающая Акакия Акакиевича с внутренним человеком Сковороды: он способен в «видимой натуре» и «тленном» занятии (переписывании) прозреть «невидимое» и трансцендентное. Способность переживать «сокровенные под буквами силы» (Сковорода) отличает его от внешнего человека, воспринимающего только то, «что ощущать можно» — бумагу и чернило букв (Сковорода). Для внутреннего человека трансцендентное присутствует во всем материальном мире, оно образует «тайную действительность невидимого бога» (Сковорода). «Бог повсюду... он присутствует и в этом черепке», «бог есть во плоти человеческой... во плоти видимой нашей не вещественен во вещественной, вечный в тленной», «невидимая натура или Бог всю тварь (видимую натуру — С. Г.) пронизывает» (Сковорода). Образ гоголевского человека вызывает ассоциации не только с учением Сковороды, но и с учением Жуковского («О внутренней христианской жизни» и др.). В докладе отмечаются параллели между моральной философией и поэзией Жуковского и сочинениями Сковороды («невидимая натура», «тайная действительность невидимого бога» и «невидимое», «незримое», «невзираемое», «там» и др.).

Основные положения моральной философии и символической эстетики слова Сковороды рассматриваются и как порождающие принципы гоголевской поэтики, определяя сюжетно-композиционную и пространственно-временную структуру повести. Ключевую роль в организации гоголевского «троемирия» и его «двунатурности» играет метафора (важнейшая — «мир-книга»), система «синонимно-омонимических» соответствий, «зеркальных» уподоблений. Особо следует подчеркнуть значение притчеобразного начала повести, которое имеет три ударные точки — «притча» о молодом человеке, о верном служении в должности, искушении и смерти Акакия Акакиевича, о значительном лице.

Н. И. КЛЫПА (Нежин)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛОЖНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Сложные словосочетания, по сравнению с простыми, являются более полным отражением фрагментов ситуации, в связи с чем в

составе предложения они представляют собой более насыщенный подержительный компонент. Обладая большей информативностью, они имеют и большие художественно-образительные возможности, которые определяются предметно-логическим значением стержневого субстантива, а также диапазоном и характером охваченных признаков. Называя явление и указывая в зависимых словах его признаки, данные словосочетания выражают сложные понятия, включающие разнонаправленные и потому объемные характеристики.

Сложные субстантивные словосочетания (далее ССС) по семантике могут быть атрибутивными (длинный демикотоновый сюртук), атрибутивно-объектными (главный предмет его вкуса и склонностей), атрибутивно-обстоятельственными (затянутая вдали песня) и объектно-обстоятельственными (сети для защиты от сорок и воробьев). По экстралингвистическому содержанию в художественном произведении их можно подразделить на относящиеся к миру человека и к миру природы. В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя значительно преобладают первые.

В ССС, относящихся содержательно к миру человека, стержневой субстантив обозначает человека, предмет, признак, действие, состояние. Именуя человека и предмет с присущими им признаками, ССС функционально могут быть профессионально-терминологическими, характеризующими и описательными. Первые являются нейтральными наименованиями и в тексте лишь обозначают субъект, предмет или место действия (инспектор врачебной управы, управляющий казенными фабриками, типография губернского правления, нижний земский суд). **Характеризующие ССС** содержат оценочный экспрессивный компонент, они участвуют в создании образов, выражают отношение к персонажу или предмету и как бы «привязаны» к ним (господа средней руки, дама приятная во всех отношениях, почтенный государственный человек, первый хапуга в мире, богатый помещик почтенного нрава, деятель фальшивых ассигнаций, бойкий бородатый хозяин постоялого двора, разночинный обработавший народ: фрак с покушениями на моду, сюртук губернского покроя, какая-нибудь выделяющаяся серая куртка). **Описательные ССС** непосредственно изображают человека, фиксируя его в определенном момент. Они обладают некоторой фотографичностью (замечтавшийся двадцатилетний юноша, молодой человек в белых канифасовых панталонах, пешеход в потертых лаптях, солдат верхом на лошади, детина в красной рубахе; зеленый ящик с свинцовым горохом, длинные заборы с известными заборными надписями, щи с городским мягким пирогом, серые деревни с самоварами). Конкретная лексика в составе этих ССС дает возможность четко представить предмет в его виде. В ССС с **отглагольными** существительными представлено именование действия с сопровождающими его признаками (вечернее стоянье у ворот, политическое держанье за белы ручки, задумания на завтра сходка со своим братом в неприглядном тулупе, приказание рано поутру заложить лошадей, взмахивание картузом пологового, стук колес подъехавшего экипажа, появление его на бале, увоз губернской дочери). Данные ССС выполняют констатирующе-описательную функцию, за каждым стоит эпизод, действие, они живописны своим содержанием, своей потенциальной динамичностью, «картинностью».

ССС с субстантивом **состояния или признака** лица по отношению к персонажу являются часто характеризующими (сильная робость ко всем присутственным местам, удовольствие спокойной жизни, загородное побуждение к просвещению, неприятное расположение духа, единодушный восторг взволнованных им душ). Имея яркие признаки книжности, эти ССС могут быть выражением либо возвышенного, либо ироического отношения к лицу.

ССС, относящиеся к **миру природы** являются всегда описательными, за каждым стоит фрагмент пейзажа, в их структуре нередко тропы (низенькие жидкие кусты молодых сосен, вечные линии сияющих гор, серебряные ясные небеса, ромоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы, сосновые верхушки в тумане).

Гоголь широко пользуется сложными словосочетаниями как конструкцией, позволяющей компактно, емко выразить сложное понятие. В тексте «Мертвых душ» наблюдается склонность автора именовать предмет с присовокуплением ряда характерных признаков. Особенно выразительно это при описании дорожных впечатлений, где многие предметы именованы сложными словосочетаниями.

А. Н. БУКАРЕВА (Нежин)

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Высоко оценивая «Мертвые души» как реалистическое произведение, В. Г. Белинский подчеркивал глубокую оригинальность, художественное совершенство стиля поэмы. «Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза... определенно выражает у него мысль, и тщетно вы хотели бы придумать другое слово для выражения этой мысли. Это значит иметь слог, который имеют только великие писатели...» Наша задача — рассмотреть функции деепричастий и деепричастных оборотов как один из компонентов системы средств художественной выразительности в поэме «Мертвые души».

В первую очередь обращает на себя внимание более частое по сравнению с языком Карамзина, Пушкина, Лермонтова употребление деепричастий, обилие деепричастий совершенного вида, что сближает язык Гоголя с высоким стилем Кантемира, Ломоносова, Державина. Во-вторых, нетрудно заметить, что указанные формы входят в самые разнообразные изобразительные средства языка поэмы: в один из излюбленных приемов Гоголя — развернутое сравнение; в пейзаж; портретную характеристику героев; в лирические отступления автора. Часто встречается употребление в одном предложении причастных и деепричастных оборотов, последние нередко поясняются придаточными предложениями, определяя степень связи явлений и образов с действительностью. Из текста видно, что Гоголь: шел по пути социальной типизации образов. С этой точки зрения неоспоримо значение употребления оборотов в диалогах, внутренних монологах, авторском описании, как наиболее соответствующее выражение сочетания внешнего и внутреннего в образе. Кроме того, в поэме есть деепричастия, сопутствующие тому или иному персонажу. У Собаке-

вича — «нагнувши голову» и «наступивши на ногу» как выражение затаенной хитрости и грубости; у Манилова — «куря трубку», где деепричастие несовершенного вида, обозначающее одновременность, подчеркивает эфемерность, призрачность связи героя с жизнью. Весьма показательны многочисленные случаи концентрации деепричастий в пределах одного высказывания. В создании образа Чичикова Гоголь пользуется большим количеством оборотов, подчеркивая связь именно с социальными пружинами жизни. В этом отношении характерно описание сборов Чичикова перед поездкой к помещикам, где употреблено писателем около 6 оборотов, последовательность которых показывает, что берет Чичиков на вооружение для достижения цели поездки (создать облик добропорядочного человека), отсюда торжественный тон повествования; а несоответствие между торжественностью сборов и мизерностью цели приводит к иронии. Речь Чичикова перегружена деепричастными оборотами специальной канцелярской терминологии, что придает ей солидную «основательность». Характерно, что во внутренних монологах Чичикова обороты встречаются очень редко — проступает лаконизм, деловитость его мышлений. Изображая народ, Гоголь стремился вызвать не столько иронию, сколько боль за несущую жизнь мужика. В описании жизни крестьян — мертвых душ, приобретенных Чичиковым, писатель негодует на незлобливость русского мужика. При этом добавочное действие, выраженное деепричастным оборотом, приходит в столкновение с основным действием, выраженным глаголом-сказуемым.

Дополняя или характеризуя основное действие, деепричастные обороты функционируют как обстоятельства образа действия, причины, времени; реже как обстоятельства условия, цели. Это соответствует нормам современного русского языка. В зависимости от синтаксической функции и смыслового значения деепричастный оборот может предшествовать сказуемому или следовать за ним, но чаще оборот занимает препозицию.

Язык поэмы близок современному русскому языку и в плане отношения деепричастного оборота к тому или иному слову. Обороты чаще относятся к глагольному сказуемому (например, в размышлениях Чичикова после скандальной сцены с Ноздревым), могут и к именному; иногда к причастию и к инфинитиву (рассуждения автора о манере Собакевича говорить). Говоря об особенностях языка поэмы, следует отметить, что автор отдает предпочтение деепричастиям совершенного вида с суф. *-вши* по сравнению с формами *вышед.*, *пришед.*

Таким образом, деепричастия и деепричастные обороты, как и другие средства языка, служат для выражения автором его основной мысли — воссоздание наиболее объективной картины действительности.

Н. И. КРИВОШЕИ (Нежин)

АНТРОПОНИМЫ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Язык и стиль произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души» привлекали внимание многих исследователей (Мани Ю., Храпченко М. Б., Дудников А. В., Боголепов П. К., Еремина Л. И., Золотуский И. П., Турбин В. Н., Машинский С. И. и др.). Однако до сих пор остается до конца не изученным вопрос о поэтической ономастике. В пред-

лагаемой работе предпринимается попытка анализа способов отбора автором собственных имен (СИ) и их эстетической значимости в контексте поэмы.

Жанр произведения — поэма — обусловил пристальное внимание к реалиям, в том числе к людям. В свою очередь это отразилось в том, что текст поэмы насыщен номинативами людей. По нашим подсчетам, в тексте поэмы их 276 — значительно больше, чем СИ других тематических групп (топонимов, зоонимов, идеонимов и др.). Слова, входящие в группу антропонимов, неоднородны. Они разграничены по родовому признаку (женский и мужской род), социальной принадлежности носителя (помещики, чиновники, крепостные крестьяне, мещане, духовенство). Такое разграничение проявляется в грамматических особенностях СИ (выбор окончания или суффикса). Интересно соотношение в тексте мужских и женских антропонимов (соответственно 227 и 49). Особенно велика разница в количестве упоминаний личных имен (48 и 17), фамилий (104 и 8). Среди фамилий помещиков большинство — мужские (кроме Коробочка, Манилова), а фамилии крестьян, кроме Воробей, все мужские. Вполне возможно, это связано с незначительной социальной ролью женщин в обществе I пол. XIX века.

Антропонимы выполняют в тексте различные функции: обозначения художественного пространства (места, где совершается действие), социальной дифференциации, фоновую, характеристическую, художественно-изобразительную. Выполнение антропонимами различных функций, особенно характеристической, во многом определяется языковыми особенностями СИ. Дело в том, что, по нашим наблюдениям, Н. В. Гоголь не только создавал, но и умело подбирал фамилии своим персонажам. Подтверждение этому находим в справочной, мемуарной литературе того времени. Мастерство Гоголя заключалось в том, что он реальные фамилии делал «говорящими».

Стилевая функция (эстетическая значимость СИ в контексте) зависит от нескольких факторов:

а) от семантики корня фамилий. Так, обратившись к Толковому словарю живого великорусского языка В. Даля, можем объяснить этимологию некоторых фамилий (Манилов — от слов манить, заманивать, «манила — кто манит, выманивает, приманивает, обманщик, надуватель»; Ноздре: — ноздря, «ноздrevатый, исполненный скважин, дыр, в виде ноздрин»; Собакевич — «собачливо — жадно», «собачиться — говорить бранчливо, ругать»; Плюшкин — «плюхнуться, шлепнуться, упасть, обш. в мокро, в грязь», «сесть шлепком... не на свое место», «плюха, оплеуха, пощечина»; Чичиков — «чеча, чечя — неженка прихотник», «чичиговатый — низ. прм. упрямый, беспокойный, причудливый, привередливый, на кого не угодишь»);

б) эмоционально-экспрессивного оттенка значения фамилий (чаще отрицательного). Особенно ярко этот фактор проявляется в использовании параллельной семантики при перечислении: «Бобров Свиньин, Канапатъев, Харпакин, Трепакин, Плешаков», (т. I, гл. III); «Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков-полковник, Собакевич» (т. I, гл. IV). При этом усиливается ассоциация с животными (Бобров, Свиньин, Блохин, Собакевич) или подчеркивается связь с физическими недостатками (Канапатъев, Плешаков);

в) создания оксюморона, возникающего между «низким» значением корня фамилии и «высоким» (аристократическим) оттенком суффикса (Храповицкий — храпеть, Трухачевский — труха).

Эстетическую значимость СИ усиливают особые способы, с помощью которых Гоголь вводит их в текст. Например, приемы «экспрессивного умножения» (Петр Петрович Петух, Федосей Федосеевич); оксюморона (в словосочетании «Иностранец Василий Федоров»); использование тематического поля фамилий (Бобров, Свинын; Канапатьев, Плешаков).

Исследование поэтических возможностей СИ в поэме «Мертвые души» позволяет глубже понять тему, идею произведения, заглянуть в творческую мастерскую писателя.

А. А. ЖИВОГЛЯДОВ (Переяслав-Хмельницкий)

ОБРАЗНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОНОМАСТИКОНА ГОГОЛЕВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Категории образность и образ являются ключевыми для теории познания, психологии, семиотики, искусствоведения, теории литературы, языкознания и других наук, так как в основе лежит общее понимание образа как «предмета в отраженном виде». Существенными признаками образа являются его двойственность (конкретность и обобщенность одновременно), приближенность, и вторичность образа по отношению к объекту отражения.

Художественный образ, в широком смысле, есть любой содержательный элемент произведения соотношенный с объективным миром. В этом смысле можно говорить об образе эпохи, образе того или иного класса, образе того или иного персонажа и т. д., хотя весьма часто, когда в литературоведении говорят о художественном образе, имеют в виду как раз образ персонажа, образ-характер. У Гоголя это, конечно, образы, представленные такими именами, как Чичиков, Тарас Бульба, Хлестаков или Подколесин, то есть центральные герои. Структура таких образов изоморфна образной структуре самого произведения. Конкретностью в этих случаях обладает имя, а обобщение возникает в результате отнесенности художественного произведения к действительности.

Образы центральных персонажей достаточно «размыты», то есть приближительны, и не могут быть раз и навсегда уложены в ту или иную схему, ибо, если содержательные элементы произведения остаются неизменными, то действительность изменчива, и поэтому в разные периоды соотношение между ними дает разную степень и характер обобщения. Вероятно, из-за этого так быстро устраивают хрестоматийно-школьные интерпретации гоголевских образов. Показательны также и определенные неудачи переводческой практики в ее уже полусторавековой попытке приблизиться к идеалу, как будто подтверждающие пессимистические прогнозы В. Белинского, а затем и В. Набокова относительно возможностей полноценного перевода произведений Н. В. Гоголя на иностранные языки.

Данный вывод, однако, противоречит тому обстоятельству, что межязыковое перекодирование само по себе является творческим процессом и ему, как и любому творчеству, свойственны и приближенность и выборочность отражения. Вопрос лишь в степени такой

выборочности и приближенности. Первое относится к проблеме единицы перевода, а второе — к его реалистичности. Так, например, фантазмагория «Мертвых душ» разворачивается на фоне реалистической действительности. Отсюда и реализм образов. Если же действительность предстанет в виде выморочной картины закопченных печной сажей стен общей залы гостиницы города № (в переводе К. Гарнет), то не может быть и адекватной оценки характеров (и событий). Ибо все позволено в перевернутом мире, где вместо табачного дыма, то есть «трубочного», как у Гоголя, стены темнеют от печного, который вопреки здравому смыслу выходит не наружу, а поступает внутрь помещения. Может и купля-продажа несуществующих душ, думается читателю, в такой стране вполне приличный «бизнес».

Что же касается единицы перевода, то есть тех элементов текста, которые нельзя безболезненно опустить в переводе, то, как показывает весь предшествующий опыт, у Гоголя к таковым несомненно относятся единицы ономастической лексики и прежде всего — имена на первый взгляд незаметного, но весьма многочисленного «населения» его произведений, которые прямо не участвуют в развитии сюжетной линии, но без которых тускнеют образы центральных героев. Вместе с тем достаточно широко распространено мнение о принципиальной непереводаемости той категории лексики, которую называют антропонимами. Это обстоятельство, как бы всегда и оправдывало ономастические купюры. В самом деле, как быть с именами типа Чипхайхилидзе или Петр Варсонофьевич, с одной стороны, и Кифа Мокиевич — Мокий Кифофич, — с другой? Выход, однако, есть если признать наличие у данной категории лексики «внешней» образности или того, что принято называть звуковой семантикой слова. Тогда проблема сводится к реконструкции звукозаписи оригинала, поэтического воссоздания фонографического облика имени, и тогда прав Л. С. Бархударов, предлагавший рассматривать межъязыковое перекодирование на уровне фонемы или графемы как один из видов художественного перевода.

На следующем языковом ярусе размещаются имена типа Дяпкин — Тяпкин, Тряпичкин, Харпакин, Трепакин и т. д., то есть те из них, у которых образностью обладают непосредственно составляющие их морфемы. Наконец, «внешняя» и «внутренняя» образность совмещаются у имен типа Никита Волокита или Пузатый Пацок. Учитывая также наличие фразовых имен типа Григорий Доезжай-не-доедешь мы можем заключить, что образная реконструкция гоголевского ономастикона представляет собой динамический процесс, затрагивающий все основные уровни языковой иерархии и включающий в качестве теоретической посылки расширительную трактовку понятия образности.

Л. П. ВОЛКОВА (Черновцы)

СКОЛЬКО ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В КОМЕДИЯХ ГОГОЛЯ?

В «Театральном разезде» Н. В. Гоголь отмечал, что на сцене, в действительные пьесы должны быть вовлечены все действующие лица, все должны быть активными участниками событий. Те, которые ближе стоят к этому событию, вернее, те, которых оно сильнее затронет, будут «преобладать», «их можно только назвать главными».

В «Женитьбе» преобладают два героя: Кочкарев, Подколесин. Применяя терминологию Станиславского, главным героем, ведущим «внешнее действие», следует считать Кочкарева, ведущим «внутреннее действие» — Подколесина. Кочкарев — воплощение активного начала. Подколесин же не способен к активному действию. Крда он на сцене, действие топчется на месте. Но пассивность Подколесина активна.

Сквозная задача Кочкарева — женить Подколесина. Сквозное действие — любыми средствами добиться осуществления поставленной задачи. Сквозное действие и сквозная задача распадаются на ряд конкретных действий и задач. Сквозная задача Подколесина — жениться: «Ему страх как хочется жениться, но приступить к делу он не в силах» (Белинский). Это определяет сквозное действие Подколесина: сохранить холостой образ жизни, т. е. не жениться! Здесь редкий случай, когда сквозная задача и сквозное действие персонажа противоположны.

При ведущей активности Кочкарева развитие сюжета определяется взаимодействием обоих героев: как футбольный мяч, действие перебрасывается от одного героя к другому. Конфликт возникает вследствие столкновения напора Кочкарева и нерешительности Подколесина. Завязывает действие появление Кочкарева в доме Подколесина, его активное вмешательство в чужое дело: действие I, явление 9. (Первые восемь явлений — экспозиция действия). Намерение Подколесина жениться, почти трехмесячное хождение к нему свахи и стремление Кочкарева женить друга завязывают драматический узел. Действия обоих героев определяют и кульминацию (д. II явл. 19). Это — напряженный момент, когда Кочкарев от имени друга предлагает руку невесте, и Подколесин заявляет о своем желании венчаться «сей же час». Здесь впервые действия обоих героев совпадают, хотя направляющим началом остается Кочкарев.

Выход из пьесы пассивного героя Подколесина приводит к тому, что в развязке катастрофу терпит неуемный Кочкарев. Подобное наблюдается и в «Ревизоре»: уезжает Хлестаков, а в результате катастрофа обрушивается на Городничего. Внешне тут «обратная» ситуация, а по сути — тот, что больше всех суетиться, терпит полное поражение.

Вопрос о том, кто главный герой в «Ревизоре», решить не так просто. Сложность его видна уже в колебаниях Белинского. Если в 1840 г. критик считал, что герой комедии не Хлестаков, а Городничий, то в 1842 г. утверждал противоположное. Чтобы разобраться в системной взаимосвязи группировки персонажей с сюжетосложением, введем как рабочие термины оппозицию литературный герой и драматический герой. Драматургия — часть литературы. Одновременно она — важнейший компонент сценического искусства. Поэтому понятие драматический герой не накладывается на понятие литературный герой. Литературный герой это — персонаж, привлекающий особое внимание автора, он — весом для понимания идейного смысла произведения и типизирует важнейшие явления жизни. В то же время литературный герой не обязательно должен быть активным, двигать сюжетное действие. Драматический герой это — человек, способный к целенаправленному действию, он преодолевает препятствия, ведет актив-

ную борьбу. Поскольку каждая пьеса — явление словесного искусства, в ней имеются литературные герои, в том числе главный (главные). Поскольку пьеса — явление театрально-драматического искусства, в ней должен быть драматический герой. Чаще всего в пьесах главный литературный и главный драматический герой совпадают: Тартюф, Чацкий, Катерина и т. д.

В драматургии Гоголя главный литературный и драматический герой не совпадают. Отсюда постоянные колебания критиков и литературоведов, когда они стремятся установить одного, единственного главного героя. В «Женитьбе» главный герой — Подколесин. В «Ревизоре» — Хлестаков. Они показаны всесторонне, но не через совершаемые ими действия-поступки. В конструкции гоголевских пьес главный литературный герой отнюдь не занимает основного места. Когда уходит Подколесин, действие продолжается. А в «Ревизоре» Хлестаков вообще присутствует в трех действиях из пяти. Драматические главные герои не выбывают из сценического действия до конца.

По большинству параметров «план», композиция «Игроков» однотипны с «Женитьбой» и «Ревизором». Завязка охватывает всех персонажей даже плотнее, чем в «Женитьбе» или «Ревизоре». Главный активный Ихарев завязывает действие и противопоставляет многочисленной шайке шулеров во главе с Утешительным. Члены шулерской шайки ведут себя активнее, наступательнее, чем чиновники в «Ревизоре» или женихи в «Женитьбе». Их суммирующиеся с утешительным контрдействия перекрывают активность Ихарева, который превращается в пассивного героя. По участию в сценическом действии он уподобляется Хлестакову, давая увлечь себя событиями Предфинальный монолог Ихарева напоминает «речь» Подколесина перед прыжком в окно и рассуждения Горюничего, выдающего себя петербургским чиновником. Все три комедии заканчиваются поражением главного активного героя. Превращение по мере развития сюжетного действия активного героя в пассивного — отличительная особенность «Игроков».

Во всех трех комедиях окончания похожи: бегство одного главного героя, сцена узнавания, приводящая к комической катастрофе. Особенность «Игроков» и в том, что последняя сцена содержит узнавание не только для персонажей, но и для зрителей, что усиливает эффективность финала.

И. М. ГЕТМАН, А. И. КУЗЬМИНА (Нежин)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ.

К прецедентным относятся такие тексты, которые характеризуются, во-первых, хрестоматийностью и, во-вторых, способностью своих элементов (имя автора, имена персонажей, фрагменты текста, ставшие крылатыми словами и выражениями) выступать в семиотической функции. В первом случае подразумевается известность автора, его произведений, имен персонажей и т. д., которая не обязательно связывается с включением того или иного произведения в школьную и вузовскую программу, а объясняется необходимостью знания текста личностью, входящей в конкретный социум. Во втором случае имеется в виду использование имен собственных или частей

текста как номинативных единиц языка, которые вызывают в сознании читателя (слушателя) текст или связанные с ним понятия и значения. Несомненно, что к прецедентным текстам относятся сказки, песни, высокохудожественные произведения классики. Прецедентным текстам свойственна также реинтерпретируемость, или такое семантически неустойчивое состояние, когда содержание текста зависит от ряда превходящих факторов: уровня образованности, профессии, эпохи и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что значительная часть произведений Н. В. Гоголя перешла в разряд таких текстов: «Ревизор», «Мертвые души», «Записки сумасшедшего», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Тарас Бульба» и др. Прецедентный гоголевский текст вводится в речь в препарированном виде: цитатой, намеком (перифразой), именем персонажа. Цитата или имя собственное, вырванные из контекста произведения, постепенно превращаются в средство номинации самого текста, в своего рода авторский неологизм, который со временем входит в систему языка, но сохраняет содержательно контекстуальные связи с источником.

Важным свидетельством того, что текст относится к прецедентным, является цитирование его частей без указания источника. Кроме этого фрагменты прецедентного текста фиксируются толковыми словарями и словарями крылатых слов и выражений. В толковых словарях русского языка отмечаются лишь те элементы прецедентных текстов, от которых образуются новые единицы (машиловщина — Машилов). Более надежным свидетельством можно считать словари крылатых слов и выражений, где помещается около 80 единиц. Однако не все из них попадают в словари, и в текстах сатирического и публицистического типа встречаются единицы, не включенные в словари: Сквозник — Дмухановский (или: Антон Антонович), с Пушкиным на дружеской ноге, Бобчинский и Добчинский, немая сцена, капитан Копейкин, к нам едет ревизор и др.

Крылатые выражения Гоголя отличаются двумя особенностями. Во-первых, единицы из его произведений по большей части несут на себе отрицательные коннотации, так как единицы обозначают обычно социально осуждаемые качества человека. Лишь отдельные выражения заключают положительную оценку события: «Есть еще порох в пороховницах», «Отыскивался след Тарасов!», «Птица-тройка», «Из прекрасного далека». Во-вторых, из значительного количества имен персонажей, ставших крылатыми, носители имен могут быть как главными, ключевыми фигурами в произведении, так и периферийными. Чичиков появляется во всех главах «Мертвых душ» и становится символом, в то время как Держиморда и Неужай-Корыто лишь упоминаются писателем, но оба имени включаются в словари крылатых слов, а М. Е. Салтыков-Щедрин под этими именами выводит героев своих сатирических очерков.

Изучение прецедентных гоголевских текстов представляет научный интерес как с точки зрения лингвистистики, так и с точки зрения лексикографии языка писателя.

ОСОБЕННОСТИ ГОГОЛЕВСКИХ ЗАГолоВКОВ

Заголовок (заглавие) принято рассматривать как структурный компонент текста, который несмотря на свое обособленное положение тесно связан с другими элементами текста и прежде всего с его сильными позициями. Будучи предтекстовым знаком, заголовок выполняет множество функций: эстетическую, делимитативную, информативную и т. д. Кроме того в художественном произведении он служит своеобразным ключом к пониманию идейного содержания и довольно часто отражает авторское отношение к изображаемому.

Слова и сочетания слов, выбранные писателем в качестве заголовка, могут обраться дополнительными смысловыми и эмоционально-экспрессивными оттенками. Причем замечено: чем глубже подтекст произведения, тем вероятнее приращение смысла, процесс, превращающий заглавие как номинативный знак в заглавие-символ. Указанное явление отмечается практически во всех заглавиях произведений Н. В. Гоголя, доказательством чего может служить тот факт, что многие из них вышли за пределы текста и воспринимаются носителями языка как крылатые слова и выражения. К ним в первую очередь относятся «Мертвые души», «Ревизор», «Записки сумасшедшего» и др. Заголовки произведений Н. В. Гоголя можно разделить на несколько типов:

1. Персонифицированные заголовки. Такие отсылки к образам могут быть выражены собственными именами («Ганц Кюхельгартен», «Тарас Бульба», «Вий»), нарицательными существительными («Ревизор», «Гетьман», «Игроки»), сочетанием имен собственных и нарицательных («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»). Заголовок-отсылка может не только указывать на персонажи, но и давать ему некоторую предварительную характеристику («Старосветские помещики»).

2. Объективные заголовки. Интересно, что именно эти заглавия, большинство из которых представлено конкретными именами существительными, в пределах текста абстрагируются и воспринимаются как отвлеченные слова-символы, рализуя одноуровнево как прямое, так и переносное лексическое значение («Нос», «Шинель»; «Портрет», «Коляска», «Пропавшая грамота», «Мертвые души»).

3. Локализованные заголовки. С помощью таких названий («Лакейская», «Рим», «Заколдованное место», «Невский проспект», «Сорочинская ярмарка») автор обозначает место действия. Эти заголовки также подвергаются переосмыслению и воспринимаются читателем не только буквально, но и аллегорически.

4. Хронологические заголовки. Такие хронологические маркированные заглавия встречаются у Гоголя пять раз, из которых только одно включает слово «Утро» («Утро делового человека»), четыре же остальных связаны с поздним временем суток: «Майская ночь или Утопленница», «Ночь перед рождеством», «Ночи на вилле», «Вечер накануне Ивана Купала».

5. Предикатные заголовки. В них автор обращает внимание читателя на основное действие («Женитьба», «Тяжба», «Страшная месть», «Театральный развезд после представления новой комедии»).

6. Жанровые заголовки. Сюда относятся два названия: «Повесть

о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Записки сумасшедшего».

Эстетическую значимость имеют и подзаголовки: на сатирический характер «Повести о том, как поссорился...» указывают длинные и намеренно бессодержательные названия глав, особенно 2-й, 6-й, 7-й, а наблюдения над тем, как изменяются подзаголовки в «Записках сумасшедшего», позволяют читателю судить о степени болезненного состояния персонажа.

Таким образом, анализ заголовка (подзаголовков) художественного произведения — это весьма эффективное средство для проникновения в подтекст. Необходимо помнить при этом, что заголовок, являясь рамочным знаком (В. А. Кухаренко), требует непременно возвращения к себе: с него начинается и им должно завершаться чтение.

Л. И. ШАПОВАЛОВА (Могилев)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ АДРЕСАТА РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

В художественных текстах выбор прагматических номинаций адресата речи определяется условиями общения персонажей и их личностными отношениями.

Условия речевого общения персонажей характеризуются такими прагматическими показателями, как способ общения (непосредственный контакт с реальным собеседником, обращения к воображаемому, собеседнику, обращение к самому себе) и объем и характер сведений о собеседнике. При непосредственном общении с известным собеседником в основу номинации кладутся эмпирические сведения о нем. При речевом контакте с неизвестным собеседником номинативными признаками являются зрительно воспринимаемые приметы или признаки, связанные с его действиями, модально-волевыми актами и т. п. В произведениях Н. В. Гоголя такие номинации используются, когда группу лиц целесообразно называть по общему ситуативному признаку: Да выбирайтесь из ряду, **молодцы, которые позубастее**, задирать неприятеля! (Тарас Бульба) и для преднамеренного «обезличивания» адресата, выражения пренебрежения к нему: Держиморда. Куда лезешь, **борода!** Говорят тебе, никого не велено пускать! («Ревизор»). Непосредственный акт номинации неизвестного адресата может предваряться вспомогательными контактными средствами, имеющими форму усеченной вопросительной конструкции, включающей вопросительные слова **как (кто)**, местоимения **тебя (вас)** или наречие **там**: Эй, **кто там**, подойди, **братец**, сюда! («Коляска»). Выбор номинаций (идентифицирующих и квалификативных) для воображаемого собеседника — лица или олицетворенного предмета — опирается только на эмпирические сведения о персонаже-адресате. Такие номинации-обращения у Гоголя отмечены, например, в эпистолярных частях текста комедии «Ревизор» и повести «Нос» и в лирических отступлениях «Мертвых душ». Обращение говорящего к самому себе используется в «Ревизоре» при разрядке конфликтной ситуации, когда городничий, оценивая свое поведение, употребляет квалификативные автореферентные номинации с пейоративным значением **старый дурак, глупый баран, толстоносый**. В другой реплике этого персо-

нажа Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вот как дело-то пошло! автореферентной номинацией с мелиоративным значением подчеркивается удовлетворенность персонажа поворотом событий.

Личностные отношения персонажей, определяющие выбор номинации адресата речи, дуплановые — социально-этические и субъектно-эмоциональные.

Номинации адресата речи, мотивированные социально-этическими отношениями, характеризуют социальное положение персонажей, их должностную субординацию, профессиональную принадлежность и т. п. Причем все формы таких номинаций в украинских повестях Гоголя имеют национальную «маркированность»: официальные формы (пан, панове; господин, сударь, сударыня), официально-ранговые формы (гетьман, атаман, батько, кошевой; городничий; баба, мальчик); социально-престижные формы (ясновельможный пан, ваша ясновельможность; ваше превосходительство, ваше высокоблагородие), социальные формы релятивных номинаций — наименований родителей (батько; папа, тятя, мать, маменька), социальные формы гипокористик (Андрій, Явтух, Парасю; Мишка, Дуняшка; Настенька; Луканчик).

Номинации адресата речи, мотивированные субъектно-эмоциональными отношениями персонажей, отражают чувства и эмоции говорящего, вызванные собеседником, а также его оценку внешних данных и внутренних свойств адресата: Шенюк! Еще и родниться залудмад со мной! (Гетьман); А покажите-ка, Фома Большой, осетра («Мертвые души»); Ступай, простофля, прозеваешь! («Невский проспект»); Уж тебя-то не слушаюсь, ненасытное горло! — выкрикивала... Перфильевна. («Мертвые души»).

Особую группу составляют социально-маркированные этикетные квалификативные номинации с мелиоративным значением: любезный, братец, отец наш; душенька, душенька Осип, дупла моя, моя душенька Марья Антоновна, ангел души моей Марья Антоновна и т. п.

Выбор номинаций одного и того же адресата речи — эффективный прием, который используется Гоголем для выражения изменившихся отношений между персонажами или отношения персонажа говорящего к собеседнику. Так, в кульминационный момент форма Иван Никифорович заменяется официальной номинацией сударь. Когда Хлестакову нужно было получить обед, он именует трактирного слугу братец, любезный, а достигнув желаемого, — поросенок ты скверный, дурак. Употреблением в одной реплике городского квалификативных номинаций адресата речи с мелиоративным значением усиливается эмоциональная насыщенность сцены: Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много вяли? («Ревизор»).

Прагматические номинации адресата речи характеризуют сложные отношения персонажей, реализующиеся в речевом акте.

О Г МЕЛЬНИЧЕНКО (Липецк) ЖЕСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Проблема жестовой образности — важная сторона поэтики, художественного метода Гоголя, проблема, почти не изученная в литературоведении, а значимость ее бесспорна, особенно для такого писателя

теля, как Н.В. Гоголь. Гоголь — предельно «жестовый» художник. При помощи жестовой образности он выражает существенные смысловые, эмоциональные и интонационные аспекты повествования. Эволюция художественного метода Гоголя находила непосредственное отражение в эволюции жестовой образности писателя, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и вплоть до «Мертвых душ».

В «Вечерах...» жестовая образность — составная часть эстетической программы Гоголя. Заявление Рудого Панька — «издателя» повестей украинского цикла: «Нет, не люблю я этой знати» — общая демократическая платформа, на которой зиждется эстетическая программа молодого писателя. Составной частью этой программы, направленной на раскрытие народа «изнутри», с позиций самого народа, становится не только внимание и к жестовой образности народа как существенному способу его самовыражения.

В процессе формирования украинского национального характера у народа сложилась целая система жестов, несущих как определенный смысл, так и целую гамму ощущений, эмоций. Определенные жесты в народном духовном обиходе выражают определенные устойчивые типовые внутренние состояния человека. У народа существуют своеобразные «постоянные» жесты, которые могут быть уподоблены «постоянным» эпитетам, сравнениям в народной поэзии. Через устойчивые многократно повторяющиеся жесты в народе передается внутреннее состояние самых разных по характеру личностей, передается общий, а не неповторимо-индивидуальный признак персонажа. В повестях «Вечеров...» Гоголь щедро пользуется народной жестовой образностью, обогащая и разнообразя ее палитру. Неповторимую самобытную индивидуальность Гоголь передает при помощи специфических жестов, которые нередко доминантой поведенческого облика того или иного героя, заменяя его слово. Соотношение слова и жеста в «Вечерах...» — сложно и разнообразно: гармоническое единение со словом, усиление смысла слова, противостояние слову, опровержение слова, опережение слова и т. п.

Жест в ранней прозе Гоголя — излюбленный прием изобразительности не только при создании человеческих характеров, но и пейзажных зарисовок. Обилие жестов оживляет и одухотворяет картины природы. Свет и цвет, тепло и негу дня, пространство и время — все умеет Гоголь раскрыть через жест. Предельно субъективированный жест объединяет пейзаж с психологическим и эмоциональным настроением героев, служит средством выражения авторского идеала.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь не только продолжает традиции использования жеста, выработанные в «Вечерах...», но и обогащает их. Развитие жестовой образности находит выражение в новых ее проявлениях: появляется жестметафора, отчетливо проступает «этикетность» жеста. Своеобразный этикет поведения казачества, сложившийся на протяжении столетий, вовлек в сферу своего влияния и жестовое самовыражение запорожцев. Документально точно воссоздавая весь строй жизни и деяний Запорожской Сечи, Гоголь не мог не показать жестового проявления этой сложившейся этикетности.

Одна из самых существенных особенностей жестовой образности Гоголя-реалиста — отчетливая персонификация жеста. Жест выпол-

няет функцию, прежде всего, углубления и зрительно-динамического представления индивидуализированной характеристики персонажа. Почти всем героям «Мертвых душ» присущ свой неповторимый жест самовыражения. Через жест Гоголь дает героям социальную, психологическую, нравственную характеристику, выражает авторское отношение к изображаемому. Особенно значительной роли достигает жест в обрисовке эпизодических лиц.

Т. П. МАЕВСКАЯ (Нежин)

ГОГОЛЬ-ГИМНАЗИСТ В «ПУТИМЦЕ» Н. С. ЛЕСКОВА

Пленительный образ Украины, воссозданный Гоголем, привлекал многих украинских и русских прозаиков. А. И. Белецкий отмечал, что «...когда русским писателям XIX-XX ст. приходилось разрабатывать сюжеты из украинской жизни, они помимо воли покорялись интонации Гоголя, «повествовательной манере» его «Вечеров» (Білецький О. Збір. праць У 5 т. — Т. 4. — С. 579).

Повествовательной манерой гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» отмечены многие страницы лесковских произведений. К ним относится рассказ Лескова «Путимец» — «быль» о юном Гоголе в период учения в Нежинской гимназии.

Рассказ написан в стиле автора «Вечероя» и вместе с тем чисто по-лесковски. «Путимца» писатель относит к излюбленному им «апокрифическому» жанру (в подзаголовке значится — «из апокрифических рассказов о Гоголе») — и этим как бы подчеркивается легендарный характер героя-гимназиста. В создании образа юного Гоголя сказалась лесковская манера изображения «праведников», «антиков», «чудаков».

Образность и интонация «Вечеров» прочитывается в рассказе Лескова. «Путимцу», как и «Вечерам» предпослано «предисловие», в котором выясняется предыстория рассказа, его «достоверность» и уясняются «лица» его возможных «повествователей». Удивительные события, описанные в «Путимце», предваряет картина украинского лета. Этот пейзаж исполнен поэтического чувства — гоголевская «живопись» огромности степи, ее простора, зноя, тишины в «Сорочинской ярмарке» как бы «повторена» Лесковым. Смысловая же нагрузка этих двух живописных образов украинского летнего дня различна. У Гоголя — это олицетворение безбрежного веселья и раздолья народной стихии, ощущение радости и гармонии жизни — ничто не нарушает «сладострастия и неги малороссийского лета». У Лескова — гармония «неоглядной малороссийской степи» диссонирует с «грязными оводами с огромными зелеными глазами», что в свою очередь, отвечало мотиву «Путимца» — столкновение героя с «душевной мерзостью», которую по его убеждению необходимо обличать «здоровым смехом».

Интонация «Вечеров» сказалась и в «диспутах» Гоголя-гимназиста с его товарищем Чернышом. Идейно-эстетическая функция народной песни в структуре цикла «Вечеров» и каждого рассказа в отдельности конструктивна: например, народная песня предпослана в качестве эпиграфа главам «Сорочинской ярмарки», она верная спутница героев «Майской ночи, или утопленицы». Песня присутствует и в «Путимце»: она сопутствует юному Гоголю в танце, шут-

ке, в веселіє і в споре с приятелем. Гоголевської традицією отмечені в «Путимце» і мотив тривоги за человека, і мотив боротьби за **горьство правды**.

Символічність і емоціональність пейзажа, фольклорний елемент, мотив добра і зла, столь характерні для «Вечеров», — все это было творчески переосмыслено в «Путимце». Об'єднуючи легенду і реальність, Лесков воссоздає образ Гоголя-гимназиста таким, яким він представлявся його поетическому видінню: неугомонно веселий юноша, любитель мистифікацій, гуманіст, правдоискатель, а також схильний к самоаналізу і пророчествам человека.

Лескову був близьок не тільки Гоголь-сатирик, но і Гоголь создатель панорами української життя с ее народным бытом, юмором, музыкой, песнями, природой.

О. О. СИДОРЕНКО (Ніжин)

ДО ПРОБЛЕМИ ВИХОВАННЯ ОСОБИСТОСТІ У ПРОЗІ ГОГОЛЯ. КУЛІША, ПАНАСА МИРНОГО.

Просвітництво, що стверджувало розумний суспільний лад, заснований на природному житті людини, поширювало ідеї «правильного «виховання, висловлювало віру в оздоровлення і перевиховання усіх членів суспільства в душі гуманізму, мало великий вплив як на окремих письменників, (Котляревський, Гоголь, Квітка-Основ'яненко, Гребінка, Куліш, Шевченко, Панас Мирний та ін.), так і на формування окремих жанрів і жанрової системи в українській літературі. В поемі М. Гоголя «Мертві душі» поруч із формами авантюрного, крутійського, нравоописового романів зустрічаємо й структурні елементи та основні жанрові ознаки роману виховання — типового просвітницького жанру, що відтворює процес становлення особистості, її виховання суспільним впливом. Багато дослідників уже звертали увагу на історію душі Тентетникова» як на типовий зразок жанру, але питання про її роль у структурі всієї поеми залишається поки що відкритим. Як і «повість про капітана Копейкіна», що є ключем до пізнання глибинної суті Чичикова, його «походженій» і крутійських витівок, так і «Історія душі Тентетникова» (роман виховання в мініатюрі, за словами М. М. Бахтіна) мусить стати лейтмотивом, прологом до неодмінних (за логікою творчої еволюції автора і вимог жанру (духовних пошуків, боротьби, визначення свого внутрішнього високого «Я» на шляху до Ідеалу (якого саме — цього ніхто не знав). Таким чином, романтичний за своєю природою образ «джентльмена-розбійника» (Ю Лотман), ховаючись під машкарою крутія-ощуканця, врешті-решт має вийти на шлях перевиховання, духовного очищення, тобто повернутися в типове просвітницьке коло буття, якому начебто іманентно властиві функції «відпускання гріхів» і оновлення. Як відомо, цього не трапилося, оскільки Гоголь на той час був уже свідомим, того, що Просвітництво не є найдовіршеним з усього того, що витворив людський розум.

Майже таку «виховну ситуацію», де герой — «вовкулака, перевертень», що вдень живе одним життям, а вночі зовсім іншим, відтворено в романі «Хіба ревуть воли...». Подібним видається і шлях героя; від падіння через очищення прийти до вимріяного Ідеалу.

Значно різниться від названих вище персонажів герої біографічних повістей П. Куліша (Ніколаша). Різниться перш за все типом виховання — духовно-аристократичним, «джентльменським»; умовами (школа, гімназія, майбутній університет), виразною «безнаціональною» проблематикою, орієнтацією на європейські зразки, тяжінням до «правильного», а не до «козацького» виховання (як у «Тарасі Бульбі»), чи до такого, як просто «у люди вивело б...» (Чіпка).

Українська література I пол. XIX ст. не знала традиційного конфлікту між Просвітництвом і Романтизмом (між просвітницькою ідеєю «безнаціонального» виховання і романтичним «духом нації»). Характерною рисою оповідної прози даного періоду є синтез і просвітницького, і романтичного начал. Оскільки для романтиків найвищим досягненням «духу нації» є славне козацьке минуле, то й ідеалом виховання був справжній козак, «козарлюга, лицар-характерник. Все становлення впиралося в чіткі межі, — межею найвищої якості вважався прищеплений юнаку вільнолюбивий козацький дух, зверхнє ставлення до «некозацького» способу життя. Звідси ж ішло романтичне возвеличення Запорізької Січі як «духівниці» українського народу.

Саме такий тип виховання, спрямований на збереження і розбудову «козацького духу»; характеру, вдачі у нащадків, бачимо у «Тарасі Бульбі», «Чорній раді», «Хіба ревуть воли...» (хоча Шраменко, герої «Чорної ради» рухається уже в напрямі до «сім'ї культурників» (П. Куліш). У романі «Хіба ревуть воли...» спостерігаємо сплав і просвітницького бачення процесу виховання, і романтичної ідеї «духу нації».

Таким чином, в оглянутих творах ми надібуємо декілька типів виховних ситуацій: «козацьку» і «селянську» як національні, і «аристократичну», «перевищовну» як загальнолюдські, типово просвітницькі, що засвідчує значний вплив просвітницької ідеології на вітчизняну літературу XIX ст.

В. М. ОЛІЙНИК (Ніжин)

М. В. ГОГОЛЬ і М. П. ДРАГОМАНОВ

Видатний український культурний і громадський діяч, учений М. П. Драгоманов неодноразово у своїх літературознавчих розвідках розглядав творчість М. В. Гоголя. Зокрема у статті «Українське письменство 1866—1873 років» він вказує на те, що сильний вплив на М. В. Гоголя мали твори І. П. Котляревського, Гоголя-батька та Гулака-Артемовського.

У статті «Література російська, великоруська, українська і галицька», написаній М. П. Драгомановим і О. П. Драгомановою-Косач, дається висока оцінка «Вечорам на хуторі побіля Диканьки», «Миргороду», «Женитьбі», «Мертвим душам», відзначається, що своїми творами М. В. Гоголь раз і назавжди повернув літературу Росії і України на дорогу реалізму, послужив тому, що «українці більш ще прив'язались до російської літератури». (Драгоманов М. П. Літературно-публіцистичні праці. У 2 т. — К., 1970. Т. 1. — С. 119).

Твори М. В. Гоголя, наголошує М. П. Драгоманов, написані на основі чисто народних тем і образів, з глибокою поціанню до укра-

їнського народу, якої не знайдемо у Квітки і П.Куліша. Ні у «Вечорах»..., ні у «Миргороді», ні у «Мертвих душах» письменник не переставав бути українцем. Його творчість напоєна любов'ю до України, просякнута українським фольклором. Герої творів М. В. Гоголя — «чисто українські типи».

«Тараса Бульбу» М. В. Гоголя М. П. Драгоманов і О. П. Драгоманова-Косач називають «історичною поемою», у якій змальовани героїчний український народ. На відміну від Т. Г. Шевченка, М. В. Гоголь у старій історії України бачив боротьбу українського народу проти унії, за права козаків, а не соціальну революцію.

Оселившись у Петербурзі, вивчивши життя різних суспільних верств у Росії, М. В. Гоголь сатирично змальовує дворянсько-чиновницькі кола її. При цім М. П. Драгоманов і О. П. Драгоманова-Косач дають високу оцінку «Ревізорові» і «Мертвим душам» за авторське проникнення у психологію героїв. Художню майстерність М. В. Гоголя вони порівнюють з майстерністю Тургенєва і Діккенса.

М. П. Драгоманов і О. П. Драгоманова-Косач звертають увагу на ставлення М. В. Гоголя до Куліша, творчість якого М. В. Гоголь вірно оцінив у своєму листі до Плетньова, як тільки вийшов у світ роман П. Куліша «Михайло Чернищенко». М. В. Гоголь назвав П. Куліша більш етнографом, ніж поетом. З історичних романів особливо виділяє «Чорну раду», відзначаючи добре знання П. Кулішем історії України, уміння скомпонувати хід дії у творі. Але змалювати живі людські типи як художник П. Куліш не зумів.

Належну оцінку дає М. П. Драгоманов науковій праці М. В. Гоголя про народну поезію, порівнюючи її з дослідженнями Максимовича і Цертелєва, Срезневського і Метлинського.

У статті «Галицько-руське письменство» М. П. Драгоманов критикує переклади творів М. В. Гоголя («Вій») галицькими перекладачами. Мова перекладів «язичієм» «не великоруська, — пише М. П. Драгоманов, — але ви'ять-таки й не є ціл'на, жива малоруська мова». Письменники ж, які відрікаються від живої мови народу Галичини, відрікаються і від самого народу. А яби такі перекладачі добре вивчили та зрозуміли М. В. Гоголя, то вони б ніколи не цуралися української мови, не підміняли б її «язичієм», — робить висновки М. П. Драгоманов.

И. Н. ЧЕРНИКОВ (Каменец-Подольский)

МЕРЕЖКОВСКИЙ И ГОГОЛЬ

Как отмечено В. Виноградовым, в конце XIX — начале XX в. возникает «реакция против «реализма Гоголя», пронизавшая символистские сферы: «Гоголю XIX столетия — реалисту... противопоставляют теперь, в эпоху символизма, Гоголя-ирреалиста, не знавшего действительности». «Материализму» и «утилитаризму» демократического мировоззрения XIX в. «старшие» символисты (В. Брюсов, Ф. Сологуб, Д. Мережковский и др.) противопоставляли «духовность», «цельность», «идеализм» Гоголя. Теоретиком «нового Гоголя» в среде «старших» символистов стал Мережковский, опубликовавший в 1903 г. в журнале «Новый путь» исследование «Судьба Гоголя».

Пафос солидной работы Мережковского — продемонстрировать «вечный и всемирный» смысл творческого пути Гоголя в противовес его интерпретации только в категориях социально-исторических

и национальных. Но разрешение этой обоснованной и достойной внимания задачи исказил субъективизм критика, его склонность к религиозной публицистике.

Мережковский сконцентрировал внимание на анализе внутренней драмы автора «Мертвых душ», прошедшего через трагедию «религиозной» борьбы человека со злым началом. В отличие от гармоничного характера Пушкина, натуре Гоголя присуще, по Мережковскому, «неравновесие тела и духа, «языческого и христианского», «реального и мистического». Гоголь страдал «болезнью нашего раздвоения»; результатом этого стала «трещина», разъединившая его мир. Творчество Гоголя в понимании Мережковского — «кошмар» Ивана Карамазова, борющегося с чертом. Представление о зле как антибожеском начале Мережковский воссоздает в ключе собственных понятий о космических антиномиях: так как бог — бесконечное, то черт — неоконченное, промежуточное, «вечная плоскость, вечная пошлость»; она — «единственный предмет гоголевского творчества». Сообразно Чичиков и Хлестаков привлекают внимание Мережковского в первую очередь как «две ипостаси вечного, всемирного зла».

Но отличить созданное Гоголем от реалистической литературы Мережковский был не в состоянии. Будучи противником революционно-демократических оценок Гоголя, он вынужден согласиться с тем, что «русские уроды» пришли в творчество классика «из русской действительности». И Чичиков в работе Мережковского не только часть метафизического зла, но плод и символ эпохи «копейки» с его «пронизавшим насквозь всю культуру промышленно-капиталистическим буржуазным строем». И капиталистическое развитие — это не больше чем безграничное приобретение, «лакопание мертвого капитала, сокровище «мертвых душ». С большою гордился Мережковский о том, что буржуазный антигуманизм в его время такой же, как в гоголевские времена: «Но разве и в современных государствах...» не бывает иногда точно так же душа человеческая, что пареная репа?» Но при этом автор «Судьбы Гоголя», увеличивая банальные аргументы антисоциалистической публицистики, не хотел признавать отличие буржуазных идеалов от социалистических. Чичиковское божество «довольства» Мережковский видел и в панацее Великого Инквизитора с его царством «умеренной сытости», и в «вавилонской башне социал-демократии».

Противоречивым являлось и отношение Мережковского к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Он порицает как «истинную «реакцию», как уступку «черту» те места «переписки», где Гоголь опускался до оправдания крепостническо-домостроевских порядков. Но вместе с тем «пророческий смысл книги он видел в том, что ее автор определял ценность существования народов их приближением «ко Христу».

Мережковскому нужен был Гоголь, но в Гоголе ему нужно было обнаружить себя. Мережковский педалировал иррационализм «мистцизм», тягу к бессознательному, зловещему в мировоззрении Гоголя, сам же порядок положительных ценностей творчества автора «Ревизора» и «Мертвых душ» он понял в очень искаженном выражении.

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В литературной критике неоднократно отмечалось, что глубина и многогранность поставленных проблем в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», сила художественного обобщения в значительной степени обусловлена литературными и фольклорно-мифологическими традициями, на которые опирается автор. Он вводит в свой роман целые культурные пласты, использует ряд художественных приемов изображения мира и человека, которые берут свое начало в произведениях великих предшественников. Богата родословная романа: произведения Гете, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и др.

Несомненная связь романа М. Булгакова с произведениями Н. В. Гоголя. Так, например, при описании московского мещанства М. Булгаков использует способ типизации героев, подобный тому, который встречается в поэме «Мертвые души». Перед нами героинь-маски. Как и персонажи «Мертвых душ», это люди, суть которых в основном сводится к какой-нибудь одной «страстишке». Они настолько похожи, инвентаризованы, что достаточно одного-двух штрихов, чтобы отметить их «индивидуальное», например, литераторов МАССОЛИТА отличает многое: один пишет стихи, другой — прозу, один «молодой в стрижке боксом», другой «пожилой с бородой». Все их объединяет столько призывание писателя, сколько обладание заветным членским билетом МАССОЛИТА, «коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой».

Иногда авторская ирония при изображении героев данного типа, как и чиновников из «Мертвых душ», перерастает в шарж, гротеск. Герой не только лишается лица-маски, а его полностью может подменить какая-нибудь вещь, например, председателя комиссии зрелищ и увеселений Прохора Петровича подменил костюм своего хозяина: разговаривал, когда хозяин, наконец, обличился в свой костюм, он одобрил все наложенные им резолюции.

Как и Н. В. Гоголь, М. Булгаков для нагнетания экспрессии в комедийно-сатирических сценах использует прием карнавального пафоса. Вспомним сцену бала в доме губернатора в «Мертвых душах» и сцену вакханалии в ресторане дома литераторов в «Мастере и Маргарите».

Традиции Гоголя в романе Булгакова и в использовании фантастики, с помощью которой автор низводит бытие московского мещанства до фарса, создает химерный, гротесковый мир, иррациональный. В нем человек кажется полностью зависит от стечения обстоятельств, от случая.

При всей внешней подвижности, «юркости и бойкости», мир булгаковских героев Гоголя, внутренне неподвижен. Человеческая сущность мало в чем меняется. Разве можно считать по эпизоду «Мастера и Маргариты», что произошли значительные перемены в мире московского мещанства. Перемены мнимые: Степа Лиходеев управляет теперь не Варьете в Москве, а заведует гастрономом в Ростове и не пьет больше портвейна. Алоизий Могарыч въехал в чужую квартиру и занял кабинет финдиректора Варьете Римского.

Следует заметить, что гоголевские приемы изображения мира и человека М. Булгаков использует не буквально, а творчески, обогащая и развивая их в соответствии со своей манерой изображения жизни.

Е. А. ЯБЛОКОВ (Москва)

ТРАДИЦИИ Н. В. ГОГОЛЯ И ТВОРЧЕСТВО А. П. ПЛАТОНОВА («МЕРТВЫЕ ДУШИ» И «ЧЕВЕНГУР»)

Тема «Гоголь и Платонов» до настоящего времени не получила освещения в работах советских и зарубежных литературоведов. Отчасти это связано с тем, что произведения, в которых наиболее рельефно выразились особенности платоновского стиля, стали открыты для широкой публики лишь недавно. Изучение вопроса о литературных «учителях» Платонова приводит, в частности, к выводу о том, что он вполне сознательно ориентировался на художественную традицию Гоголя: особенно наглядно это видно при сопоставлении поэмы «Мертвые души» и романа «Чевенгур» (1929).

Жанровое своеобразие «Чевенгура» еще не исследовано, но есть достаточно оснований причислять эту книгу к «роду повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей» (Н. Гоголь); жанровая «сверхзадача» «Чевенгура» явно напоминает о замысле гоголевской поэмы. Сближает эти произведения и центральный сюжетно-композиционный мотив путешествия, причем хронотип дороги в обоих случаях связан с символизацией конкретно-исторической реальности, с постановкой этических, а у Платонова — и гносеологических, проблем. Жанровым своеобразием обусловлена и особая постановка рассказчика у Гоголя и Платонова. Причем если в «Мертвых душах» совпадение, слияние «точек зрения» героя и рассказчика присутствует как тенденция, то в «Чевенгуре» это важнейший структурный принцип — здесь лирическое начало неразрывно с звучанием «хора», голоса как бы единого «коллективного» героя.

Обращает на себя внимание и наличие общего для обоих произведений «прототекста»: речь идет о «Божественной комедии» Данте. Можно сказать, что Платонов продолжил и своеобразно развил замысел Гоголя, намеревавшегося преломить русскую жизнь сквозь призму дантовской «Комедии». Имеются косвенные свидетельства того, что в ранней редакции «Чевенгура» существовали явные «дантовские» мотивы, реминисценции, впоследствии почти полностью исключенные автором. Однако осталась (как и в замысле «Мертвых душ») своеобразная трехчастность романа — причем, как и у Гоголя, три части «Чевенгура» явно соотносятся с образами «ада», «чистилища» и «рая».

Центральная смысловая оппозиция поэмы Гоголя — «живое-мертвое» — является важнейшей и для Платонова. Если автор «Мертвых душ» ставит эту проблему преимущественно в морально-философском смысле, то у Платонова она неотделима и от «натур-философского», природно-биологического аспекта: вопрос о возможности победы над смертью (энтропией для Платонова весьма актуален. Религиозно-духовная цель Гоголя — воскрешение «мертвых», заблудших душ — обогащается в «Чевенгуре» пафосом борьбы с

косно-«природным», инертным существованием человека и человечества в целом.

Роман Платонова роднит с «Мертвыми душами» и специфический пафос. Гоголевское сочетание «смеха» и «слез» в «Чевенгуре» превращается в «лирико-сатирическое» (М. Горький) отношение автора к реальности. Вопрос о том, в какой степени поэму Гоголя уместно считать сатирическим произведением, в полной мере относится и к платоновскому роману: взгляд на Платонова только как на сатирика советской действительности 20-х годов XX века оказывается неплодотворным и неадекватным самой манере писателя.

О близости Платонова к гоголевской традиции говорит ряд прямых «перекличек» между двумя произведениями — сходные мотивы, характеры, детали (например, образы тройки, мельницы в «Мертвых душах» и «Чевенгуре», характеры Платона Платонова у Гоголя — и Симона Сербинова у Платонова, и т. п.).

Т. Б. ЛЮКУМОВИЧ (Брест)

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТРИЛОГИИ ЯКУБА КОЛАСА «НА РОССТАНЯХ»

Под творческим воздействием русского сатирика развивалась литературная деятельность классика белорусской литературы Я. Коласа, который «с неизменным чувством благодарности» вспоминал своего наставника: «... Прочел я чудесные строки Гоголя и навсегда остался под очарованием могучего таланта, живописующего словом».

Общностью социальных условий объяснилось пристальное внимание Коласа к гоголевским произведениям. Опыт реалистического воспроизведения жизни автора «Петербургских повестей» и «Мертвых душ» понадобился ему для сатирического отражения повседневной действительности предреволюционных лет, для обличения дворянства, чиновников и духовенства, никчемности обывателей. Гоголь помогал основоположнику белорусской прозы увидеть за конкретными фактами исторические изменения, обобщать их, искать и находить новые средства художественной выразительности. Колас следовал знаменитому гоголевскому завету: совершенное произведение воздается при тщательной отделке, при освобождении от всего случайного, полным знанием описываемого явления и точной передачей всего того, что волнует писателя. Эстетический принцип Гоголя сыграл важную роль в творческой эволюции белорусского прозаика.

Эффективно использованы гоголевские традиции в трилогии Коласа «На росстанях» для отражения подъема духовных сил белорусского народа на пути к социальному и национальному освобождению. Гоголевские приемы типизации, лепки характеров, применения различных пластов народного языка, а также четкость композиции, уместное сочетание эпических и поэтических элементов, обращения к философским, публицистическим и лирическим отступлениям оказали Коласу действительную помощь в создании многогранного произведения.

Гоголевская школа сказалась в мастерстве обрисовки индивидуальных черт отдельного человека, в показе его жизненных интересов, общественных и личных забот. Колас умел несколькими штри-

хами создать неповторимый образ героя, раскрывая его внутренний мир и национальную специфику характера.

Белорусский писатель владел искусством создания живого диалога, естественных комедийных ситуаций. Неповторимо по коласовски звучит в трилогии гоголевский «смех сквозь слезы».

В изображении жизни простых людей Колас, подобно Гоголю, придавал исключительное значение фольклорным сюжетам, выражавшим народные представления об окружающем мире (легенды о Яшуковой горе и Шведском Сожжении).

Многие коласовские описания природы перекликаются с гоголевскими (описание Немана, лирические отступления «На простор, на широкий простор!» и др).

Автор трилогии иногда прямо ссылался на Гоголя, открыто обращался к образам и ситуациям его произведений. Подобные обращения вызывали у читателя соответствующие ассоциации, углубляли художественную выразительность повествования.

Опираясь на гоголевские традиции, на достижения русской классической литературы, Колас создал трилогию, полнокровно отразившую широкую картину жизни белорусского народа на историческом этапе возрождения.

Благодаря и урокам Гоголя белорусский писатель встал в один ряд с выдающимися представителями мировой литературы.

С. Н. ШОШУРА (Ужгород)

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» (МОТИВ ВОЗМЕЗДИЯ)

Вопрос о традициях Н. В. Гоголя в творчестве М. А. Шолохова привлекал внимание исследователей, тем не менее, он имеет неизученные аспекты. Один из них — использование в «Поднятой целине» М. А. Шолохова опыта классика русской литературы XIX века при воплощении мотива возмездия. Сопоставительный анализ его изображения в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя (сцена убийства Тарасом Бульбой сына Андрея) и во второй книге «Поднятой целины» М. А. Шолохова (эпизод гибели Тимофея Рваного от руки Макара Нагульнова) показывает большое сходство как по форме выражения, так и по своему содержанию, тональности. В том и другом случае все стиливые средства (детали предметной изобразительности, речевые особенности, форма повествования, композиция) подчинены одной цели — создать у читателя впечатление погибшей красоты и вызвать чувство глубокого сожаления по поводу происшедшего.

Переключившись Шолохова с Гоголем, на наш взгляд, сказывается и в том, что для обоих писателей характерно сочетание положительной эстетической и в некоторой степени нравственной характеристик персонажей с идеей неизбежного и сурового их наказания за совершенные проступки. Андрей у Гоголя — за измену своему народу, Тимофей Рваный у Шолохова — за неприятие Советской власти.

В определенной мере сходным у обоих писателей, по нашему мнению, является обособование положительной окраски личностей Андрея и Тимофея Рваного. У Гоголя оно зиждется на идее самоценности человеческой индивидуальности, ее неповторимости, благодаря чему она обогащает общество. Это завоевание романтического

искусства как раз и получает свое конкретное преломление в трактовке русским классиком привлекательных черт облика Андрея. Думается, что именно этот подход, трансформированный в советской литературе периода «оттепели», наступившей после смерти Сталина, дал о себе знать в «Поднятой целине» М. Шолохова при изображении положительных качеств Тимофея Рваного.

Вместе с тем, особенности художественной реализации мотива возмездия у Шолохова позволяют утверждать, что опыт своего великого предшественника советский писатель использовал не буквально, а применительно к своему замыслу. Так, если у Гоголя описание красоты Андрея носит обобщенный характер (в его внешности оттеняются наиболее характерные признаки мужской красоты, черты воина), то изображение Тимофея Рваного у Шолохова выполнено более индивидуализировано. Имеются у писателей также и различия в содержании того впечатления, которое вызывает гибель персонажей. Если у Гоголя оно имеет национально-исторический характер (автор глубоко сожалел о том, что его герой изменил делу борьбы за национальное освобождение своего народа), то у Шолохова получает социально-историческую окраску, так как, по мнению советского писателя, наделенный многими положительными качествами Тимофей Рваный мог бы принести Советской власти большую пользу, не вступив он с нею в непримиримую борьбу.

Отличное от сложившегося в доперестроечный период представление об исторических событиях, нашедших отражение в «Поднятой целине», позволяет сделать вывод, что художественный опыт Н. В. Гоголя применительно даже к рассматриваемому аспекту исследования все же использован М. А. Шолоховым далеко не в полной мере. Если в «Тарасе Бульбе» мотив возмездия передан в полном соответствии с исторической правдой об описываемой эпохе, то в «Поднятой целине» его трагический смысл отражен слабее, чем он был на самом деле. Подлинный трагизм судьбы прототипов Тимофея Рваного, который в какой-то мере улавливается и в шолоховском персонаже, по мнению некоторых критиков (В. Сапожников) состоит не в том, что они не захотели сотрудничать с Советской властью, а в том, что в условиях деформации социализма в стране им не была предоставлена возможность реализации своих положительных задатков на благо нового общества.

Использование традиций Н. В. Гоголя в романе не только личный раз подтверждает плодотворность опыта русской классики для развития советской литературы, но и свидетельствует, по крайней мере о спорности широкого бытовавшего еще недавно суждения о преимуществе советской литературы, литературы социалистического реализма по сравнению с литературой прошлого в художественном постижении правды жизни; спорности даже в том случае, если ее представляет такой выдающийся художник слова, каким является М. А. Шолохов.

Б. А. ЧЕРНОВ (Каменец-Подольский) ГЕОГРАФИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Анализ литературного, эпистолярного и автобиографического наследия, научных и педагогических статей Н. В. Гоголя позволяет выявить значение в его жизни и творчестве географии, географической карты и ландшафтов природы родного края.

В педагогической деятельности Н. В. Гоголя раскрылось его дарование учителя, умение эмоционально и увлекательно обучать. «Что действует сильно на воображение, то не скоро выбьется из головы» — одно из важных средств обучения физической географии. В статье «Несколько мыслей о преподавании детям географии», впервые напечатанной в «Литературной газете» в январе 1831 года, Н. В. Гоголь, раскрывая свое видение педагогических средств обучения географии, страстно писал: «Велика и поразительна область географии... Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению! Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзии младенческой души их!.. Мир, в его физическом состоянии — величественный, роскошный, грозный, пленительный — должен более и обширнее занять детский возраст. ..География такое глубокое море, так раздвигает наши самые действия, и, несмотря на то, что показывает границы каждой земли, что даже для взрослого представляет философически увлекательный предмет» (Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8, с. 99, 105).

Другое важное требование, предъявляемое Н. В. Гоголем к учителю географии — это умение рисовать (описывать) словами. «Слог преподавателя должен быть увлекающий, живописный, все поразительные местоположения, великие явления природы должны быть окутаны яркими красками» (там же, с. 105).

Сам Н. В. Гоголь в описании географических ландшафтов владеет волшебным слогом — легким, ясным и обворожительным. Природа родного края — живая, трепещущая, то в гармонии и единстве с духовным миром героев произведений, то горестная и враждебная в отчужденной душе и жизни персонажей, — является неотъемлемой частью всего творчества Н. В. Гоголя. «Я думаю, все переменялось, — писал он в мае 1825 года матери из Нежина, — но мое сердце останется привязанным к священным местам Родины...»

Привязанность «к священным местам» родилась в детстве и дополнилась в юношеские годы, когда Н. В. Гоголь жил среди чарующей роскошной природы Васильевки, Полтавы и Нежина. Просторы полустепей, крутые берега рек с высокими песчаными отрогами, словно горы Швейцарии в миниатюре, голубые ленты Ворсклы и Псла, вплетенные в зелень и золото лесов и полей, и живописный, настоенный на разнотравьи, воздух и сформировали поэтические восприятия природы Н. В. Гоголем. Где бы позднее ни жил Н. В. Гоголь, картины родной природы явственно, физически ощутимо, со всеми запахами и звуками неудержимо выплескивались на страницы его повестей и поэм, изумляя читателей волшебной поэзией, о которой В. Г. Белинский писал, что «это была поэзия юная, свежая, благоухающая, роскошная, упоительная».

Ландшафты и пейзажные зарисовки в творчестве Н. В. Гоголя являются не только фоном, «сопереживающим и сочувствующим или, напротив, не только «передают пространство и время, как бы изменяющееся на глазах читателя» (Л. И. Еремина, 1987), не только эстетически оцениваются героями повестей, но и сами становятся живыми действующими лицами — нежными, хрупкими и чарующими, тонко чувствующими малейшие душевные изменения героев произведений.

Сказанное позволяет изучить развитие и совершенствование лингвистических особенностей и географическое содержание ландшафтных описаний и пейзажных зарисовок от ранних повестей Н. В. Голя до написания им «Мертвых душ», раскрыв средствами искусства «брачный союз человека с природой».

С. С. ПЕТРОВСКАЯ, И. Н. ЧЕРНИКОВ (Каменец-Подольский)

**«ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ» Н. В. КУКОЛЬНИКА
«ТОРКВАТО ТАССО»: ЖАНРОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ**

Н. В. Кукольник — творец своеобразной жанровой разновидности в русской исторической драматургии 1830-х гг. — «драматической фантазии» (О. И. Сенковский). Эта форма — результат экспансии лирики в драматургию, усиления лирического начала, которым отмечена литература десятилетия, с одной стороны, и надвигающегося кризиса романтизма, — с другой.

Начатый в Нежине «Торквато Тассо» (1831) — первый образец «драматической симфонии» в творчестве Кукольника, доставивший ему славу «нашего юного Гете» (Сенковский). В «Торквато Тассо» Кукольник мастерски применяет систему внешних атрибутов романтизма, превратившуюся позже в шаблон.

В основе — априорное положение о необыкновенности гениальной личности и несовместимости ее тонкого сознания с грубыми запросами черни. Кукольник не утруждает себя изображением определенных моментов биографии итальянского поэта XVI в. Тассо, своеобразия его времени, а настаивает на его извечной нужности обществу. Трагические переломы индивидуальной и общественной судьбы Тассо прекрасно соответствуют канонам «поэтического» жизнеописания и образа действия. Его биография (прогоняют ли Тассо или, напротив, приближают ко двору, любят ли его красавицы или нет, есть ли у него друзья или они бросают его), показывает только его изначально трагичность, декларируемую в драме.

Цель «Тассо» — прославить поэта. Любой эпизод наполняется инносказательным смыслом, который подчас подавлял психологическую достоверность. Сюжет развивается лирическими высказываниями, монологами пристрастного к самоанализу основного персонажа; их риторическая выразительность противопоставляется будничному сознанию «толпы». Так, в I действии Корнелия не понимает брата Тассо. Она задает ему обиходные вопросы («ты устал?», «ты голоден?»). Тассо пререкает все в возвышенно-метафорический план («от жизни я устал», «сыт прошедшим горем и настоящим счастьем свиданья»).

Живущий лишь в духе, «сумасшедший» Тассо считает безумным мир, отрицающий духовные сокровища. Он отказывается от земной любви Лукреции и отдается «божественной», платонической страсти к Леоноре. До конца осуществляется положение об одиночестве настоящего поэта, противопоставленного толпе. «Толпа» вбирает «светлый» двор, свет; Кукольник даже склонен подчас противопоставлять ей «народ» как обладателя неразвитого, но подсознательно истинного чувства поэзии; так, начальное прославление настоящей поэзии происходит в лагере корсаров, склонившихся перед грандиозностью знаменитого поэта; одним словом, Тассо ограждает Рим от

их бесчинств и неистовства. Этот эпизод готовит окончательный апофеоз — последнюю импровизацию Тассо в Риме. Возвышенный язык торжественной поэзии поначалу непонятен и далек для «толпы», но зарождающееся в ней неистовство уступает место пароксизму восторга и требованию «венчать» поэта, удаляющегося в бес-смертие.

Уже в «Тассо» Кукольник драматизирует основной характер. По Кукольнику, сумасшествие Тассо — не только пошлая легенда, но и определенным образом судьба, довлеющая над поэтом. «Неотлучное присутствие» гения — его трагедия, причем неотвратимая. Мысль о трагичности судьбы настоящего поэта — один из лейтмотивов целого цикла «драматических фантазий» о жизни художника, к которому Кукольник обратился в начале 1830-х гг. Цикл был связан не только общей проблематикой, но и сквозными героями.

В «драматических фантазиях» Кукольника оформилась та жанрово-стилистическая модель, которая получила в 1830-е гг. достаточно широкое распространение. «Фантазии» тяготели к неповторимому мистериальному иносказательному действу и обнаруживали свой аналог как в лирической поэзии, так и в романтической поэме 1830-х гг. с мифологическим или иносказательным сюжетом: в «Азраиле» Лермонтова, в поэмах А. Подолинского, В. Соколовского и др.

Т. Г. АРКАДЬЕВА (Ленинград)

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА СЛОВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Н. КУКОЛЬНИКА

Среди видных имен выпускников Нежинской высшей школы выделяется писатель Н. Кукольник, в творческом наследии которого заметное место занимает историческая проза. Современной читательской аудитории имя этого своеобразного мастера слова широко не знакомо, язык и стиль писателя не включается с достаточной полнотой в исследовательский лингвистический оборот. Вместе с тем возрастающая тяга к постижению истории отечественной культуры вызывает интерес и к полузабытым именам литераторов, потребность всестороннего анализа их произведений, в том числе языковедческого. Одним из важных аспектов такого анализа является обращение к семантике отдельного слова, поскольку эта лексическая категория, индивидуально проявляющаяся в авторском контексте, нередко не идентична современным нормативным характеристикам. Так, слово сказка используется в старом значении «рассказ, повествование» и с опорой на него включается в ряд синонимически близких слов: «К вечеру много людей собралось у монастырской гостиницы, всегда тихого пристанища смиренных мольельщиков, а теперь шумного вечера бесчисленных толков, надежд, сказок и предсказаний» («Авдотья Петровна Лихончиха»). Словом изверг в том же произведении называются люди, находящиеся под стражей, узники; словом реализуется в значении «отверженный, изгой». «И третий изверг был в объятиях несчастной» (действие происходит в тюремном помещении при свидании матери с сыновьями).

В рассказе «Новый год» предстает эксплицированным утраченное в современном языке значение слова невзгода «несогласие, распря»: «А там в полку невзгода, зеленым сукном конницу, вместо

синего, боярин обидел: разыщи, что боярину на ум пришло государев указ оборачивать?» Иными по сравнению с современным значением оказываются семантические акценты в прилагательном льготный, где в соответствии с этимологией этого слова актуализируется сема «свободный»: «И на долю Александра Ивановича достался день льготный, первый день сентября, первый день нового года» («Новый год»).

Приведенные известные в диахронии значения слов сказка, изверг, невзгода, льготный являются закономерными в ткани исторических произведений Н. Кукольника. При анализе этих слов с современных семантических позиций становится очевидным их модифицированный семантический объем, отчетлива выраженность во внутрисловной парадигме этимологических значений, заданных первоначальными словообразовательными связями слов. Подробное изучение и описание таких элементов в семантике ряда лексических единиц, характерных для исторической прозы Н. Кукольника, существенно для изучения и освоения творческого наследия одного из выпускников Нежинской высшей школы. Одновременно это имеет и практическое значение для презентации произведений Н. Кукольника современному читателю.

В современном языковом сознании этимологическое значение приобретает функции историко-страноведческого компонента семантического объема слова при семантизации этого слова с точки зрения синхронного состояния языка. Этот компонент показывает реальность бытования слова в историческом прошлом в значении, отличном от современного, рисует лексическую картину речи предшествующих поколений. Акцентация внимания на этимологическом значении отдельных слов предупреждает искажение смысла в текстовой коммуникативной ситуации (ср. изверг «отверженный, изгой» — изверг «крайне жестокий, злой человек»), сокращает временную «культурологическую дистанцию» при чтении текстов исторической тематики. Вычисление этимологического значения (историко-страноведческого компонента) становится связующим звеном между авторским употреблением слова и современным его осознанием и обеспечивает правильное понимание лексического корпуса исторической прозы Н. Кукольника и ее адекватное восприятие.

А. Т. ГРЯЗНОВА (Москва)

ЛЕКСИКО СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА ПОВЕСТИ Н. В. КУКОЛЬНИКА «ПСИХЕЯ».

Повесть Н. В. Кукольника «Психея», напечатанная в альманахе «Утренняя заря» на 1841 год, отражает основные стилистические особенности стиля романтического произведения — употребление особенности, характерные для романтического направления. Одна из «ключевых слов», связанных с идейным планом текста. В повести Кукольника «ключевые слова» носят преимущественно традиционно поэтический характер. Для организации текста повести характерно: — употребление слов ЛСГ «искусство» (портрет, памятник, барельеф, звук, флейта). Употребление лексики этой группы в контексте связано с развитием темы искусства, а также утверждением романтической концепции размытости границ между различными ви-

дами искусства. Периферию этой группы слов составляют имена собственные: Ариосто, Тассо, Психея (в значении «скульптура богини»). — Значительная роль принадлежит ЛСГ «чувства, переживания». Слова этой группы служат для раскрытия основного конфликта произведения, заключающегося в противоречии между чувствами и призыванием человека. К этой группе лексики относятся слова **страсть, счастье, слезы, хохот, рыдания**. Периферию этой ЛСГ составляют слова со значением «состояние» (независимость). Особую роль в структуре текста, особенно в финале повести, играют слова, коннотативный ореол которых трагичен. Связь этой темы с темой искусства осуществляется с помощью многозначного слова «Психея»: помимо значения «скульптура», оно обозначает богиню души, а также этим именем часто называют героиню, позировавшую при создании скульптуры.

— Соотношение слов первой и второй групп в речи героев различно: так, в высказываниях Антонио Кановы, скульптора, чаще встречается лексика I-ого пласта, в речи Гортензии (Психен) — второго. Сильвио Теста, от лица которого ведется повествование, чей образ связан с провозглашением авторской идеи гармонического бытия, употребляет слова обеих групп.

— В повести часто используются слова с предметно-вещественным значением (вода, роза, лодка, деньги). Они связаны как с развитием сюжета, (рамочное повествование, завязка вставной повеллы связаны с фрагментом описания лодочной прогулки), так и с основным романтическим конфликтом — духовного и материального.

— Существенную для композиции произведения роль играют имена собственные. Автор использует их коннотативный ореол, связанный с исключительностью описываемой ситуации (Марианна, Джакомо и др. — имена итальянские. Италия традиционна — родина различных искусств). В повести встречаются и имена персонажей греческой мифологии, что обусловлено, с одной стороны, тяготением писателей-романтиков к античным образцам, с другой, — решением задачи расширения художественного времени и пространства: (Упоминание имени бога Гермеса и в речи слуги Джакомо). Слова — топонимы (Рим, озеро Комо, Каррара) используются автором для создания иллюзии достоверности происходящего.

— Помимо слов указанных групп, автор использует традиционные для романтиков тропические средства: метафоры (пейзажий след лодки; берег озера приселись под карандаш), сравнения (меня влекло к нему предчувствие, которому я повиновался, как слуга приказанию хозяина), контрасты (Вы требовали — я исполнию.)

— И. В. Кукольник стремится индивидуализировать речь персонажей, используя для этого семантическую и стилистическую дифференциацию лексики. Последнее ему не всегда удается. Так, в речи бабушки наряду с просторечной, разговорной лексикой (шалун, весь дом на ногах), встречаются высказывания в высоком стиле (Я тотчас угадала в нем гения). Таким образом, лексико-семантическая организация повести Кукольника «Психея» позволяет сделать выводы о наиболее характерных приемах построения романтического произведения, среди которых особенно важную роль играет употребление «ключевых слов».

О СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ, ПЕРЕДАЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ, В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. КУКОЛЬНИКА

Несмотря на все условности эпохи и жанра, которыми отмечены драматические произведения Н. Кукольника, в них широко представлены синтаксические конструкции, характерные для живой разговорной речи периода тридцатых-сороковых годов прошлого века: неполные предложения в ответных репликах, различные виды семантического и структурного эллипсиса, пословицы и поговорки, обращения, именные оценочные и побудительные структуры. Например, в пьесах Н. Кукольника встречается употребление всех разновидностей экспрессивных генитивных конструкций, редких и для современного русского языка: а) самостоятельно употребленной формы родительного падежа в неопределенно-количественном значении — (Ильниша) **А это что?.. Экой урод едет, на осле, или на корове!.. А мальчишек-то, мальчишек!** Гляди, гляди, к нашим воротам поварачивает! (Кукольник Н. Сочинения. — СПб, 1852. — Т. П. — С. 454. — Далее указываются страницы по этому изданию), б) формы родительного падежа с отрицанием в самостоятельном употреблении со значением полного отсутствия называемой субстанции — (Рябов) Ты сохранил меня цела и невредима, когда меня осыпали дождем свинцовым. **Ни одной раны, Господи! ни одной раны!** (С. 563) в) формы родительного падежа с отрицанием в прохибитивном (запретительном) значении — (Барон) Глаза твои должны сиять надеждой, Слова до смерти сердце щекотать. **Ни одного действительного слова,** — тысячу двусмысленных обетов... (С. 435); г) формы самостоятельного родительного падежа в повествовательно-долженствовательном значении — (Схариа) Они уж поцелуем обручились! Я видел все, я слышал их сбеги... (Рахиль) Родитель, **мести!** (Схариа) **Мести,** дочь моя!... И горе Шлуммермаусу! Пришла пора, и месть пути найдет... (С. 451); д) самостоятельно употребленной формы родительного падежа в одноставном вопросе: (Рахиль) Баронесса! и он не очаровал вас в свою очередь? Его вопиственный вид, блестящие глаза, умные речи... **никакого впечатления?** (С. 420).

Значительно чаще в пьесах используются именные структуры, в основе построения которых находится форма именительного падежа. Таковы, например, номинативные высказывания с бытийным значением: (Омелька) **Вестовая пушка!.. Супостат близко! палят!** (С. 535); именные оценочные структуры различного конструктивного оформления: (Антип)... **Знай только угадывай, чтобы гора то яхте поклонилась. Потеха!** (С. 521); (Животовский) **Быть им в Белом до Петрова дня!.. (Все) Сказки! Не бывать!** (С. 529); (Антип)... **Самого будто в бане парят, а на лбу словно угольев насыпали; а уши, знашь, между собою так и перекликаются: эка милость, эка счастье, эка благодать!.. (Омелька) Ай да, Антип Мирочич, Знай наших!** (С. 523); оценочные обращения: (Омелька) **По наряду, чайка ты моя, по наряду!..** (С. 531); (Настасья) **Полно, старая ворона! Уж тебя ли я не знаю?** (С. 547). Кроме того, в диалогах этих произведений встречаются конструкции, которые считаются характерными для экспрессивной бытовой разговорной речи. Это повороты обращений с усилительной части-

цей «а»: (Иван) **Митя, а Митя!** Не сегодня ль еще вместе жить собираемся? (С. 543); (Антип) **Настасья, а Настасья!** поди сюда, погляди на море! (С. 553).

Частотность именных конструкций в пьесах Н. Кукольника наводит на предположение о том, что экспансия именных структур, трактуемая как примета русского литературного языка XX века, в разговорной речи, нашедшей отражение в диалогах его пьес, существовала значительно раньше и стала явлением письменной речи как следствие ее демократизации и сближения с разговорной стихией языка.

М. П. ВОЛОЧАЙ (Полтава)

ОБРАЗНОСТЬ РАЗГОВОРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ Н. В. КУКОЛЬНИКА)

Изучение языковых средств выражения образности позволяет установить, что все они в составе произведения взаимодействуют друг с другом и подчинены содержанию произведения, авторскому замыслу.

Экспрессивный фонд языка чрезвычайно богат и разнообразен. Экспрессивные единицы функционируют на всех уровнях языковой структуры; особенно богат экспрессивными средствами фразеологический фонд.

Большинство фразеологизмов имеют разговорную окраску. Они отличаются непринужденностью, естественностью. Литературная сниженность, свойственная разговорным ФЕ, является их семантическим признаком. Разговорным ФЕ свойственна негрубая эмоционально-экспрессивная окраска, которая отличает их от межстилевых.

Характерная особенность их состоит в выражении различных положительных и отрицательных оценок — ласкательной, шутливой, иронической, фамильярной, пренебрежительной, презрительной и т. д. Оценочная функция является одним из существенных признаков стилистически окрашенных ФЕ.

Как и другие стилистически окрашенные категории, разговорные ФЕ обладают образностью, и образность эта — предметна, конкретна. Например, она может быть основана на представлении о животных, птицах, растениях, частях человеческого тела, бытовых предметах и т. д.

Большую продуктивность разговорных ФЕ можно объяснить тем, что краткие меткие изречения — фразеологизмы представляют собой отличительную особенность русской народной речи.

Существующие языковые нормы использования фразеологизма касаются всех его сторон. Понятие нормы для фразеологизма можно рассматривать в двух планах: в плане языка и в плане речи. В последнем случае допустимы индивидуально-авторские преобразования ФЕ в тех или иных целях. Именно в этом плане интересно употребление фразеологизмов Н. В. Кукольника (1809—1868), писателем середины 19 в., окончившим в свое время Пежинскую «Гимназию высших наук».

Следует отметить, что в проанализированных нами трех небольших повестях «Чернышевский мирь», «Остапъ и Ульяна» и «Старый хламъ» (Историческія повѣсти Н. В. Кукольника. Книга четвертая. Издание третье. — С. — Петербургъ. Издание А. С. Суворина, 1901) насчитывается 37 ФЕ. Автор употребил 25 фразеологизмов без инди-

видуально-авторского преобразования, используя образность, присущую им в системе языка. Например: — Князь такой **задал трезвонь**, что короля и одурачилъ, таму **въ голову** пришло, будто в-дью вся русская сила! («Чернышевский миръ»).

12 фразеологизмов подвергаются индивидуально-авторским преобразованиям.

1. Замена компонента необычным лексическим вариантом. Вместо нормативной формы фразеологизма **оставлять (оставаться) в дураках** — «в глупом, смешном положении» встречаем **попадешь въ дураки**: **Поди, вѣр, какъ и разъ въ дураки попадеш**: так это мы задаром ура кричали?» («Чернышевский миръ»).

2. Контаминация фразеологизмов. Типичным видом контаминации является соединение разных фразеологизмов, когда форма фразеологизма по составу компонентов восходит к двум ФЕ, а значение — к одной из них. Напр.: «Ужъ коли говорить, так говорить, чтобы уши у него **разбѣжались!**»

Уши разбѣжались в значении «слушать с увлечением, заслушиваться» является контаминацией двух ФЕ **глаза разбежались** и **развешивать уши**. 3. Индивидуально-авторское образование по аналогии с уже созданной ФЕ. Напр.: **По сенькѣ шапка, по молодцу и голосѣ**.

ФЕ **По сеньке шапка** имеет значение «кто-либо того и достоин». ФЕ **по молодцу и голосѣ** создана по образцу первой.

4. Дефразеологизация ФЕ, способствующая ироническому описанию действительности: Напр.: — Видишь, какъ за камышкомъ пританцись, съ мачатами спрятались, съ той стороны и видно не было, вотъ мы вамъ съ этой **въ зубы посмотримъ** («Остап и Ульяна»). ФЕ **смотреть (глядеть) в зубы** потерял свое значение, сохранив образность.

Фразеологизмы являются особыми образно-ассоциативными элементами структуры художественного текста и его системы. Вводя фразеологизмы в структуру художественного текста, автор в одних случаях употребляет нормативные формы ФЕ, в других — преобразовывает фразеологизмы, обновляя их семантику, усиливая их значения путем выявления качественно новых стношений и связей в реальной действительности.

II. М. КОБЕРНЮК, Т. Г. КОБЕРНЮК (Ніжин)

Є. П. ГРЕБІНКА У БОРОТЬБИ ЗА НАРОДНУ ОСВІТУ

Літературна творчість Є. Гребінки, його праця викладача літератури і мови та діяльність створеного ним у Петербурзі гуртка дають багатий матеріал для вивчення його педагогічних поглядів.

Усебічно розробляючи у своїх художніх творах протягом 40 х років тему народного виховання та освіти, Є. Гребінка цим самим не тільки включився в рух щодо перегляду форм та методів освітній виховання в країні, а й усвідомив велику важливість пам'яченого завдання й був переконаний, що втілення в художні образи прогресивних ідей виховання дасть бажані наслідки. У питаннях педагогіки він був послідовником В. Г. Белінського. Постійні, мало не щорічні подорожі на Україну допомагали Є. Гребінці ближче знайомитися зі станом навчання молоді за межами столиці. Архівні документи, розшукані С. Д. Зубковим, свідчать, що письменник-педагог брав діяльну участь у поліпшенні народної освіти на Україні.

У 40-і роки В. Г. Белінський висуває вимогу виховання в молоді демократичного гуманізму та патріотизму. Щоб здійснити це, Є. Гребінка вважає необхідним ще змалку прищепити дитині любов до рідної мови, народної пісні.

На уроках словесності, за свідченням О. Сурожевського, Є. Гребінка відстоював народну пісню, майстерно розкривав перед молоддю її художню цінність і виховне значення. У Петербурзі (маємо про це свідчення видатного лексикографа В. Даля) Є. Гребінка поширював коло шанувальників і знавців української народної пісні та літератури.

У рукописі рецензії на другу книжку повістей Г. Ф. Квітки-Основ'яненка, обстоюючи широкі можливості української мови як мови літератури та підкреслюючи виховне значення кращих зразків усної народної творчості України, Є. Гребінка писав: «Стоит прочесть историю Малороссии, выкинуть в характеры ее героев, придушаться к ее песне, где ропот души изливается в тихих жалобных звуках, как песня степной чайки, как стоны матери над могилою сына — и подумаете: неужели народ с таким железным характером, с такими глубокими чувствами может только смеяться как французы?»

Спірець дружби народів Росії та України (поема «Богдан»), Є. Гребінка однією з важливих педагогічних проблем вважав виховання народів країни в дружбі та братерстві. У своїх творах він засуджує насаджуване царизмом розплывання національної ворожнечі («Записки студента»).

У повісті «Приключення синей ассигнации» чітко вимальовуються ідеї настанови письменника. У гостро викривальному монолозі синьої ассигнації звучить палка віра у виховні можливості художньої літератури.

У багатьох творах Є. Гребінка раз у раз підкреслює завдання виховувати любов до вітчизни, до культури свого народу, його літератури, мистецтва.

Яскравим прикладом вірності Є. Гребінки своїм принципам, поглядам на власну роль як письменника в суспільному житті, зокрема на роль творчості Т. Г. Шевченка, є здійснення повної ризику першої підцензурної публікації рядків з творів геніального українського поета, взятих за епіграфи до кількох розділів роману «Чайковський».

Демократичні кола російського суспільства боролися за освіту народу. Є. Гребінка та Т. Шевченко були їхніми однодумцями. «Дайте книгу народові», — ця думка проходить у листах великого Кобзаря. Ще змолоду збагнув і Є. Гребінка величезне значення книжки як джерела знань. У листі до батька Є. Гребінка писав свою палку любов до книжок та уболівав, що вони недоступні бідним людям, навіть з дрібнопомісних дворян, до яких належав сам.

Згідно з естетикою В. Г. Белінського Є. Гребінка виходив із визнання за літературою та мистецтвом активної ролі у вихованні народу, з високого усвідомлення громадського обов'язку письменника, покликаного своїми творами служити прогресові суспільства, поліпшенню долі народу.

Відомо, з якою увагою ставився Є. Гребінка до обдарованих молодих письменників, зокрема українських, дбаючи про виховання і згуртування національних мистецьких сил та розвиток рідної літератури. Високі вимоги ставив він перед ними щодо поглибленої роботи над українською мовою.

Відомий радянський дослідник Ф. Я. Прийма свідчить, що саме гурток Є. Гребінки сприяв ознайомленню молодого Шевченка з найважливішими подіями сучасного йому українського літературного життя і з усіма основними творами молодого української літератури. У цьому вчений вбачає заслугу Є. Гребінки як педагога.

Є. Гребінку глибоко хвилювало становище з підручниками для шкіл, яке склалося в дворянсько-поміщицькій Росії.

Розуміючи, що добре поставлене навчання і виховання дітей дасть країні неочінену користь, а молодому поколінню систематичні знання, сприятиме формуванню світогляду, прищепить необхідні трудові навички, письменник засобами художнього слова боровся за гарну книжку для сльвітчизників.

Раз у раз підкреслюючи, що правильне виховання не повинно відривати людину від посвякденного життя та розвивати в ній мрійливість, пасивне ставлення до навколишнього, Є. Гребінка цим самим включився в дуже актуальну на той час боротьбу проти німецького ідеалізму, яку очолювали В. Г. Белінський та О. І. Герцен.

Вимагаючи наближення науки до життя, дбаючи про поширення освіти, Є. Гребінка основним педагогічним завданням вважав підготовку всебічно освіченого та гуманного громадянина, який буде здатний до активної трудової діяльності.

Критика Є. Гребінкою стану виховання й навчання в країні на початку XIX століття і аж до 40-х років, його боротьба за народну освіту ставлять письменника в нечисленні на той час лави педагогів — носіїв прогресивних ідей в педагогіці.

Н. М. ЖУРАВЛЬОВА (Запоріжжя)

Є. П. ГРЕБІНКА І ПИТАННЯ РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Вихованець Ніжинської гімназії вищих наук Євген Гребінка хоч і був в більшій мірі російським письменником, ніж українським, постійно підтримував тісний зв'язок з рідною Україною, її поетами і письменниками, з любов'ю ставився до української мови. В одному з листів до Г. Ф. Квітки-Основ'яненка поет скромно зауважував, що сам «трохи тямить чоловічеську мову». Тому то не випадково так часто і в його творах, і в листах, написаних російською мовою, зустрічаються українські народні прислів'я та приказки, як: поклянь сани, візьми віз; письмо очі коле та інші.

Своєму землякові-українцю, який вважав, що «язык малороссийский ни к чему не годен, что он груб, тяжел, неловок», він переконливо доводив, що «язык, которым говорили его деды и даже отец, имеет свое достоинство» (Гребінка Є. П. Твори. У 3 т. — К., 1981. — Т. 3. С. 560. Далі по цьому включно). Письменник вважав, що люди, які не знають української мови, «лишены истинного наслаждения» (III, 473). Є. Гребінка заперечував поширену на той час думку про те, що українською мовою писати можна тільки гумористичні твори. У рецензії на «Малороссийские повести, рассказанные Грицком Основьяненком», він писав: «Давно кто-то сказал, что на малороссийском языке можно писать только одно комическое. Перед нами был факт: «Энеида» Котляревского, пародия во вкусе фламандской школы, и люди, убежденные этим фактом, приняли ложную мысль за истину. Но стоит прочесть «Историю Малороссии», всплкнуть в

характери її героїв, прислухатися к її песням, чтобы убеди́ться, что народ с таким же́лезным характером, с такими глибокими чувствами может и не смеяться» (III, 472—473).

З великою радістю зустрів поет вихід у світ у 1831 р. «Українського альманаха», в якому були надруковані українською мовою твори Л. Боровиковського, Є. Гребінки, О. Шпигоцького. «Український альманах» мене привертає, как родной цветок как первый звук оживающей народной поэзии, как доказательство, что украинцы начинают (в добрый час) чувствовать самобытность своей литературы» (III, 560). Є. Гребінка високо цінував творчість Левка Боровиковського, оскільки він «облагородил язык малороссийский». Велике враження справили на нього і твори Г. Ф. Квітки-Основ'яненка. За порадою Є. Гребінка збирався видати при журналі А. Краєвського «Отечественные записки» чотири додатки українською мовою з назвами, які відповідають порам року: «Зима», «Весна», «Літо», «Осінь». «А нехай я поклонюсь добрим людям та зберу невеличкий «Збірничок»... (III, 593). Хоч цей задум здійснити і не вдалося, він з надісланих матеріалів у 1841 р. упорядкував і видав альманах «Ластівка», куди ввійшли твори Т. Г. Шевченка, Г. Ф. Квітки-Основ'яненка, Є. П. Гребінки та інших українських авторів. Є. Гребінка відіграв значну роль у зближенні і взаємозбагаченні двох братніх літератур — української та російської. В одному з листів до М. Новицького він пише, що «намерен перевести в русские стихи малороссийские песни, чтобы ознакомить с прелестными чувствами нашей родины» (III, 591). За мотивами українських народних пісень, переказів, легенд, дум Є. Гребінкою були створені такі твори російською мовою: «Казак на чужбині», «Не калина ль в темном лесе...», «Кукушка», «Гетман Свирговський», «Богдан», роман «Чайковский» та ін. У той же час письменник намагався донести до українського читача кращі зразки російської літератури. Так, йому належить переклад на українську мову поеми О. С. Пушкіна «Полтава».

Красу українського слова, мови відчували й розуміли передові люди Росії. Є. Гребінка в одному з листів згадує свого приятеля, професора Петербурзького університету Соловйова М. Ф., який, як зазначає письменник, — «смертельный охотник до малороссийского языка, и мы часто восхищаемся словами готить, стугонить, шамолить, чимчикує й тому подобными» (III, 566).

Отже, Гребінка був справжнім патріотом свого народу, який щиро вболівав за долю рідної української мови, літератури і в міру своїх сил і можливостей сприяв їх розвитку.

О. А. МІХНО (Ворошиловград)

ЄВГЕН ГРЕБІНКА У СУЧАСНІЙ ЙОМУ КРИТИЦІ

У часи діяльності Є. П. Гребінки в центрі уваги критики було питання про творчі можливості української літератури. Сам Гребінка стверджував спроможність українського слова до передачі різноманітних людських почувань (лист до І. Кулжинського — 1832 р., рецензія на другу книжку «Малороссийских повестей» Основ'яненка — 183с р., стаття «Провинциальные театры» — 1840 р.).

З позицій відповідності української мови потребам літературного розвитку критика оцінила українські твори Є. Гребінки.

«Северная пчела» зневажливо віднесла «Малороссийские приказки» до «так званих малоросійських видань», які є даремним і нездійсненим зусиллям «воскресити малоросійську мову і створити малоросійську літературу».

Інші судження висловила прогресивна критика. Автора «Приказок» названо гідним продовжувачем почиань Котляревського і Гулака-Артемовського, його байки цікаві змістом, сильним і чистим віршем (анонімний автор відгуку на видання байок 1836 р.); «Приказки» Гребінки «принесуть величезну користь» демократичному читачеві, бо «розказані мовою, зрозумілою для всякого малоросіянина» («Отечественные записки»); байкар «чудово показав здатність малоросійської мови до апологічних творів», його байки завжди читатимуться з насолодою; заслуговує схвалення спроба перекладу українською мовою «Полтави» Пушкіна (М. Костомаров).

Критика справедливо дала негативну оцінку вступній та заключній статтям Гребінки до «Ластівки» за прикрашене зображення українського села і балагурну мову (рецензія В. Белінського).

В основі схвальним було ставлення критики до Гребінки як автора прозових творів російською мовою: письменник, «відомий за своєю живою оповіддю й оригінальним гумором» (М. Некрасов); «обдарований письменник» («Санктпетербургские ведомости»); творець «веселих, невимушених оповідань» (В. Одоєвський); автор повістей та оповідань, які «дуже подобались більшості читачів» (І. Панаєв). Неодноразово відзивався про Гребінку-прозаїка В. Г. Белінський, позитивно оцінював реалістичні тенденції в творах письменника, критичним словом звертав увагу на слабкі сторони.

Істотні зауваження Белінського дістали деякі ранні оповідання абстрактно романтичного або наслідувального характеру («Страшний зверь», «Мачеха и панночка», «Так иногда люди женятся».)

З 40-х років, коли реалістичне начало у Гребінки стало домінуючим, великий критик доброзичливо висловився про повісті «Верное лекарство», «Записки зайца», узяв під захист письменника від нападок «Сына отечества», відзначив гуманістичну спрямованість повісті «Кулик», виділив серед тодішньої белетристики роман «Чайковский» за поетичну вірність у відтворенні рис історичного українського побуту в розкритті характеру полковника. Схвальний відгук Белінського дістали фізіологічні нариси Гребінки, якими він засвідчив зміцнення на позиціях «натуральної школи».

Неоднозначними були оцінки підсумкового видання російських творів Гребінки (1847—1848 рр.) схвальні — прогресивної критики («Современник»), негативні — консервативної («Сын отечества», «Библиотека для чтения»).

Відгуки прогресивної критики про Гребінкині байки стверджували творчі можливості української мови, сприяли зміцненню української літератури на шляху народності, збагачували матеріалом і посилювали позицію самої критики; об'єктивні зауваження В. Белінського про Гребінку як російського прозаїка допомагали письменникові освоювати критично-викривальні принципи, орієнтували на шлях реалізму загальноросійську літературу.

**ОБРАЗ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО У ПОЕМІ Є. ГРЕБІНКИ
«БОГДАН» І В ТВОРАХ Т. ШЕВЧЕНКА**

Видатний державний і громадсько-політичний діяч України Богдан Хмельницький відомий в історії тим, що очолив боротьбу народу проти шляхетської Польщі в 1648—1654 роках і возз'єднання України з Росією на Переяславській раді у 1654 р. Його образ створений у багатьох творах української літератури. Значна увага гетьману приділена у творах Є.Гребінки і Т. Шевченка.

До створення образу гетьмана вони підійшли по-різному. Гребінка написав велику поему російською мовою «Богдан». У Шевченка такого розгорнутого твору про Хмельницького немає, але у поемі «Гайдамаки», повстання народу, відоме під назвою Коліївщина (1768), розглядається поетом як продовження боротьби, що проходила під керівництвом Хмельницького. Гетьман України згадується у багатьох творах Шевченка, йому присвячені поезії «Стоїть в селі Суботові...», «Якби то ти, Богдане п'яний...», кілька живописних творів.

Гребінка у поемі «Богдан» дає досить широке обґрунтування причин боротьби українського народу проти польської шляхти. Робить це він у фантастичному пролозі, у якому тіні мертвих Павлюка, Острияниці, Наливайка, молоді дівчини, навіть нежива природа розповідають про знущання польської шляхти.

У поемі йдеться про те, як польський шляхтич Чаплинський відібрав у Хмельницького його маєток. Це послужило поштовхом до організації ним боротьби проти польської шляхти.

Шевченко вже у поемі «Гайдамаки» говорить про знущання шляхти з народу. Конфедерати на Україні «Руйнували, мордували, Церквами топили».

Обидва поети (одні у романтичній формі, другий у реалістичних картинах) правдиво показали причини повстання українського народу проти польського панування, хоч відтворені події і відбулися у різний час.

У творах Гребінки і Шевченка боротьба проти польської шляхти відтворена як загальнонародна. У поемі «Богдан» у діалозі Хмельницького і священника Григорія розкривається суть цієї боротьби. Шевченко також підкреслює всенародний її характер. Це «Задзвонили в усі дзвони По всій Україні».

Похід у Польщу військ Хмельницького у 1648 р. закінчився перемогою українського війська. Після підписання перемир'я з новообраним королем Яном Казиміром у липні 1648 р. Хмельницький повертається до Києва, де йому влаштовують урочисту зустріч. Ці події відтворені у Гребінки. Шевченко ж у своїх творах їх не згадує.

Україну, яка знаходиться на роздоріжжі шляхів, мали намір підкорити Польща і Туреччина. Вони послали до Хмельницького послів з коштовними дарунками. Ці епізоди зображені у поемі Гребінки. У розмові з священником Григорієм гетьман заявляє, що посланець від султана привіз йому в дар бунчук і булаву. Посли Польщі від Яна Казимира привезли в дарунок соболів, гроші і клейноди.

У поетичних творах Шевченка ці епізоди відсутні. Але їм присвячена картина «Дари в Чигирині 1649 року». Крім турецького і польського посла, на картині зображено і посла від російського ца-

ря. До картини додано текст, у якому говориться, що «рада (окрім славного рицаря Богуня) присудила єднать царя московського».

У поемі Гребінки розповідається про те, як народ сприйняв російських послів, що прибули до Переяслава. Найкраще це висловлено у піоні бандуриста Микити. Поема Гребінки закінчується картиною Переяслівської ради, яка дана досить стисло. Хмельницький звертається до народу за порадою, як бути, чи згоден народ «Присягу дати московському царю На подданство Росин?» Коли ж народ висловлює згоду, протрієрей Григорій з хрестом у руці сходить з ганку і виголошує: «Во имя бога, слушай присягу!» Народ підкидає шапки. Чути вигуки: «Волим, волим, волим!»

Отже, у Гребінки відтворено все, що пов'язано з Богданом Хмельницьким, тільки в позитивному плані.

У Шевченка такої одиниці в оцінці Хмельницького немає. Там, де йдеться про боротьбу українського народу проти польської шляхти поет схвалює її беззастережно.

У ряді випадків Хмельницький згадується у Шевченка безвідносно до конкретних історичних подій («Сон» — «Гори-мої високі»). У такому випадку ім'я гетьмана тільки називається, без будь-якої оцінки.

Тоді ж, коли йдеться про Переяслівську раду, ми зустрічаємося з певними суперечностями. Це залежить від того, з якого приводу згадана ця рада. У повісті «Близнецы» письменник, називаючи Успенську церкву в Переяславі, підкреслює, що в ній приймалася присяга «на верность московскому царю Алексею Михайловичу гетманом Богданом Хмельницким со старшинами и с депутатами всех словий народа украинского».

У більшості випадків згадується Переяслівська рада у зв'язку з зображенням Шевченком сучасного йому становища українського народу. В таких випадках говориться про російський царизм як про гнобителя трудящих, і Переяслівській раді дається негативна оцінка.

Найбільш сконцентровано двоєке ставлення Шевченка до Богдана дано у поезії «Стоїть в селі Суботові». У ній висловлена думка, що Хмельницький повів український народ на возз'єднання з російським, але возз'єднанням скористався російський царизм. Він посилив гніт українського народу, почав ліквідувати його права і кінець кінець повністю закріпачив його.

Таким чином, у підході до створення образу Хмельницького у Гребінки і Шевченка є спільні моменти, але є й певна відмінність.

Л. Б. МОСТОВА (Одеса)

ФОЛЬКЛОРНІ МОТИВИ В ТВОРЧОСТІ Є. П. ГРЕБІНКИ.

Досягнення Є. Гребінки в жанрі байки, без сумніву, пов'язано з активним творчим освоєнням фольклорних мотивів та образотворчих засобів. І. Я. Франко зазначив, що байки Гребінки «визначаються ярким національним і навіть спеціально лівобережним колоритом, здоровим гумором і не менш здоровою суспільною і ліберальною тенденцією». Сам письменник також не раз наголошував, що надійною основою дальшого розвитку української літератури є життя й поезія народних мас.

Під час навчання в Ніжинській гімназії вищих наук Є. Гребінка писав своїм батькам у листі від 30 жовтня 1829 року: «Попросите сестрицу, чтоб она прислала как можно скорее и как можно более песен малороссийских с нотами: вы не поверите, как они мне нужны». Таке захоплення народною творчістю, що була важливим джерелом оригінальної спадщини письменника, залишилось протягом усього життя. Є. Гребінка зазначав, що

Мне в душу запали далеко, далеко
Украины песни моей.

Письменник був добре обізнаний з народною творчістю і з власного досвіду, і з фольклористичної діяльності М. Цертелєва, М. Максимовича, російських фольклористів та з видавничої справи. Так, у своєму альманасі «Ластівка» він опублікував цілу низку українських народних пісень, прислів'їв, загадок.

На початку XIX століття Є. Гребінка виступав в літературі як український байкар, який, враховуючи досягнення Гулака-Артемовського й Боровиковського, спираючись на світові досягнення цього жанру, прагне використати надбання українського фольклору.

Вже перші його опубліковані байки — «Пшениця» і «Будяк та Конопличка» свідчать про зв'язок з народними джерелами. У байці «Будяк та Конопличка» народна алегорія художньо розкриває природу стосунків між панівним класом і гнобленими. Паразитуючий Будяк уособлює ту суспільну верству, яка звикла жити за рахунок інших (Будяк землю... з-під корінця забрав у Коноплички) та ще й жорстоко «товче» їх.

Байка «Пшениця» побудована на хліборобській істині, що краще зерно тоне у воді, а неповноцінне разом з половиною спливає. Цей життєвий досвід був прекрасно представлений в усній народній творчості. За народною уявою Полова викликала аналогію з панамі, які, «задравши ніс, розприндивившись ходили». Досвід хліборобської праці використовується і у байці «Ячмінь». Байка побудована на народнім прислів'ї «Колос повний до землі гнеться, а пустий угору дереться». де асоціація будується на протиставленні панівних верств і експлуатованих.

Слід зазначити, що більшість байок Є. Гребінки будується на сталих, афористичних, підкріплених народним досвідом, прислів'ях. Це і байка «Верша та Болото», що побудована на прислів'ї «Насміялась верша з болота, аж і сама в болоті», і байка «Школяр Денис», що художньо трансформує прислів'я «Пани б'ються, а в мужиків чуби тріщать» та інші.

Використанням фольклорних образів позначена байка «Ведмежий суд», що є яскравою реалістично-викривальною сатирою царського суду. У творі Є. Гребінка дотримується традиційних характеристик персонажів, які запозичені з казкового матеріалу. Така сталість у визначенні дійових осіб допомогла письменнику надати промовисту оцінку у кожній постаті як представнику певної суспільної дії.

Отже, огляд фольклоризму байок Є. Гребінки переконує, що народно-поетичний матеріал дозволив поету яскравіше дати соціальну характеристику певній суспільній категорії, розкрити зміст класових взаємин, відтворити проблеми соціально знедолених мас. Фольклорні джерела надавали творам Є. Гребінки соціально-викривальне звучання.

Е. П. ГРЕБЕНКА И Д. В. ГРИГОРОВИЧ.

Е. П. Гребенка — известный русско-украинский писатель — является одним из выдающихся выпускников Нежинской гимназии, который начал заниматься литературным творчеством еще в годы учебы, являясь одним из участников рукописного гимназического журнала «Аматузия».

С 1834 года, постоянно проживая в Петербурге, центре прогрессивной мысли, науки, культуры, он сходиллся со многими известными деятелями русской культуры: А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским, Ф. П. Толстым, В. П. Далем, А. В. Кольцовым, И. С. Тургеневым, И. И. Панаевым и другими. Десять лет спустя в этот круг ирруптивных литераторов XIX века вливается и Д. В. Григорович, начинающий писатель, заявивший о себе очерком «Петербургские шарманщики».

Вопрос общности творчества Е. П. Гребенки и Д. В. Григоровича в литературоведении еще никак не рассматривался. Безусловно, интересно проследить за развитием творчества этих двух писателей, за решением острейших социальных вопросов середины XIX века в их произведениях.

Войдя в круг петербургских прогрессивных литераторов, Гребенка и Григорович обратились к разрабатываемым ими актуальным проблемам современности, стремились стать непосредственными участниками той активной части общества, которая выступала против несправедливостей общественного строя.

Е. П. Гребенка и Д. В. Григорович становятся типичными представителями «натуральной школы». Ее эстетические достижения все больше входят в сознание писателей, доказываются реалистическим характером и критической направленностью значительной части их произведений, находя свое воплощение прежде всего в очерках. «Петербургская сторона» Гребенки и «Петербургские шарманщики» Григоровича, напечатанных в I части Некрасовского сборника «Физиология Петербурга», начавшего новый этап в развитии литературного процесса, первого этапа критического реализма, — этапа «натуральной школы», в повестях и романах Гребенки «Доктор», «Записки студента», «Иван Иванович», «Кулик», «Братья» и многих других и в произведениях Григоровича «Деревня», «Антон Горемыка», «Бобыль», «Переселенцы» и других.

Вскрывая пороки общества своего времени, стремясь к улучшению жизни «маленького человека», к изменению действительности, Гребенка и Григорович, однако, не знали путей изменения общества, не призывали к его революционному преобразованию.

В творчестве Гребенки и Григоровича, хорошо усвоивших гоголевские стилистические приемы, роль детали, манеру повествования, не только много общих моментов, но есть и различия. Например, в плане тематики: Гребенка одно время увлекался исторической темой, Григорович же к исторической тематике в своем творчестве не прибегнул ни разу.

Интересен вопрос о личном знакомстве Гребенки и Григоровича, о знаменитых в Петербургских литературных кругах «Вторниках» Гребенки, на которых часто бывал Григорович.

В целом литературная и общественная деятельность Гребенки и Григоровича была ярким проявлением неразрывной связи культур двух братских народов — украинского и русского.

Н. М. НАГОРНАЯ (Киев)

**Е. П. ГРЕБЕНКА И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
(«ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА» И «ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ»).**

В истории русского критического реализма 40-х гг. XIX века значение очерковой прозы Е. П. Гребенки явно недооценено. Между тем один лишь только аспект — рассмотрение творчества украинско-русского писателя как одного из «литературных спутников» Достоевского — уже заслуживает особого внимания. На сопоставление творчества Гребенки и Достоевского наводит прежде всего идеологическая «созвучность» и жанрово-стилевая соотносимость «Петербургской стороны» (1845) Гребенки и «Петербургской летописи» 1847—49) Достоевского — произведений, созданных в русле эстетики и поэтики «натуральной школы».

В научной литературе «Петербургская сторона», появившаяся в альманахе «Физиология Петербурга», безоговорочно относится к жанру «физиологического» очерка, в то время как это произведение ориентировано на иное жанровое «задание», сближающее очерк Гребенки с другим необычайно популярным жанром газетно-журнальной публицистики 40-х гг. XIX в. — с «воскресным фельетоном», «петербургской летописью». В жанре «петербургской летописи» публиковали свои хроники-обзрения Плещев, Панаев, Бутков, Губер, Некрасов и многие другие. Цикл фельетонов под общим названием «Петербургская летопись» принципиально важен при интерпретации творчества Достоевского (не только раннего периода).

Гребенка (как и другие авторы «летописей») строит свое повествование по принципу «панорамного обозрения», ставшему определенным знаком устоявшейся к 40-м гг. XIX в. газетно-журнальной информации на темы городской столичной (петербургской) жизни. Повествовательная структура «Петербургской стороны» и «Петербургской летописи» отличается открытой («стерновской») композицией, сочетанием рассказа-исповеди и «даггеротипных» документально точных «объективных» описаний городской жизни, непринужденным соседством анекдота, мини-рецензии на события культурной жизни, заметок «о том, о сем», вставной самостоятельности сюжетной «истории» и т. п.

В фельетонах Достоевского и Гребенки можно отметить более усложненный (чем, скажем, в очерках Далея и Григоровича) тип повествования. Оба писателя широко разрабатывают различные способы ведения повествования от лица условного рассказчика, довольно ярко очерченного стилистически. Проблема рассказчика перерастает в фельетонах Достоевского и Гребенки в проблему содержательного подтекста и тех многочисленных аллюзий, которыми пронизаны произведения двух авторов. При расшифровке «скрытых мотивов», «тематических гнезд» раскрывается картина острой, хотя и не прямой журнальной полемики, которую — в традициях жанра фельетона 40-х годов — вели и Достоевский, и Гребенка. «Эмблематичность»

почти всех общих для фельетонов исследуемых авторов «сквозных мотивов» настолько очевидна, что позволяет ставить вопрос о связи не только «Петербургской летописи», но и «Петербургской стороны» с такими произведениями Достоевского, как «Бедные люди», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господин Прохарчин», «Ползунков», «Белые ночи».

В «Петербургской летописи» отражены многие принципиальные моменты, отсутствующие в фельетоне Гребенки, — размышления о национальном характере и исторической судьбе русского народа, скрытая полемика с гоголевской темой «России-тройки», профессиональный обзор литературных и театральных новостей. Содержательный фон фельетона Гребенки скромнее богатейшей идеологической палитры «Петербургской летописи», однако важно, что фельетоны-обозрения Гребенки и Достоевского, связанные общностью структуры повествования, выступают в роли типологических ориентиров при определении своеобразия жанрово-стилевой системы критического реализма 40-х гг. XIX века.

О. М. ОХРИМЕНКО (Ніжин)

ФОЛЬКЛОРИЗМ ПОЕЗІЇ В. ЗАБІЛИ.

В. Забіла почав писати вірші в добу, коли в українській літературі утверджувався романтизм — напрям, який обґрунтував необхідність творення національної літератури як літератури на фольклорній основі. Поезія В. Забіли розвивалась у межах фольклорної стильової течії, тобто в образному відображенні життя В. Забіла свідомо опирався на фольклорні образотворчі прийоми, підпорядковуючи їх власному художньому баченню світу. Перехід імперсональних художніх структур в авторські відбувався таким чином:

1) стилізація творів під народні у межах одного ліричного настрою (це переважно романтизовані народні пісні про нерозділене кохання, недолю, сирітство з нещасливим, дисгармонійним кінцем — «Соловей», «Гуде вітер вельми в полі», «Повіяли вітри буйні» та ін). Показово, що В. Забіла об'єднав свої вірші у збірку під промовистою назвою — «Співи крізь сльози».

2) розширення так званих «периферійних» елементів фольклорної ліричної ситуації — введення деяких біографічних даних про поета, які посилюють індивідуалізацію ліричного образу переживання (вірші «Два вже літа скоро пройде», «Повіяли вітри буйні», «До невірної», «Розлука»), а також власної поетики, «предметного сяна («гроші», «худоба», «вишення» (з грішми), «хата», «двері», «винниця», «копійка»), що посилювали реалістичний потенціал, вмотивованість внутрішніх переживань зовнішніми об'єктивними причинами (владою грошей).

3) посилення емоційного темпоритму, потенційно закладеного у фольклорному образі переживанні шляхом.

а) звернення до смислових повторів — поетичних образів, що виражають той же ліричний настрій в різній словесній формі («б'ється в грудях серце», соловейко, ти «душу роздираєш», «у душі похолоне», «замре серденько», «я, бідний, безталанний», «Сонце зійде я нуджуся, і заходить — плачу», «цілий вік свій усе плачусь на лиху годину», пісня «душу роздирає», «Гірше б'ється моє серце,

Аж дух завмирає» — тільки в одному вірші «Соловей»). В. Забіла романтизує свої почуття, надає їм виключного трагізму;

б) введення у текст риторичних звертань, запитальних і окличних речень («Чи вже квітка, як одірвань, Довго цвісти буде? Або серце, як розлучить, То воно й забуде?»; «Чи довго я, нещасливий, Буду так крушиться?», «Чого серце тяжко б'ється, Чого я бажаю?» та ін.). Ці синтаксичні фігури передають ситуації найвищого ліричного напруження, його постійне зростання, безвихідь.

Образ ліричного героя, у якому найповніше виявляється ліричний суб'єкт, на думку Л. Гінзбург, «не існує в окремому вірші. Це неодмінно єдність, коли не всієї творчості, то періоду, циклу, тематичного комплексу» (Гінзбург Л. О лирике.—Л., 1974.— С. 155). Образом нещасливого закоханого у збірці В. Забіла зробив серйозну заяву на створення образу ліричного героя. Фольклорний ліризм поет вміло поєднав із особито пережитими почуттями. Ліричний суб'єкт В. Забіли був по-справжньому народний, саме тому ряд творів із збірки стали народними піснями. Разом з тим сильний фольклоризм з його деперсоналізацією почуття утруднював кристалізацію образу ліричного героя у В. Забіли. Такий психологічний синкретизм загальнонародного (національного) і особистого був характерним явищем для художньої свідомості українських письменників I пол. XIX ст.

О. М. МОЗОЛЮК (Кам'янець-Подільський)

НАРОДНОПІСЕННІ ЕЛЕМЕНТИ В ПОЕЗІЇ ВІКТОРА ЗАБІЛИ.

Посилена увага до української етнографії, народнопісенних джерел ґрунтувалася і ґрунтується на осмисленні тематично-естетичних цінностей фольклорних творів, на розумінні величезної ролі фольклорного слова у формуванні літературної мови. Вся мовна система українського фольклору сприяла створенню нової літературної мови на народній основі.

Творчість поета романтика В. Забіли найтісніше пов'язана з народною поезією, яка протягом усього життя була для нього зразком і джерелом натхнення.

У ряді своїх творів («Соловей», «Маруся», «Човник», «Гуде вітер вельми в полі», «Після» («Послухайте мою пісню»), «Пісня» («Не плач, дівчинно») та ін.), що стали народними піснями, Забіла використовує лексику, типову для народнопісенної творчості, а саме: серденько, дівчиненька, казаченько, соловейко, гніздечко, весельце, човник, горілочка, пісеньки, голубка, голубчик, губоньки, ніченька, рученька, ніженьки, Марусенька, жменька, слізки; милий, милесенький, буйний (вітер), лиха (година) злая (доля), рідна (дитина), сирая (могила), старенькая (мати), козацькая (воля), гарная (дівчина), русявая, моторная; тая, яка; близенько, раненько, тихенько, гарненько, дрібненько.

З народною піснею зближує поезії В. Забіли коломийковий пісенний ритм, що в поєднанні з дієслівною синонімією створює якесь особливе звучання: Буду мучиться, крушиться, буду убиваться; Піду, помандрую; Чи довго я нещасливий, буду так крушиться. Треба б уже перестати скучать і нудиться; Вечоріє, смеркається, дедалі темніє, звивається хуртовина, вітер вельми віє; Вітер свище, реве, несе, вихри піднімає; Гуде вітер вельми в полі! Реве, ліс ламає.

Про духовну спорідненість поета з народною творчістю свідчить характер його порівнянь, як правило, постійних: Як квіточка хороша, Як тополька статна і як лебідь білесенька, Зовсім уся знатна; Губоньки — як би намисто, Що добрим зветься; Сонечко неначе зійде. Вона як сміється. А як пісні заспіває, Солов'я не треба; Слухаш, не знаєш, де це, Неначе хто з неба, («Послухайте мою пісню»); І я в світі, як той човник, Де пристать, не знаю. («Човник»); Молода, як квітка, гарна: Здоровая, біла. («Весілля»).

Мовно-поетичне мислення Забіли засвідчує усталені лексико-семантичні зв'язки між поняттям людина і пташка: Ти щасливий, спарувався і гніздечко маєш! А я бідний, безталанний, Без пари, без хати, Пугач мені так годиться: Стогне, не співає; Нехай стогне коло мене, Да смерть возвішає. («Соловей»); Кохав дуже я дівчину, Як росу травця; Як голубку голуб сизий и як волю птиця, Гарно пташечка співає, Як живе на волі, — Гірко живе той у світі, Хто не має долі. («Туга серця»).

Серед традиційних народнопоетичних образів, стилістично навантажених у поезії В. Забіли, увагу привертають назви явищ природи — сонце, хмара, вітер:

Кинешся, де гріє сонце, —
Хмарою закриє;
Кинешся, де гарно, тихо, —
Буйний вітер віє.

У народній пісні часто вживаються як синонімічні слова доля і воля. Ці народнопісенні символи виступають у творах поета-романтика: Прокляла мене навіки Моя злая доля, Не мила мені на світі Козацькая воля.

Поетичні твори Віктора Забіли і зараз продовжують жити в народі. За висловом І. Я. Франка, «...безпретенціональність і примітивність його ліричних впливів і творить головну частину їх вартості, робить їх «людським документом»...».

В. С. КАЛАШНИК, Л. Г. САВЧЕНКО (Харків)

МОВНОСТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ЛІРИКИ ВІКТОРА ЗАБІЛИ.

Лірична поезія В. Забіли має виразну фольклорну основу, її стилістика органічно пов'язана з стилістикою народних пісень. Вплив фольклорної символіки помітний уже в назві складеної поетом збірки «Співи крізь сльози», а також у назвах окремих віршів: «Голуб», «Пугач», «Соловей», «Повіяли вітри буйні», «Туга серця», «Зовсім світ перевернувся», «Гуде вітер вельми в полі» та ін. (див., зокрема, такі народні поетичні символи, як *соловей, голуб, пугач, вітер*). Широко використовує автор демінутивні народнопісенні форми (*серденько, голубонько, квіточки, молоденький, раненько, близенько, тихенько, тощо*), конструкції з постійними епітетами (*лихая година, бідна сиротина, голуб сизий, вітри буйні, козак молоденький, гіркі сльози* і т. ін.), відповідні порівняння, якими іноді передається ціла низка взаємопов'язаних мікробразів (напр.: «гарная дівчинонька» — «Як квіточка, хороша, Як тополька, статна і як лебідь, білесенька...»). Особливе стилістичне навантаження має часто вживаний поетом паралелізм, за допомогою якого здебільшого контрастно зіставляються поняття щасливої та нещасливої долі («Літа мої молодії, Вам вже

не вертаться. Душі моєї прийшла пора Сльзьми обливаться»). Як і в народній пісні (див. Єрмоленко С. Я. Фольклор і літературна мова. — К., 1987. — С. 73—74), образне розкриття мотиву неволі, глибоких страждань людини у В. Забіли нерідко спирається на семантику слів *туга*, *сльози* та їх синонімів. Привертає увагу також інтонаційна співвіднесеність лірики поета і лірики народної, зокрема наявність там і там окличних інтонацій.

Багатство власне фольклорної атрибутики і народнопісенних засобів разом із тим не позбавляє поетичний доробок Віктора Забіли тієї привабливості, яка властива простій і задушевній ліричній сповіді чутливої, емоціональної, вразливої особистості. Актуалізовані поетом переживання ліричного героя здобули адекватну мовну форму, у якій знайшлося місце й перлинам особистого художнього світосприйняття автора, оригінальній його образності (як приклади можна навести хоча б щасливо віднайдену словесну формулу «*Гуде вітер вельми в полі!*» чи метафоричне звертання до вітру «*Одірви ж од серця тугу, Рознеси по полю!*»). Сентиментально-романтична лірика В. Забіли, безумовно, належить до надбань українського словесного мистецтва, що зберігають і зберігатимуть надалі силу свого емоційного та естетичного впливу на читача.

О. П. ЧУГУЙ (Харків)

ДРАМАТУРГІЧНІ ЕЛЕМЕНТИ В ЛІРИЦІ В. ЗАБІЛИ

Драматургізм лірики В. Забіли — одна з провідних рис його творчості, що зробила її оригінальною і надзвичайно привабливою. Цьому сприяли:

1. Виразна єдина дія, яка пов'язана з невдалим коханням. Вона об'єднує більшість творів поета в єдине ціле — велику ліричну драму, сповнену найрізноманітніших відтінків — напруженої внутрішньої боротьби, піднесення і спадів.

2. Максимально драматургізований ліричний монолог, завдяки чому він постійно змінюється і досягає таких найдовершеніших художніх форм, як монолог-скарга («Соловей»), монолог-докір, монолог-звинувачення («До невірної»), монолог-каяття («Два вже літа скоро пройде...»), монолог-допит («Нащо, тату, ти покинув...»), монолог-розвічання («Сирота»), монолог-благання («Туга серця»).

3. Майстерне використання психологічної деталі як зачину і логічного мотивування появи напруженого монолога, який далі розгортається контрастом або паралельно до цього образного заспіву («Соловей», «Човник», «Гуде вітер вельми в полі...» та ін.).

4. Пасичення ліричного монолога важкими переживаннями і трагічними роздумами, що перетворюють його в лірико-драматургічне вираження помітним залученням засобів і прийомів сатиричного відтворення дійсності («Зовсім світ перевернувся...», «Пугач», «Розлука»).

5. Здатність до найвищого ступеня перевтілення, граничного наближення до адресата, що неодмінно зумовлює появу «чужих голосів», трансформацію монолога у прихований або відкритий діалог: «Зовсім світ перевернувся...», «Розлука», «Пісня» («Не плач, дівчино...»).

6. Висока майстерність добору і відточення виразних драматургічних реплік, що набирають значення крилатих висловів, нагадуючи фольклорні та поповнюючи їх скарбницю: «Сонце зійде — я нуджуся, І заходить — плачу» («Соловей»), «Котрі любляться по правді, Повік не забудуть» («Маруся»), «Дивлюсь на все, як без очей» («От і празника діждались...»), «От тобі й нажився!», «От тобі й женився!» («Сидів раз я над річкою...»), «Тепер дивляться в кишеню, Не на чоловіка», «Хто тепер без грошей стане, Вірно вік любити» («Сирота»), «Чия кишеня повніша, Той і буде правий», «Хто за голого потягне» («Зовсім світ перевернувся...»), «Серце не прив'яжеш» («Сорока»), «Співають пташки і в неволі, Да все не так» («До Шевченка»).

7. Побудова і використання діалогів згідно з вимогами драматургічної поетики. Зв'язування реплік за принципом контрасту, спільного слова, перехоплення зброї супротивника, варіації-розгортання народного афоризму та ін.

8. Глибоке освоєння фольклорного драматургізму, зокрема поетики народних голосін, пісень про кохання, чумацьких і козацьких пісень, найрізноманітніших паралелізмів, афоризмів, порівнянь.

Отже, драматургічні елементи є невід'ємною частиною поетики В. Забіли. Поряд з іншими засобами і прийомами вони активно сприяли демократизації літератури, зміцненню її зв'язків з життям, утвердженню реалістичного способу відображення дійсності. Саме тому лірика В. Забіли найменш романтична в усій поезії дошевченківського періоду.

Т. В. МИХЕД (Нежин)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТЕЙ Я. ДЕ БАЛЬМЕНА

Имя Якова де Бальмена (1813—1845), выпускника гимназии высших наук, до недавнего времени было известно разве что шевченковедом. Ему Т. Г. Шевченко посвятил поэму «Кавказ»: «Искреннему моему Якову де Бальмену». Их связывала добрая творческая дружба, так как Я. де Бальмен был иллюстратором поэм «Гайдамаки» и «Гамалия». Но в качестве оригинального писателя, автора самобытных романтических произведений («Изгнанник», «Самоубийца», «Мыза», «Солдат», «Сон», «не достанься никому — ни мне, ни ему, злодею моему (Я. де Бальмена узнали после счастливой находки полтавского литературоведа А. Кузьменко и публикации им повестей, дневника и писем в 1988 г. (Яков де Бальмен. Повести. Харьков, «Прапор», 1988).

Связь с романтизмом определяет эстетические координаты и стилистику произведений Я. де Бальмена. Данный доклад посвящен жанровым особенностям повестей писателя.

Свойственное литературе романтизма тяготение к жанровому синкретизму проявилось не только в возникновении новых жанровых образований, но также в стремлении к модификации клише уже сложившихся и устоявшихся жанровых стереотипов.

Явственная тенденция к драматизации эпических жанров отличает творчество Якова де Бальмена. Это отразилось на характере следующих жанрообразующих компонентов повестей Я. де Бальмена: — исключение автора непосредственно из действия, заданность

на максимальний об'єктивизм изложения. Даже в том случае, когда де Бальмен использует собственный дневник («Отрывки из записанного дневника»), он стремится к отстранению, создавая определенную дистанцию между автором и лирическим героем;

— структура повестей ориентирована на персонажей, каждый из которых является центром отдельных автономных эпизодов-сцен;

— расчленению на эпизоды способствует включение пейзажных зарисовок, выполняющих роль своеобразных авторских ремарок;

— драматизм повестей Бальмена обусловлен острым неразрешимым конфликтом, который, с одной стороны, мотивирует противоречия, внутреннюю конфликтность героев (например, Владимир и князь в «Изгнаннике», Виктор и Леонид в «Солдате»), а с другой — отражает противоречия общественной жизни, сказавшейся на судьбах героев. Драматические коллизии развиваются со стремительной быстротой, как правило, приводя к трагической развязке (самоубийство Владимира в «Самоубийце», трагическая гибель влюбленных в «Не достанься никому...», утрата любви в «Изгнаннике» и т. д.);

— тенденция к диалогизации речей персонажей, выведение их из-под авторского комментария, стремление через диалог дать характеристику нравственно-психологического состояния героя, его эпическую оценку и самооценку;

— особый характер персонажей Бальмена — это, обычно, люди, готовые безоглядно отдаваться нахлынувшим чувствам, эмоциям, способные на безрассудные поступки под влиянием минуты, что обусловило динамизм, экспрессию, драматизм и, во многом, драматизацию повестей Я. де Бальмена как определяющий жанровый элемент.

В. Т. СЕРЕДА (Переяслав-Хмельницький)

ФОЛЬКЛОРНІ ДЖЕРЕЛА СТИЛЮ УКРАЇНОМОВНИХ ПОЕЗІЙ О. АФАНАСЬЄВА-ЧУЖБІНСЬКОГО

Дослідники художньої спадщини О. Афанасьєва-Чужбинського (М. Гербель, П. Биков, І. Франко, Д. Багалій, М. Гнатюк) побіжно відзначали його зв'язок з фольклором. Проте питання ролі народно-естетичного світосприймання і світвдображення у творчості поета заслуговують на більш поглиблене вивчення.

О. Афанасьєв-Чужбинський як «дійсний поет» (І. Франко) живився соками українського фольклору, що в романтичну добу відіграв важливу роль у становленні нової української літератури. За свідченням біографа П. Бикова, дитинство митця слова проминуло в селі «среди патриархальной жизни народа, богатого поэтическими преданиями о лихом казачестве, славных запорожцах, сказками, песнями о «вольной воле» (Собр. соч. А. Афанасьєва-Чужбинского. — СПб, 1890. — Т. 1. — С. 17).

У виступах і рецензіях О. Афанасьєва-Чужбинського 40—60-х років, які друкувалися в російських часописах («Северная пчела», 1852. — № 283; «Современник», 1855. — № 4; «Русское слово», 1861. — № 1), містяться чимало його висловлювань про роль народної поезії, особливості мови письменників. У передмові до своєї збірки «Що було на серці» (1855) та в листі до Г. Данилевського (1856) автор говорить про потребу дбайливого збирання народних перлин.

Широке залучення фольклорних мотивів, народної поетики підпорядковане романтичному відтворенню невпевненості, тривоги, в основі яких і особисті переживання поета, і роздуми про людей. Народнопоетичним символом сирітства й самотності в нього, як і в інших романтиків, є перекотиполе, билина, горох при битій дорозі («Є. Гребінці», «Прощання», «Безталання», «Місяць», «Осінь»).

При дослідженні фольклорної поетики творів О. Афанасьєва-Чужбинського про особисту і людську безталанну долю («Роздум'я», «Весна», «Осінь», «Безталання», «Місяць») напрошуються паралелі з раннім циклом Т. Шевченка «Думка» («Тяжко-важко в світі жити», «Тече вода в синє море», «Нащо мені чорні брови»).

Ряд поезій О. Афанасьєва-Чужбинського починається постично одухотвореним зачином («Пісня», «Думка», «Огнище», «Метіль»), де, як правило, елегійний пейзаж, всупереч бурхливо-піднесеному в «Причинні» Т. Шевченка чи «Гуде вітер велми в полі» В. Забллі, є початком психологічного паралелізму, майстерно розгорнутого у поетичних строфах.

Метафоричність (символіка, персоніфікація) лірики поета також почерпнута з фольклору. Його вірші — мелодійні, пісенні, різноманітні щодо ритміки і метрики, О. Афанасьєв-Чужбинський мав певну заслугу у впровадженні коломийкового вірша («Шевченкові», «Весна», «Роздум'я», «Огнище»), практично заперечивши декларовані ним думки, що для української поезії класичні метри є ніби штучними, «тяжеловесними». Від народної словесності йшло в романтичній поезії митця слова органічне поєднання переживань, емоцій героїв з образами природи, теплота почуття.

Поет уміло використовує фольклорні постійні епітети, тавтологію (кореніслівну й синонімічну), прийом синтаксичного та заперечного паралелізму; старослов'янізм і «славословіє» в думових традиціях («Над гробом Шевченка»), що надають його творам як елегійного, так і патетичного звучання.

Показово, що, працюючи над «Словником української мови» (1855), О. Афанасьєв-Чужбинський як ілюстрації до нього бере численні уривки з українських народних дум, над вивченням яких тоді працював («О малороссийских думах», 1853), колядки й щедрівки, народні пісні, записані в етнографічній експедиції, пісні Паталки І. Котляревського та «Гриць» М. Чурай, що становлять фольклорний елемент «Словника» і потребують окремого дослідження.

Л. В. МУЖЕЛОВСЬКА (Кам'нець-Подільський)

НАРОДНОПІСЕННІ ДЖЕРЕЛА ПОЕЗІЇ О. АФАНАСЬЄВА-ЧУЖБІНСЬКОГО

В українській літературі були письменники, які розпочали свою творчу діяльність приблизно тоді, як і Т. Г. Шевченко. До них належить поет-романтик, літературний критик, журналіст і етнограф Олександр Афанасьєв-Чужбинський.

Збираючи народні пісні, казки, легенди, перекази, О. Афанасьєв-Чужбинський розширював і зміцнював зв'язки літератури з фольклором. Він переніс у свої поезії нев'яучі образи народної поезії, використавши її волелюбні мотиви. Запоруку успішного зростання національних літератур він, як і інші українські поети-романтики, спра-

ведливо вбачав у розвитку народної мови, тому всіляко захищав і відстоював право української мови на існування і самостійний розвиток.

Аналіз мови поезій О. Афанасьєва-Чужбинського, писаних українською мовою, дає підстави твердити про їх органічний зв'язок з фольклорною поетикою.

Особливо виразно виступає в них усонародна лексика, як-от: боже, билина, сиротина, сердюга, жаль, горе, нудьга, туга, чарочка, щастя, весна, мліти, женитися, мандрувати, сохнути, оддати, ісходити, спочити, зачаруватися, цуратися і т. д. Широко використовує автор загальнонародні назви рослинного світу, назви птахів як засіб символізації туги, сирітства, самотності, краси людських почуттів і всього павколишнього: ряст, барвінок, чебрець, васильки, рута, билина, перекотиполе, калина, лоза, та інші. Часто ці слова є основою такого образного засобу, як порівняння: Як горе, **мов терен**, всю душу поколе. Коли одцуралось тебе вже усе, І ти, **як сухе перекотиполе**, Не знаєш, куди тебе вітер несе («Є. П. Гребінці»); Поки цвів ти, **як калина**, То й лихо минало («Осінь»); Всяка біда, горе — в серці, **Мов гадюка лазить** («Йкаль»).

Метафоричність ліричних віршів Афанасьєва-Чужбинського також в основному почерпнута з фольклору: радість ллється; вітер розходивсь, гуля; серденько озветься; вода біжить; сонілка голосить; заплаче радість; лихо сміється; сонце вставало; сонце гляне; хмарка гуляла; тополя розмовляла; сходить вечір; морози прилинуть, здавлять душу, висушать сльози; огонь згинув; місяць впливав.

Особливо відчутно вилинула на мову і стиль поезій О. Афанасьєва-Чужбинського народна пісня. Саме пісенні мовні засоби є основним художнім матеріалом для відтворення духовного світу людини, її настроїв і переживань, суперечностей між ідеалом і дійсністю. Такими мовними засобами, використаними Афанасьєвим-Чужбинським, є: численні демінутиви: димок, вітерець, попелець, іскорка, квіточка, серденько, травка, сонечко, і т. д.; постійні епітети: червона калина, широке поле, чистая кришниця, лист зелений, чорні очепята тощо. Особливе емоційно-оцінне значення несуть в собі епітети, що виражаються нестягненими формами прикметників і займенників: пахучая весна, квітчасті долини, синяя стрічка, чистая кришниця, злая доля та інші.

Одним із важливих художніх елементів народно-пісенного фольклору є компаративні фразеологізми: згину, так як гине травка на морозі; стою, як той горох при дорозі; цвів ти, як калина; щось важке, як ніби камінь; живіть, як голуб з голубкою; горе, мов терен, всю душу поколе; сам, як той човен без весла у морі; виросла, як пишна рожа та ін.

Отже, поетика О. Афанасьєва-Чужбинського переконливо свідчить про її органічний зв'язок з народною творчістю.

РОЛЬ Л. І. ГЛІБОВА В РОЗВИТКУ І ПОШИРЕННІ УКРАЇНСЬКОГО СЛОВА (ДО ІСТОРІЇ ВИДАННЯ «ЧЕРНИГОВСКОГО ЛИСТКА»)

Визначний український письменник пошевченківського покоління Л. Глібов зробив великий вклад у розвиток і поширення української літературної мови.

Значну роль у поширенні українського слова відіграв і «Черниговский листок» — щотижнева газета, яку видав Л. І. Глібов з 1861 по серпень 1863 р. Ця газета виходила, як відомо, двома мовами — російською і українською і була другим (після «Основи») українським періодичним виданням в історії України. В умовах тогочасної реакції цензурних утисків, постійних заборон українського слова, широкообутованих нігілістичних, українофобських настроїв по відношенню до української культури, літератури, мови, навіть сама думка видавати газету українською мовою була, як підкреслював Л. Глібов, «слишком смелая» (с. 259). Незважаючи на це, Л. Глібов після неодноразових клопотань все ж домігся дозволу на видання. Він зазначав, що «в предприятии нашем, кроме искреннего желания служить на пользу обществу, ничего не было, никаких материальных расчетов и выгод» (Л. Глібов. Твори. 42-х т. — К., 1944. — Т. 2. — С. 259).

Письменникові доводилося долати ряд труднощів, пов'язаних з газетою. Про це, зокрема, він писав у листі до П. О. Зеленого від 5 лютого 1863 р.: «...у меня, несмотря на скромное издание, хлопот, как говорится, полон рот... Издательская тропинка на черниговском поле не розами богата, а тернием. Тот, кто не знает этой тропинки, не повсрит, может быть, на слово» (с. 362). А в листі до О. Я. Кониського від 16 жовтня 1861 р. Л. Глібов підкреслював: «Вы себе представить не можете, как трудно у нас вести это дело!» (с. 314). Серед несприятливих факторів, що стояли на перешкоді видання, насамперед слід відзначити цензурні труднощі. Про них Л. Глібов писав у листі до О. О. Андрушенка від 21 грудня 1862 р.: «Листок» идет хуже всякой почтовой клячи... и грустно и досадно. «Значит, — скажем сам себе, вздохнувши, — коренная скачет — пристяжные не везут». Коренная-редактор — рвется, а цензор... и типография... не оказывают такой энергии, какую откалывает слабосильная коренная (редактор)...» (с. 361). Особливо прискіпливою була цензура до творів, писаних українською мовою чи на українські теми. «У нас строго ценят украинские произведения», — зазначав Л. Глібов (с. 362).

Значними були матеріальні труднощі (нестача паперу, друкарень, мала кількість передплатників). Відомо, що Л. Глібов видав «Черниговский листок» зі збитками для себе. «Кто ближе знаком с нашей редакцией и с образом наших действий, с нашими усилиями, тот очень хорошо знает, что мы вели свое дело даже с убытком для себя», — зізнавався видавець (с. 259). Причиною незначного числа передплатників газети був, як зазначав сам письменник, низький рівень національного самоусвідомлення серед значної частини українців, невисокий культурний рівень, що зумовлював відсутність культурних запитів. Про це, зокрема, сам Глібов писав з болем і гіркотою, відзначаючи, що якщо в інших країнах уже «существует общая пот-

ребность в чтении, в мене идей» і якщо там «идеи носятся в воздухе», то «у нас ничего не носится» і «воздух, как есть, чистый». «Вообще у нас читают мало, пишут еще меньше, думают неохотно. — продовжував письменник. — Свое, родное, нас почти не интересует... Признаемся, мы и не рассчитывали никогда на значительное число подписчиков; но умеренность в требованиях на наше издание превзошла наши даже весьма умеренные ожидания: подписная сумма не окунала до сих пор издержек на печатание и бумагу» (с. 271).

Подеколи причиною перерви у виданні «Черниговского листка» (напр. з вересня 1861 по квітень 1862 рр.) була друкарня, що вчасно не виконувала термінової роботи (с. 355).

Особливо перешкоджала в роботі і нестача співробітників газети. у зв'язку з чим Л. Глібову доводилося виконувати одночасно кілька функцій: видавця, редактора, коректора, найактивнішого автора. Важливо підкреслити, що всю роботу по виданню «Черниговского листка» письменник виконував безплатно. Про свою переобтяженість у роботі над газетою Л. Глібов неодноразово писав і в листах, і в публікаціях «Черниговского листка». Так, в одній з кореспонденцій він зазначав: «Черниговский листок» поглощал все наше время, мы трудились для него бескорыстно, вовсе без сотрудников по наиболее важному в местной газете отделу текущих известий, требующему постоянных срочных занятий». І далі: «Неудачи «Черниговского листка» сводятся, таким образом, к двум причинам: недостатку материальных средств, недостатку постоянных сотрудников» (с. 272). А в листі до П. О. Зеленого він зауважив: «Неланий много, да людей мало или почти нет: боюсь как рыба об лед» (с. 362). Роль Л. Глібова у виданні «Черниговского листка» повстане ще з більшою повнотою, коли відзначимо, що уже в період випуску газети у письменника були хворими очі, про що довідемося з листів до О. Я. Кониського від 11 травня 1861 р. та від 16 жовтня 1861 р. (с. 351, 353). Відомо, що в кінці 80-их років Л. Глібов зовсім ослід і вже не писав, а диктував свої твори.

Слід пам'ятати, що всю величезну роботу по виданню газети Л. Глібов проводив поза своєю основною роботою: у той час він працював учителем історії і географії у Чернігівській гімназії.

Як бачимо, у виданні «Черниговского листка», що після закриття «Основи» з жовтня 1862 р. по червень 1863 р. залишався єдиним україномовним періодичним органом у всій Україні, Л. Глібову доводилося долати ряд труднощів. Оскільки «Черниговский листок», як і «Основа», виступав за єдину мовно-літературну норму, друкував матеріали українською мовою, вимагав навчання рідною мовою, то, зрозуміло, він, як і «Основа», був також об'єктом політичних інсинуацій, доносів, нападів місцевої реакції, реакційних видань — одеського «Сіона», «Московских ведомостей» Каткова та ін. 10 серпня 1863 р. з'явився горезвісний Валувєвський циркулятор, в якому зазначалося: «Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может». 23 серпня 1865 р. на вимогу губернатора Л. Глібов змушений був дати підписку про припинення видання «Черниговского листка».

До кінця свого життя Л. Глібов неодноразово (у 1865, 1873, 1875, 1876 рр. клопотався про дозвіл знову видавати газету, але безрезультатно.

Л. Глібов активно підтримував ідею видання української періо-

дики в інших містах. Так, зокрема, він дуже схвально поставився до спроби розпочати випуск газети «Нива» в м. Полтаві, про що свідчать його листи до О. Кониського від 16 жовтня 1861 р. та ін. (с. 354).

Як бачимо, Л. Глібов був глибоко зацікавлений у розвитку української періодики з метою поширення прогресивних суспільних думок та українського слова. Його подвижницька діяльність по виданню «Черниговського листка», другого на Україні періодичного органу українською мовою, заслуговує вдячного слова нащадків.

А. В. МАЙБОРОДА (Ніжин)

ДО ПРОБЛЕМИ КАТЕГОРІЇ «ОБРАЗУ АВТОРА» В БАЙКАХ ЛЕОНІДА ІВАНОВИЧА ГЛІБОВА

Художній твір, його стильова структура втілюють ставлення автора до літературної мови своєї епохи, до способу її розуміння і творчого використання.

Жанровою особливістю байки є роль автора. Займаючи певну позицію в оцінці зображуваного, байкар не залишається осторонь, а прямо формулює суспільно-моральні погляди, норми співжиття, для яких байка є ілюстрацією і аргументацією.

Саме автор визначає співвідношення різних джерел мови у певну епоху, типізоване, узагальнене чи суперечливе і відмінне від літературної школи і творчого спрямування. Народньо-розмовне джерело літературної мови є цементуючим у жанрі байки з мінімальною присутністю традиційно-книжних елементів та запозичень. На користь такої думки недвозначно промовляє принцип відбору і синтез засобів мовлення персонажів і самого автора.

Категорія образу автора об'єднує формально-мовленнєві та емоціонально-змістові характеристики. Способи мовленнєвого вираження категорії образу автора у жанрі байки дуже своєрідні, але найбільш показовим, на нашу думку, є фразеологічні творення, що відіграють не тільки стилістичну, а й композиційну роль.

Впаде в око помітна модифікація фразеологічних одиниць, що викликано не тільки необхідністю формальної організації тексту, а й посиленням автором авторитету існуючої істини серед народу як на безсамівний закон. Присутність автора, безпосередня участь у тому, що відбувається, не нав'язується, а зливається органічно, чому великою мірою сприяють такі засоби: 1) вставні і вставлені конструкції — «Розумний б'є на те, що справді в його є. А дурень думкою, як кажу^{ть}, багатіє» (Дідок і Вітряки. — С. 150)¹; «А все-таки катюзі, як кажуть, буде по заслугі» (Щука. — С. 67); «Що декому, мовляли, можна — другим зась» (Вовк і вівчарі. — С. 31); звертання, яке «ніби єднає автора з читачем — «Ні, наші козаки ще з розуму не спали. Щоб Вовка од біди сховали! І так-таки ти сам себе вини: Що, братику, посіяв, те й пожни!» (Вовк і Кіт. — С. 30); 3) словотворчі видозміни — «Як перед більшим менший чоловік. До правди повернуть язик одважиться, по стародавній мові. Що хлібець їж. А правду ріж, Того й гляди — утнуть, як Комарові» (Чабан і Комар. — С. 203); — процент — «Хліб-сілъ їж, а правду ріж!»; «Хоч довгий ніс, та розум коротенький, бо комарі не сіють і не жнуть...» (Орачі і муха. — С. 172; пор.: волосся довге, а розум коротенький, бо комарі не сіють і

не жнуть...») (Орачі і муха. — С. 172, пор.: волосся довге, а розум коротенький (короткий); «Давно-давно мовляють люде: Що добренько роби, то добре й буде» (Ластівка і Шуліка. — С. 137, пор.: добре роби — добре й буде). Відповідно до жанру видозмінюється й інша структура фразеологічних творень: бінарна дієслівно-іменна сполука «пустити за вітром» під пером байкаря-навчителя перетворюється на пересторогу — «А ви собі смійтесь, За вітром не вийтесь» (Верделова дівчина. — С. 111).

Спілкування байкаря з читачем пронизує і задум, і композиційно мовленнєву організацію, а особливо останню частину, де автор прямо формулює мораль, повчання — силу. Така манера впливу на читача традиційно характерна для жанру байки, тобто для того жанру, який займає особливе місце в учительній літературі.

1. Леонід Глібов. Твори в 2-х т. — К., 1974. — Т. I, а далі — сторінка.

М. А. І ЛЯШЕНКО, В. М. СІРИК (Ніжин)

ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРИСЛІВ'ІВ ТА ПРИКАЗОК У БАЙКАХ Л. І. ГЛІБОВА

Творчість Л. І. Глібова залишила помітний слід в історії української літератури і літературної мови. І не лише тому, що «поглибила і розширила на реалістичному ґрунті мовно-стилістичні засоби байки» (Мова творів Л. Глібова. — У кн.: Історія української літературної мови, за ред. І. К. Білодіда. Т. I. — К., 1958. — С. 424) — Л. Глібов зумів виявити великі ідейно-художні можливості літературної мови на народній основі, в тому числі й такого її арсеналу, як фразеологія.

Байки Л. Глібова глибоко народні. Народність їх визначила і зміст, і художні засоби і характер дійових осіб. Значну семантико-стилістичну роль у байках Л. Глібова відіграють різні фразеологічні одиниці, що відбираються з живої мови довгочасною людською практикою і втілюють у собі народну мудрість, спостережливість, жвавий розум і дотепний гумор.

Твори Л. Глібова пересипані народними прислів'ями, приказками, які визначали зміст байок, їхні художні особливості, їх національний колорит і соціальне звучання, збільшували експресивну силу висловлення, забезпечували потрібний стилістичний виразовий ефект.

Змістова і функціонально-стилістична роль прислів'їв у байках Л. Глібова досить різноманітна. Насамперед можна виділити такі прислів'я, які: 1) розкривають соціальні відносини в поміщицько-капіталістичному суспільстві: «Рука, як кажуть, руку мнє» («Зозуля й Півень», с. 48); «...пир'ячко на птиці...») («Лисиця й Ховрах», с. 34) та ін.; 2) служать засобом сатиричного зображення внутрішніх і зовнішніх якостей персонажів та їх поведінки, критики, пороків людської вдачі: «Хом'я й за вухом не свербить» («Мірошник», с. 37), «У кого довгий хвіст — той розум більший має, А хто свій хвіст ізбув. Той дурнем всюди був») («Мишача рада», с. 81); 3) передають авторське ставлення до описуваного, спрямовують думку читача: «Як не піймав, то й не кажи, що злодій») («Купець та Миші», с. 76), «А все-таки катюзі. Як кажуть, буде по заслугі» («Щука», с. 67); 4) застосовуються як засіб влучного формування загальнонародних

повчань, порад: «Є каяття, да вороття немає» («Лев та Миша», с. 49), «Ніколи не хвались. Поки гаразд не зробиш діла» («Синиця», с. 62); 5) викривають, моральні вади, породжені класовим суспільством: «На Вовка тільки поговор, — А овечок Тарас хапає!» («Вівчар», с. 71), «А Вовчик не про сіно дума; Коли б йому шматок м'ясяця!» («Вовк і Лисиця», с. 36).

Близько до прислів'їв стоять приказки, але на відміну від прислів'їв вони частіше вживаються для характеристики героїв, подій, а не як мораль. Стилістичні функції їх теж дуже різноманітні, за їх допомогою образно змальовуються персонажі, відзначаються їх риси, характеризуються явища соціального або особистого життя: «Пан на всю губу» («Пан на всю губу»); Із такого дива не буде пива» («Жаба»).

Народні прислів'я і приказки по-різному включаються в загальну мовну тканину байок Глібова; вони або вводяться дослівно, або видозмінюються, майстерно вплітаючись у твір. За способом введення їх у байки можна визначити кілька груп: 1) народні прислів'я і приказки, тотожні своїм першоджерелам; 2) народні прислів'я і приказки, вжиті, Глібовим у більш або менш змінній формі: «Гроші — сила: одних підкуплять, других напоють, а третім накоять» (Українські народні прислів'я та приказки». Вид-во АН УРСР, К., 1955, С. 18). «Велике діло, братця, гроші!.. З грошима й дурні прехороші! Є в дурня гроші — він і пан; Є в нього дорогий жупан — І розум є» (с. 77); 3) прислів'я і приказки, в яких відчувається прагнення автора до лаконізму, більшої узагальненості думки, висловленої в народних прислів'ях. Народне: «Не вмієш кінці у воду поховать». У Л. Глібова: «Кінців не можна поховать» («Щука», с. 67); 4) нерідко в байках використовуються прислів'я та приказки, взяті з байок І. Крилова. Але Л. Глібов передає їх засобом української мови. Так, наприклад, у І. Крилова: «Да голяк воз и ыше там» («Лебедь, Щука и Рак», с. 98), у Л. Глібова: «Та тільки хура й досі там» («Лебідь, Щука і Рак», с. 32) та ін.; 5) рідше вживані в байках запозичені фразеологічні одиниці, що як готові відтворювані одиниці склалися в іншій мові і були перенесені на український мовний ґрунт.

Широко використовуючи народні прислів'я і приказки, Л. Глібов створив немало й своїх влучних виразів, які пішли в народ і стали прислів'ями. Наприклад: «Той спить, хто щастя має» (с. 35), «Погано п'яному і поночі, й з вогнем» (с. 58), «І при щасті знайте міру» (с. 113).

З фольклорних джерел найінтенсивніше використовує Л. Глібов приказки, прислів'я, вживані в розмовно-побутовій мові. Вони падають байкам народно-розмовного характеру, спрямовують читача на найбільшу їх дохідливість, максимальну зрозумілість, несучи в собі авторське розуміння і оцінку суті подій, явищ, вчинків, характеру героїв.

О. Д. НЕДІЛЬКО (Ніжин)
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ МОВИ БАЙОК
Л. ГЛІБОВА

Л. І. Глібов у розвитку української літературної мови відіграв значну роль. Стоячи на позиціях реалізму, широко зображуючи явища суспільного життя, він поглибив і розширив мовнотилістичні засоби байки.

Вільшість байок Л. Глібова є узагальненням певного конкретного явища, життєвого факту, про який читач ніби тільки що довідується з уст оповідача. Враження такої живої розповіді створюється цілим рядом засобів народної мови, серед яких значне місце належить словам, які побутували і побутують в живому мовленні Чернігівщини: **найлучче, нельзя, невзначай.**

Найголовнішою ж лексико-семантичною особливістю мови творів Л. Глібова є розширення семантики багатьох слів, вживання їх у переносному значенні, почерпнутому з усного мовлення. Саме на таких значеннях окремих слів ми і зупинимось.

В одинадцятитомному Словнику української мови (Т. 5. — С. 426) слово **ніс** фіксується з чотирма значеннями: 1) орган шюху у людей і тварин, 2) дзьоб птаха, 3) передня частина човна, судна, літака, 4) передня частина взуття. У байках Глібова носом називається ще гострий хоботок у комара: Хоч довгий ніс, та розум коротенький (1. 172. 14) і лезо сороки:

Залізний ніс, а хвіст вербовий.

У рот їй пальця не кладіть:

У лісі дуб який здоровий,

А як кусне — і той кричить (1.296,9).

Слова **намолотися** у реєстровій частині Словника української мови нема. У Словарі... Б. Грінченка (Т. 2. — С. 504) воно стоїть після **намолоти** і перекладається російським словом **намолотьяся**, отже, вживається у прямому значенні. У Глібова воно набуває значення «наїстися»:

— Ой, скаменися, друже милий,

Аж стогне Клим. — Немає сили,

Я намоловся досхоху... (1. 194, 39).

Слово **німецький** у Словнику української мови подається як прикметник до **німець**. У Л. Глібова це і такий, як у німців чи зроблений за їхнім рецептом:

Дурний, дурний: а на йому свитина,

Неначе той німецький каптанець (1 57, 40).

Солодкі хвиги-миги,

Гостинці німецькі (1. 235, 69).

Надзвичайно широка семантика у байках Л. Глібова заперечного займенника **ніхто**. У Словнику української мови (Т. 5. — С. 429) вказується, що цей займенник уживається для вираження повної відсутності предмета як суб'єкта або об'єкта дії. У байках Л. Глібова займенник **ніхто** може набувати значення саме він, а не хтось інший: Послухали і по-дурлому

Постановили, що нікому

Так не впадає, як йому (1. 87, 16)

Займенник може виступати у значенні означальних (**кожен, усі**) або неозначено-особових (**хто-небудь, будь-хто**).

Співав мій Шпак, співав,

Аж покіль всіх порозганяв, —

Ніхто і слухати не хоче,

Тікає геть та ще й бурмоче (1. 66, 47);

Чому ж йому ніхто не вкаже? (1. 82, 50).

У байках Л. Глібова помічається розширення значень не тільки

окремих слів, а й фразеологізмів. Так, у Словнику української мови фразеологізм **орати носом** (землю, сніг) чи просто **орати носом** подається з двома значеннями: а) падати обличчям у землю, сніг і б) журитися, сумувати (без слів **земля, сніг**). Л. Глібов використовує його ще із значенням «писати»:

Хто ж носом оре — не вгадали?

Під жартом сховано добро;

Скажу, щоб довго не шукали,

Письменства нашого перо (1. 294, 9).

З викладеного видно, що Л. Глібов надзвичайно уважно ставився до мови своїх творів, для реалізації задуму добирав з живомовної скарбниці багато слів з фігуральним значенням.

МІХАЛЬЧУК Т. Р. (Мстисль)

ФРАНЦІШАК БАГУШЭВІЧ АБ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ МОВЕ

Сярод беларускіх пісьменнікаў XX ст. Ф. Багушэвічу належыць значнае месца. Яго творчасць уяўляе сабой новую ступень у развіцці беларускай літаратуры.

На Ашмяншчыне Ф. Багушэвіч атрымаў пасаду настаўніка у Докшыцах. Тут і застае яго сялянскае паўстанне 1863 г. Ф. Багушэвіч прымаў у ім непасрэдны ўдзел, быў паранены.

Каб уратавацца ад паліцэйскіх рэпрэсій, Ф. Багушэвіч быў змушаны адразу пасля разгрому паўстання пакінуць Беларусь і перасхаць на Украіну. Там ён паступае у Нежынскую Вышэйшую школу.

Яшчэ у час працы настаўнікам, а затым і у студэнцкія гады Багушэвіч грунтоўна знаёміцца з мастацкай літаратурай. Ён захопляецца класікамі рускай, украінскай і польскай літаратуры, займаецца вывучэннем філалогіі, хутка авалодвае украінскай мовай. Да студэнцкіх гадоў адносяцца і першыя літаратурныя спробы Ф. Багушэвіча. Над уплывам Шэўчэнкі ён піша свае першыя вершы на украінскай і беларускай мовах, якія, на жаль, да нас не дайшлі. Скончышы в 1868 г. ліцэй, Багушэвіч затым досыць працяглы час працаваў у г. Канатопе судовым следчым.

Прырода надарыла Багушэвіча багатым талентам. Ён выступаў у літаратуры як паэт, празаік, публіцыст.

Багушэвіч многа і упарта працаваў над мастацкім словам. Ён пісаў творы не толькі на беларускай, але і на украінскай мове.

Першы зборнік вершаў Багушэвіча «Дудка беларуская» вышаў у Кракаве у 1891 г. над псеўданімам Мацей Бурачок. Другі яго зборнік «Смык беларускі» быў надрукаваны у Пазнані у 1894 г.

Ф. Багушэвіч надаваў вялікае значэнне нацыянальнай мове, як аднаму з найважнейшых сродкаў будаўніцтва нацыянальнай культуры.

Вялікарускія і польскія памешчыкі і буржуазія намагаліся вытравіць у беларускага народа начуцце нацыянальнага самаасведамлення, прышчэпіць яму здрадніцкую думку аб яго нібыта духоўнай непаўнацэннасці.

Багушэвіч смела і гарача узняўся на абарону права беларускага народа на самастойнае культурнае і гістарычнае развіццё. Ён рашуча паўставаў супраць шавіністычных поглядаў на беларускую мову, як

мову непоунацэнную, «мужыцкую», на якой нібыта «нічога добрага ні сказаць, ні налісаць не можна».

У сваіх «Прадмовах» паэт з пачуццём нацыянальнай гордасці гаворыць аб высокіх вартасцях беларускай мовы, аб яе многавяковай гісторыі, аб яе багатых і слаўных нацыянальных традыцыях. Багушэвіч ставіць пытанні аб правах беларускага народа на развіццё роднай мовы, літаратуры, культуры. Гэтыя пытанні на сваёй важнасці выходзілі за рамкі пытанняў літаратурнага парадку і набывалі характар грамадска-палітычных праблем аб шляхах гістарычнага развіцця Беларусі.

Любоў да родзімы, да роднай мовы і літаратуры у Багушэвіча спалучаецца з павагай да нацыянальнай культуры іншых народаў. Яму уласціва разуменне духоўных сувязей славянскіх народаў. Украінцаў, чэхаў, балгар і іншыя славянскія народы паэт называе «пабрацімцамі нашымі».

Л. И. ПРАШКОВИЧ (Мозырь)

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПОЭЗИИ Ф. БОГУШЕВИЧА

Воспитанник Нежинского юридического лицея (1865—1868), адвокат по профессии, Ф. К. Богушевич стал поэтом по зову сердца, навсегда остался в памяти народа защитником в суде и основоположником критического реализма в белорусской литературе. Социальная заостренность тематики, демократиям мировоззрения, глубокая народность содержания и формы предопределили стилевое своеобразие его поэзии. Богушевич писал о мужике, для мужика, писал с целью раскрыть ему глаза на самого себя, переубедить извечного труженика-крестьянина, что он, творец материальных и духовных ценностей, заслуживает другой судьбы. Взяв на себя нелегкую миссию будителя социально-политического и национального сознания народа, поэт раз и навсегда избрал манеру разговора с ним — честную, уважительно-доверительную, максимально приближенную к ежедневной речи своих героев.

Свои поэтические сборники поэт называл именами традиционных народных музыкальных инструментов — «Дудка беларусская» и «Смычок беларусский». Их лирический герой, народный музыкант, близок мужику по мироощущению, духу, условиям жизни. Поэтому и муза его в целом грустная, пронзительно печальная, лишённая ярких красок и можорных тонов.

Типические обстоятельства пореформенной социальной действительности художник воссоздает с помощью точной художественной детали, реалистической картины крестьянского быта («в хате — куры и корова, дым и холод, грязь и смрад»), сцены, выхваченной прямо из судебного заседания («душ четырнадцать в ряд у стены их (членов суда — Л. П.) сидит, против них арестант, что суду подлежит»), тюремной камеры («Глянул я — душа сомлела: лица синие, заплыли! В камере лишь нары были») и т. д. За ними суровая правда жизни, и говорит о ней поэт внешне бесстрастно, предельно сжато, закончно. Однако каждая строка наполнена такой внутренней болью за человека труда, что обязательно несет в себе глубокий философский подтекст: в обнаженном показе типических обстоятельств таится отрицание этих обстоятельств, враждебных народу.

У Ф. Богушевича сложилась своя концепция положительного героя. Это цельная, духовно богатая личность, способная наблюдать, мыслить, анализировать и принимать самостоятельные решения в самых неожиданных жизненных ситуациях. Отсюда стилистическое богатство его речевой культуры, удивительное переплетение, часто в одном стихотворении, разнообразных по своей тональности тонов и полутонов. Так, разговорная крестьянская речь, сохранившая в себе настоящие неруши колоритных народных эпитетов, сравнений, остроумных слов и словосочетаний с повышенной эмоциональной окраской предопределила эпический стиль поэзии Ф. Богушевича.

Ряд стихотворений Ф. Богушевича вбирают в себя огромную концентрацию духовных раздумий, переживаний, эмоциональных страстей его героя, который чрезвычайно восприимчив на проявление добра, болезненно реагирует на фальшь и лицемерие, умеет видеть красоту окружающего его мира и впитывает ее всем сердцем. И там, где герой «самоснабжается», возвышается над «прозой» бытия, его голос звучит лирически мягко, задумчиво, выявляя даже в певучести фразы, ее ритмико-интонационной организации специфику белорусского национального характера.

Стилевую особенность стихотворного цикла «Песни» определяют словесно-изобразительные средства белорусской народной песни: обилие параллелизмов, синтаксических повторов, символов, традиционно-песенная ритмическая соразмерность строк и т. д. Они делают фразу гибкой, эластичной, позволяют выжить в стихе то горькую иронию и тонкий юмор, то публицистическую страстность и тонкость лирического переживания, то грустную задумчивость и игривое веселье лирического героя.

Таким образом, стиль поэзии Ф. Богушевича полифоничен, определяется множеством красок, звуков, оттенков, эмоциональных нюансов.

В. П. ИВАНОВ (Витебск)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ФРАНЦИШКА БОГУШЕВИЧА.

В предисловии к своей книге «Дудка белорусская» (1891) Францишек Богушевич писал: «Братцы милые, дети Земли-матери моей!.. Я много где был, много чего видел и читал: и убедился, что язык наш (белорусский.-В. И.) есть такой же людской и панский, как и французский, или немецкий, или другой какой. Оно хорошо, а даже и нужно знать язык соседей, но прежде всего нужно знать свой...»

Ф. Богушевич одним из первых заговорил о родном языке как «одежде души», важнейшем средстве национальной культуры, одним из первых утвердил право и полноценность белорусского слова. Известно, что он в течение всей своей жизни работал над составлением словаря белорусского языка, но так и не завершил эту работу. Язык писателя вобрал в себя актуально важные стихи всего национально-го, начиная от звукового оформления лексических единиц и кончая структурной фразой. Наиболее значительная черта Богушевича-художника — способность проникнуть в действительную глубину слова, раскрыть его исторически обусловленные смысловые и стилистические оттенки. Благодаря чему оно становится «первозлементом» литературы, емкой характерологической деталью при обрисовке опре-

деленных явлений действительности, предметов, а также при создании образов. Главный герой в литературном наследии Богушевича — крестьянин, поэтому автор чрезвычайно смело и с непревзойденным мастерством стилизовал язык своих произведений под язык сказчика-крестьянина, добиваясь при этом глубокого единства формы и содержания. Слово у Богушевича крепкое, емкое, оно не требует каких-то контекстуальных «подпорок», и в этом писатель целиком придерживается народной эстетики слова.

Нужно отметить, что глагол из всех частей речи стоит у поэта на первом месте, потому что мир его поэзии — это мир движения, состояния, действия, рассуждения.

Богушевич, стремясь максимально приблизить язык своих произведений к языку крестьянина, широко использовал просторечную лексику с грубоватой эмоциональной окраской: «А **брехал** так **брехал** и себя все хвалил» («В суде»); «Черт от злости **собакой завыл**» («Не всем одна смерть») и др.

Широко прибегал Богушевич к словам и оборотам, которые имеют народную этимологию: **калабур** (вместо караул), **ганарал** (вместо генерал), **мундер** (вместо мундир) и др. Чтобы полностью сохранить колорит разговорного стиля, такие формы слов нужны были автору, как архитектурная деталь в построении.

Есть у писателя произведения, в которых он целиком ориентируется на фольклорные образцы: «Проншестве», «Баллада», «Был в чистке» и др.

Эпитет, как и вообще тропы в поэзии и прозе Ф. Богушевича, выполняет эмоциональную, экспрессивную функцию. Использует он в своих стихотворениях метонимию и синекдоху. В произведениях писателя употребляется большое количество устойчивых сравнений — компаративных фразеологизмов: «Пан, **как резаный вол**, так заорал» («Не всем одна смерть»); «**Как котя кверху**, так он дело скрутил» («В суде») и др.

С какой бы меркой мы ни подходили к языку Ф. Богушевича, он всегда открывал нам мир бесконечных возможностей, красоты и величия белорусского слова. Его язык во многом способствовал формированию белорусского литературного языка. Деятельность Францишка Богушевича подготовила предпосылки для быстрого формирования новой белорусской литературы как самобытно-национальной художественной системы, которое на новом этапе литературного движения было осуществлено поколением Янки Купалы и Якуба Коласа.

Н. Н. ОЛЕХНОВИЧ (Брест)

ФРАЗЕОЛОГИЯ Ф. БОГУШЕВИЧА В СИСТЕМЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА.

Язык произведений Ф. Богушевича богат фразеологизмами: в публицистике, поэзии, прозе писателя отмечено более 200 устойчивых единиц. Несколько конкретных замечаний. Так, в стихотворном рассказе «Гелска будзе» около 1860 словоупотреблений, из них — 54 фразеологических; на 35 слов одно фразеопотребление. Некоторые фразеологические единицы (ФЕ) используются по несколько раз: **залица слязьмі** (3 раза), **дзякуй богу** (3) и др.; по одному разу:

аддаць на людзі, вочы заліць, за вачыма (расці) 'без прымотра', за-
даць чосу, кінуць вокам, свет пазнаць, свет закрыўся, ручанькі згар-
нуць 'умерць' и др.

В языке прозаических произведений Ф. Богушевича фразеоло-
гизмов меньше. В трех рассказах («Сведка», «Палясоушчык», «Тра-
ляленачка») отмечено 70 фразеологизмов на 3000 слов: на 43
лексических употреблений одно фразеологическое. Большинство фра-
зеологизмов из прозаических произведений писателя вошло в актив-
ный обиход литературного языка. Из рассказа «Сведка»: **тое ды сее,**
туды ды сюды, чуць зорачка занялася 'очень рано, с самого утра',
як так дык так, як той казау, як слова сказаць; из рассказа «Паля-
соушчык»: **барані божа (бог), дзякаваць бсгу, без нічым нічога, за**
малым не 'почти', на шыю (ускочыць), хто яго ведае; из «Траляленач-
кі»: **злыя языкі, кінуцца у гарэлачку, навек заснуць 'умерць', сваім**
розумам жыць, слова за слова, на век 'навсегда, на всю жизнь', на
макауку (разабраць, дапачы), шапку здымаць 'здороваться, отдавать
почтине', як за сцяну заваліцца 'загрустить, запечалиться', як
стаіць 'быстро'.

Неоспорима роль Ф. Богушевича в становлении белорусского
языка как системы, белорусской фразеологии как науки. Системные
отношения в сфере устойчивых единиц современного языка очень
часто оформляются при непосредственном влиянии фразеологии пи-
сателя. Несколько примеров.

В современном белорусском языке употребляется фразеологизм
празліцца праз землю — об ощущении безвыходного положения.
В белорусских литературных текстах XIX — начала XX вв. эта ФЕ
встречается часто, но с иной семантикой — исчезнуть без следа,
пропасть, потеряться. С вариантами компонента-предлога (праз, сквозь,
у) ее употребляют Л. Родзевич, Вл. Голубок, К. Каганец и др. В языке
Ф. Богушевича упомянутая ФЕ отмечена с вариантом глагольного
компонента — **празліці скрозь зямлю**. Данный вариант относительно
не часто встречается в литературных текстах, но зато широко пред-
ставлен в говорах.

Распространенной в текстах XIX — начала XX вв. была ФЕ
біцца як рыба аб лед — без результата стараться, стремиться найти
выход из трудного положения (К. Зуйло, Я. Купала, Добрынец,
Т. Гартный и др.) Варианты «біцца як **рыбіна** аб лед, біцца як **плотка**
аб лед» употребляет М. Горецкий; **біцца як рыба** (Я. Колас); **кідацца**
як рыба аб лед (З. Бедуля). В стихотворении «Моя дудка» Ф. Богу-
шевич использует вариант, не зафиксированный в языке произведе-
ний других авторов: **біцца як рыба на ледзе**.

Активно использует Ф. Богушевич фразеологизмы, имеющие
близкую семантику, но схожую структуру (ані звання, ані кічкі, ані
лыжкі; да гэтага часу, да гэтай пары); то же значение, но разные
структурные варианты (слезы ліць, у слезы разлівацца; да канца
веку, да веку и др.)

Синонимия и антонимия, полисемия и омонимия, вариантность
и способы деривации — эти и другие проявления фразеологической
системы белорусского языка в немалой степени обязаны своим ста-
новлением творчеству Ф. Богушевича.

ОБРАЗ АВТОРА В ЦИКЛІ Ф. БОГУШЕВИЧА «ПЕСНІ».

Як ми вже вказували, для лірики характерний монізм мотивації переживання, досередження причинності в авторові («Рад. літературознавство», 1983, № 10). Однак, це зовсім не означає, що створення ліричного образу зводиться до адекватного відтворення біографії і життєвого досвіду поета. Структурний принцип ліричного твору визначається взаємодією різних форм вираження авторської свідомості: власне автор, автор-оповідач — ліричний герой — ліричний персонаж. Власне автор, автор-оповідач у ліриці — це носій повіствування «від автора», «від оповідача». Воно орієнтоване на норми літературного мовлення. Конструктивна роль власне автора в циклі Ф. Богушевича постає очевидною, коли він позначається займенником першої особи множиною (IV. Сватаны), займенником першої особи однини (П. Гора), або не названий зовсім: із твору постають тільки його загальна життєва позиція, уявлення про добро і зло, симпатії і антипатії, зміст його відношення до світу (I. Удава, VIII. Калыханка; IX. Песня). Нерідко в конструкції ліричного твору власне автор збігається з автором-оповідачем (X. Хмаркі), або умовно відмежовується від нього (V. Сватаная).

Однак, форма власне автора найменш характерна для названого циклу. Ф. Богушевич здебільшого користується формами ліричного героя і ліричного персонажа. Внутрішній світ ліричного героя розкривається через біографічну, соціальну, побутову визначеність образу автора в циклі. Так, вихідним матеріалом для створення ліричного образу (VI. Песня; VII. Песня та ін.) стають мотиви бідності, злиднів, матеріальних нестатків, які, як видно хоча б з документів про Ф. Богушевича, опублікованих Г. Недільком («Архів України», 1970. № 4), мають конкретний біографічний характер і пережиті автором.

В образах ліричних персонажів Ф. Богушевич втілює, в першу чергу, характеристичні риси реальних людей, його сучасників. З циклу можна дізнатися про нелегке життя вдови, що оплакує долю своїх сиріт (I. Удава), переживання й муки мужика, котрий помер від сваволі і беззаконня (VI. Песня), пана, що легковажно розтринькує своє життя і занпащає інші долі (VII. Песня). Однак, було б помилкою вважати, що все багатство художніх прийомів зводиться в ліричному циклі до створення галереї типів за принципом вилучення з дійсності лише тих їх особливостей, які свідчать про приналежність до «певних соціально-історичних гляд, епох, класів» («Лит. енциклоп. словарь», М., 1987). Як відомо, таке спрощення, вульгарно-соціологічне розуміння художнього узагальнення і намагання будь-якою ціною прив'язати категорію типового до всіх і різновидів лірики безуспішне і естетичний досвід Ф. Богушевича ще раз підтверджує це. Так, більшість створених поетом характерів-персонажів тяжіють до символів, в такій мірі насичених і життєвих, що типовість у них відступає на другий план.

З великою силою і повнотою символічний зміст розкривається в ліричних персонажах нареченого і нареченої (IV. Сватаны; V. Сватаная), немовляти (VIII. Калыханка), хмаринок (X. Хмаркі), які уособлюють в собі не тільки окремі сторони дійсності, в якій жив і творив поет, а містять найможливіші форми виявлення об'єкта, характерні

для будь-якого часу, аж до безконечності в минуле чи майбутнє.

Із сукупності трьох вказаних форм вираження авторської свідомості в ліричному циклі Ф. Богушевича постає яскраво індивідуальний образ «автора» — складної структури і багатогранного змісту, не знайий доти в білоруській літературі. Він об'єднаний наскрізною проблематикою, естетичним ідеалом і цілісним емоційним тоном. Це й надає живучості циклу Ф. Богушевича.

З. М. КУЛИКОВА (Запоріжжя)

М. В. ГЕРБЕЛЬ — ПЕРЕКЛАДАЧ І ПОПУЛЯРИЗАТОР ТВОРІВ УКРАЇНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ.

М. В. Гербель (1827—1883) закінчив Ніжинський лицей у 1847 році і майже все життя займався літературно-видавничою діяльністю. Коло його інтересів було надзвичайно широким, він писав оригінальні поетичні твори, перекладав давньоруську пам'ятку «Слово о полку Ігоревім», здійснивши три видання (1854, 1855, р876). Йому належить упорядкування збірника «Русские поэты в биографиях и образцах» (1873), а також ряд повних зібрань творів європейських класиків у перекладах російських письменників (Байрон, Гете, Гофман, Шекспір, Шіллер). Ширшому ознайомленню читачів із зразками світового письменства сприяли збірники «Английские поэты» (1875), «Немецкие поэты» (1877).

Унікальною за своїм змістом і характером вміщених творів стала хрестоматія «Поэзия славян. Сборник поэтических произведений славянских народов, в переводах русских писателей под редакцией Н. Гербеля» (СПб, 1871). Тут, зокрема, вміщені у перекладах самого упорядника українські народні пісні, уривок з поеми «Катерина» Т. Г. Шевченка; байка Є. Гребінки «Вовк і Огонь» (у перекладі О. С. Пушкіна), уривки з творів І. Котляревського, М. Костомарова, Ю. Федьковича, М. Шашкевича. Дуже важливо, що поряд з художніми текстами подавалися оцінки, взяті з синтетичної праці М. Костомарова «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке», а також критичні відгуки Я. Головацького про М. Шашкевича та М. Устияновича.

Твори провідних українських письменників подавалися не лише в колективному збірнику. М. В. Гербель у журналі «Библиографические записки» (1858, № 8) подає «Список сочинений Е. Гребенки», а у 1862 році здійснює видання його творів російською мовою.

Особливо багато уваги приділяв М. В. Гербель перекладам творів Т. Г. Шевченка російською мовою і не на випадково. Ще на другому курсі Ніжинського лицю (1846) він особисто познайомився з Т. Г. Шевченком, згодом зустрічався з ним у Петербурзі. У журналі «Библиотека для чтения» (1856, № 12) М. Гербель вмістив свій переклад вірша «Думка» («Нашо мені чорні брови»). Саме цей твір став першою публікацією творів Т. Г. Шевченка російською мовою. З кінця 50-х років М. Гербель активно перекладає твори Т. Г. Шевченка, а у 1860 р. видає «Кобзарь» Т. Г. Шевченка в перекладі російських поетів. Тут були вміщені переклади О. Плещеева, М. Михайлова, М. Курочкина, М. Берга, В. Крестовського, Л. Мея, а також М. Гербеля («Тополя», «Перебендя», «Катерина», «Доля» та ін.). Важливо, що у цій книзі подавалася бібліографія (укладена М. Гербелем) опублікованих у той час творів Т. Г. Шев-

ченка і перекладів російською мовою. Примірник книжки з дарчим написом М. В. Гербель подарував Т. Г. Шевченкові (цей унікальний екземпляр зберігається в інституті літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР). У дещо зміненому, доповненому, допрацьованому вигляді перевидав цей «Кобзарь» М. В. Гербель у 1869 та 1876 роках. Усього М. Гербель переклав 18 творів Т. Г. Шевченка (найбільший за обсягом є переклад поеми «Гайдамаки»). На думку радянських дослідників творчості Т. Г. Шевченка І. Я. Айзенштока, М. М. Парлюка, — «багатьом перекладам М. Гербеля властиве недоречне «облітературювання» стилю й віршової техніки оригіналу або штучна підробка під «народність» («Збірник праць восьмої наукової шевченківської конференції.—К., 1970.—С. 64). І все ж незважаючи на обмеженість видань М. В. Гербеля, вони давали російському читачеві певне уявлення про злобутки українського письменства.

Б. О. КОСТЮК (Київ)

М. В. ГЕРБЕЛЬ І ПЕРШІ ПЕРЕКЛАДИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА НА БОЛГАРСЬКУ МОВУ

М. В. Гербель (1827-1883) був одним із перших перекладачів великого Кобзаря на російську мову. Його перекладам притаманні ясність і чіткість у передачі авторського настрою, ідейного навантаження творів. У 1860 році Гербель видав за своєю редакцією «Кобзарь» Тараса Шевченка в перекладі російських поетів», де зібрано переклади самого Гербеля.

Збірник завойовує популярність демократичної інтелігенції, студентської молоді. У 60-ті роки XIX сторіччя в Росії вчилася чимало болгар, і серед них були відомі поети Л. Каравелов і Р. Жинзіфов. Інтерес болгарського студентства до творчості Т. Г. Шевченка пояснюється перш за все об'єктивними історико-суспільними умовами Болгарії на той період. Національне відображення країни, призвело до консолідації прогресивних сил болгарського суспільства з метою ведення боротьби за звільнення країни і створення болгарської державності. Одним з перших на цю боротьбу стали представники інтелігенції — письменники.

Болгарська література від «Історії слов'яно-болгарської» Паїсія Хілендарського до революційного натхнення Л. Каравалова і Хр. Ботева пройшла значний еволюційний шлях: від переспівів народних пісень до розквіту демократичного романтизму з окремими тенденціями. Таким чином, у середині XIX ст. болгарська література посіла значне місце в середовищі братніх слов'янських літератур.

Болгарські письменники стали пропагандистами ідей свободи. Вони, бажаючи розбудити бунтарський дух і революційні настрої народу, не раз звертаються за прикладом до національного фольклору і до досвіду інших літератур. Саме в російській літературі вони знаходять відповіді на ті гострі питання, які хвилюють Болгарію, ці питання стосуються суспільно-політичної сфери, а також трудящих (селян). У творах Некрасова і Тургенева, Шевченка і Михайловського відображено народне життя і традиції, вірування і сподівання відчуття майбутніх революційно-демократичних зрушень у суспільстві. Творчість Тараса Шевченка, крім того, познайомила болгар з національним українським характером, з українськими піснями і сторінками минуло-

го. Через поезію розкрито інтелект і революційну пристать Шевченка, його глибокі філософські осмислення явищ макрокосмосу.

Збірник виданий Гербелем, потрапив до рук Р. Жинзіфова (1839 — 1877) — болгарського поета, публіциста і перекладача. У «Кобзарі» болгарського митця привабив найперше тісний зв'язок, нерозривна єдність Шевченка з народом, його відданість народному ідеалу життя — а український народ, так само як і болгарський, страждав від соціального і національного гноблення, тож мріяв про вільне справедливе життя. Жинзіфов перекладає кілька «балад» та «думок» Тараса Григоровича: фактично, перекладає з уже зробленого перекладу на російську мову; але такий подвійний переклад не зіпсував Кобзаревих настроїв і створеного ним поетичного світу.

Якщо Р. Жинзіфова цікавить народна тематика у творчості українського поета, то Л. Каравелов знаходить для себе (і для Болгарії в цілому) більш важливий на той час ракурс Шевченкових творів: ракурс політичний, — відповідь на питання про шляхи зміни суспільно-політичної ситуації, про шляхи оновлення світу. У виданому Гербелем «Кобзарі» значний пласт становить революційна тематика, твори, словенці пристраті поета-революціонера, поета-гуманіста. Каравелову зрозуміла Шевченкова думка про революційне оновлення політичного та економічного життя, про перехід до справедливого суспільного устрою через криваве знищення пануючого феодально-монархічного ладу. Каравелов перекладає на болгарську мову (також з російської) уривки з «козацьких творів», частково — «Єретика» і «Неофітів». В оригінальній поезії Любена Каравелова можна знайти Шевченківські мотиви, а іноді — сюжети (наприклад, «Завет» Каравелова — це явне наслідування «Заповіту» Шевченка).

Отже, перші переклади Шевченкових творів на болгарську мову зроблено не з оригіналу, а з російських перекладів. Проте високий рівень російських перекладів дає змогу відтворити засобами болгарської мови багатство образно-символічної системи та емоційного забарвлення творів українського поета. Крім того, і Жинзіфову і Каравелову вдалося передати мелодійність Шевченкового вірша, характерний ритм віршоскладання, а також цілісність ідейної та поетико-психологічної сфер.

В. ГОРИСЛАВЕЦЬ (Шжин)

І. ФРАНКО ТА О. КОНИСЬКИЙ

Питання про творчі взаємини І. Франка та О. Кониського мало досліджене, хоча являє інтерес для тих, хто цікавиться українським літературним процесом ХІХ ст. О. Кониський з великою пошаною і любов'ю ставився до І. Франка, його громадської діяльності та творчості. У 1884 р. у ж. «Зоря» він друкує присвяту «Сподіване» (Івану Франкові).

Шанував і І. Франко О. Кониського як культурного діяча і письменника. У 1901 році він видає дослідження «Про життя і діяльність Олександра Кониського», у якому зауважує, що О. Кониський уже однією книжкою про Шевченка «поклав найкращий пам'ятник і Шевченкові, і собі самому». Життєвий шлях О. Кониського І. Франко поділяє на чотири періоди: 1. Молоді літа (1836 — 1862). 2. Тяжкі роки 1863—1872. 3. Кониський громадським діячем 1872—1889. 4. Останні роки життя, 1889—1900. І. Франко визначає місце О. Ко-

ницького в історії української культури XIX ст., наголошуючи, що серед письменників, які розпочали творчість після смерті Т. Шевченка, одне з перших місць займає О. Кониський, який сорок років працював на ниві рідного слова, будив сонних і письмом, і словом, терпів переслідування російського уряду і докори від власних земляків, але, незважаючи на це, не переставав дбати про освіту рідного народу і боротися проти здириства, кривди та людської неволи.

Розповідаючи про дитячі та юнацькі роки О. Кониського, І. Франко звертає увагу читача на те, що у письменника рано помер батько. Після навчання у приватній підготовчій школі Ніжина О. Кониського як бідного сироту прийняли в Чернігівський сирітський будинок, звідки, він ходив до гімназії. Писати вірші почав з 11 років російською мовою. Але натрапивши на книжечку творів Шевченка, и «запалився любов'ю до рідного слова» і почав писати по-українському. Перші вірші О. Кониського були викрадені товаришем і віддані інспектору. За спроби писати рідною мовою О. Кониський виключений з гімназії. Покинувши Чернігів, він продовжує навчатися в Ніжинській гімназії. Але бідність і хвороба очей примусили О. Кониського у 1852 році покинути навчання і розпочати трудову діяльність спершу у Прилуках, потім — у Полтаві в губернському управлінні. Брав також активну участь у роботі недільних дитячих та вечірніх (для дорослих) шкіл, організації народних бібліотек, книгарень. Намагався дати народові початкові науки на рідній мові. У художніх творах порушував питання про потребу національної школи, реалістично змальовував картини народного життя. І. Франко позитивно оцінює написані О. Кониським підручники «Українські прописи» (1861), «Арихметика» або щотниця» (1863), а також поезії, оповідання. Вони, друковані в «Слові», були «першою пробою українця заговорити безпосередньо до галичан і показати їм російські порядки».

Говорячи про другий період життя і діяльності О. Кониського, І. Франко відзначає що то були тяжкі часи реакції в країні, коли закривалися недільні школи, переслідували і арештовували прогресивних людей України. «За українську пропаганду арештовано і О. Кониського, без суду вивезено у Вологду. Жив письменник під поліцейським наглядом, дуже бідно. Листи і книжки, які присилали О. Кониському, перевіряла поліція. Через рік вислано письменника у Тотьму. 1864 р. О. Кониський дуже тяжко захворів і був би помер, якби його не підтримала сім'я небагатого кулця Пестера.

Відрадою у житті О. Кониського було його знайомство у Бобринці з М. Кропивницьким, участь у постановці українських п'єс, розмови про фольклор, українську драматургію, театр, його репертуар. У ці роки О. Кониський пише ряд театральних рецензій, «Представлення «Наталки Полтавки» (1865), «Українська драма» (1865), «Фельетон» (Критичний огляд української драматичної літератури), та ін. 1872 р. О. Кониський переїжджає у Київ, де зробився таким письменником і громадським діячем, «яким знала його вся Україна і яким згадувати і шанувати буде його наша історія».

У третій частині своєї роботи І. Франко відзначає, що у 70-80-х роках XIX ст. Київ був осередком освіти і прогресу. Тут працювали М. Драгоманов, М. Лисенко, М. Старицький, О. Кониський. П. Житецький, Русів, В. Антонович та ін., які брали активну участь у роботі відділу Петербурзького географічного товариства, зібрали і опублікували величезну силу українських народних пісень, казок, віру-

вань, обрядів і звичаїв. З ініціативи О. Кониського у 1874 р. розпочало роботу у Львові товариство імені Т. Шевченка. У 90-х роках ХІХ ст. воно перетворилося у «Наукове товариство імені Шевченка». І. Франко високо оцінює фольклористичну і пошуково-наукову роботу О. Кониського. Його оповідання з народного життя Каменяря теж називає «гарними». Добре відгукується про спробу письменника змалювати життя інтелігенції у повісті «Семен Жук і його родичі», жалкує, що вона залишилася недокінченою.

Чимало зусиль доклав О. Кониський до того, щоб товариство імені Шевченка стало справді науковим, зробилося вогнищем наукової праці на Україні. Як активний працівник цього товариства, письменник розпочав дослужувати життя і творчість Шевченка, об'їхав рідні його місця, вивчив урядові документи, листування Шевченка, спогади про нього знайомих і на основі цього написав, як зауважує І. Франко, гарну книжку, найдокладнішу з усіх, які випущені були до цього. «Книжка Кониського — то не холодні оповідання — писав І. Франко, — то гаряче возвеличення Шевченка, якого Кониський вважав найвищим цвітом, правдивим генієм і пророком українського народу.

О. Є. ГАДЗИНСЬКИЙ (Ніжин)

ВПЛИВ ПОЕТИКИ НЕОКЛАСИКІВ НА ТВОРЧІСТЬ М. САЙКА

М. П. Сайко (1897—1949) — поет, літературознавець, педагог — працював на кафедрі української літератури Ніжинського педінституту з 1934 р. і до останніх днів життя. Керував роботою Інститутської літстудії. Досить відомий на Україні поет (автор зб. віршів «Жайворонки степу», 1930 і численних публікацій у пресі), він був автором крилатого жанру: «Затичинилося небо, засосюрилась земля!» Зараз творчість М. Сайка майже призабута.

На 20-і рр. припадає розквіт поетичного таланту М. Сайка. Поезія його перейнята оптимізмом, чеканням великих змін, метафорична, багата зоровими та слуховими образами. «Прозорі, сонячні вірші», — сказав про його творчість В. Сосюра.

Як зазначено в «Історії української літератури» (К., АН УРСР, 1970. Т. 6. — С. 136). «... більшість молодих плужанських поетів (О. Ведмідський, В. Мисик, М. Сайко) у пошуках форми орієнтувались на неокласиків». Спробуємо довести цю думку, аналізуючи поезію М. Сайка.

М. Сайко, як і неокласики, не приймав деструкції поетичної форми та змісту. Вірші його завжди логічно продумані, форма їх класична: строге дотримання ритміки; здебільшого точне римування; прийом своєрідного обрамлення, коли перша строфа повторюється в кінці вірша видозмінено: зустрічається тріолет. На нашу думку, М. Сайко поділив творчі принципи неокласиків не лише в галузі форми.

Тема «труди і дні», притаманна М. Ряльському і П. Филиповичу, широко представлена і у М. Сайка. В таких віршах поет тяжіє до філософічності: «Хай присняться усім, хто стомивсь, виногради у дозрілім, захряслім саду». Ліричний герой М. Сайка, надзвичайно активний, живе у злагоді з природою: «З пшеницею в ріллі розкидаю пісні, і ...в раннім маю (поверне жайворон стократно їх мені!», «Мій перламутний краю, мої пшеничні ниви,) що серце узяло — сторицею відасть» Вітаючи технічний прогрес, поет передчуває грядущі еко-

логічні катастрофи: «Тур-бугаю, Дніпро-симентал, поки дикий — рви піну з-під ніг, бо зодягнений в шкіру та сталь заповонить твій радісний біг!»

Впливи неокласицизму помітні і на рівні окремих тем і образів: романтика екзотичних країв («Кримські тріолети»), образи-символи: «менестрель», «виноград», «мед».

Поезія М. Сайка інтелектуальна, витончена.

Таким чином, аналіз поезій М. Сайка дає підстави для тверджень про безперечний вплив поетики неокласиків на його творчість.

П. О. БУДІВСЬКИЙ, Т. С. ПІНЧУК (Ворошиловград)

РОМАН ЮРІЯ ЗБАНАЦЬКОГО «ЧЕРВОНА РОСА» З ОГЛЯДУ КОМПОЗИЦІЇ

Проза випускника Ніжинського інституту Юрія Збанацького відзначається багатством тематики і мови; вона має різноманітні форми побудови, зокрема своєрідні риси композиції. Не є винятком і роман «Червона роса», в якому розкриваються важкі події літа-осені 1941 року.

На відміну від твору ліричного, драматичного в епічному є свій своєрідні структурні форми. Помітно виділяється опис-розповідь, а діалог, так властивий для драматургії, тут звучується; менш виразно проявляються монолог та звертання. Всі перелічені конструктивні ланки притаманні роману Юрія Збанацького «Червона роса».

У даному творі письменник не ламає ustalених композиційних кононів епіки і на перший план висуває форму описово-розповідної подачі картин, фіксації певних сторін людського життя. Так, розповідна форма допомагає краще висвітлити характеристику персонажів, їх психологічний стан, зовнішність. Ось як передає автор портретну характеристику водія-партизана Павла Лисака: «З-під крутих надбрівних дуг, густо зарослих кошлатим волоссям, не моргаючи, зирять вперед холодні, сірі, як у кішки очі, губи тонкі, міцно сплетені. Щось медведкувате, дике проглядається у вайлуватому Лисакові». (Збанацький Ю. Червона роса — К., 1989. — С. 13). Уже ці перші емоційно-негативні штрихи портретної характеристики молодого партизана насторожують читача. Пізніше автор в основному через розповідну форму розкриває образ зрадника Вітчизни Павла Лисака — Рисака, його класову суть. І зовсім іншими розповідними мазками висвітлюється образ партизанського командира, мужньої, вольової людини Андрія Гавриловича: «Качуренко був людиною зрілою, в юності пройшов солдатську школу, добровільно вступивши з трупою ксемолюцьків Києва в Червону Армію, три роки служив, пройшов не через один фронт, брав участь у десятках боїв, відлежувався у шпиталях, виходив з них хоч і пошрамованим, але загартованим» (42). Тут і впродовж усього роману Ю. Збанацький використовує композиційний прийом контрасту, протиставляючи чесних радянських людей зрадникам і ворогам народу. Описова форма частіше висвітлює природу, інтер'єр створює відповідне тло для сприймання того чи іншого героя, його вчинку. Такий опис воєнного пейзажу, що його спостерігає Качуренко з кабіни машини (6), калнівської залізничної станції (11), райвиконкомівського кабінету Андрія Гавриловича (26).

Монологи роману «Червона роса» глибоко життєві, чітко окрес-

люють характери, сприяють яскравішій передачі їх думок і почуттів, розкриттю конфлікту через динаміку сюжету. Вони переважно серйозні, є багато драматизму і часом навіть трагізму, адже мова йде про початок фашистської навали. Такий монолог комсомольського ватажка Ткачика (53), партизанки громадянської війни Євдокії Русланівни (203), капітана Ридаєва (225). Зустрічається монолог-спогад, монолог-сповідь.

У суцільну писово-розповідну та монологічну форми часто вплятається діалогічна конструкція, що теж допомагає кращому розкриттю динаміки сюжету. Такий діалог партизанів Ткачика і Кармен (31), зрадників Хаптура та Рисака (174).

В описах-розповідях та монологіях розчиняються звертальна форма та композиційні прийоми сну, листів, оголошень, що теж сприяють яскравішій індивідуалізації дійових осіб.

М. Ф. КОБИЛЯНСЬКА, І. Ю. КОБИЛЯНСЬКИЙ (Чернівці)

ПАРЦЕЛЬОВАНІ КОНСТРУКЦІЇ У МОВІ ТВОРІВ Ю. ЗБАНАЦЬКОГО

У системі синтаксичних засобів, за допомогою яких талановитий художник слова Ю. Збанацький відтворює картини реальної дійсності, змальовує образи героїв, глибоко проникає у суть життя і психологію людини з її складним світом проблем і відчужень, значне місце належить парцельованим конструкціям.

Спостереження показують, що письменник послуговується парцельованими конструкціями, які являють собою або елементи простого речення (поширюючі члени), або виступають компонентами (предикативними одиницями) складного речення.

Широко функціонують у досліджуваному матеріалі працельовані конструкції, що виконують роль прислівних поширювачів, які відсутні у базовій частині речення. Це, зокрема, такі: 1) поширювачі об'єктного типу, напр.: **Але це вона — моя нелька.** Я впізнав би її завжди і всюди. **По очах. По руках** тремтячих, натруджених. **По когах,** обвитих болочими жилами... **По хустці** оцій чорній, замисканій (Ю. Збанацький. Твори. В 2-х т. — К., 1974 т. 1, с. 408—409); 2) поширювача означального типу: а) узгоджені: **Сплю і бачу** — йде до мене, прямує полями явір. **Високий, ставний,** та **зеленочубий,** та **привітний** (т. 1, с. 405); неузгоджені: **На** циганському хуторі офіцера вбили. **Високого** якогось, дуже **високого** чина (т. 1, с. 530); в) узгоджені і неузгоджені: **На** ту розмову зібрались учні. **Вдягнені** недбало, **нестрижені, без книг** (т. 1, с. 55); 3) обставинні поширювачі: а) способу дії: **Ми** грали. **Кострубат^о, глухо,** інколи й **невлад...** (т. 1, с. 185); б) часу: **Я** люблюся дівчиною. **І** відчуваю, що приростаю до неї серцем. **Назавжди, на все життя** (т. II, с. 321); місця: **В** цей час підвернулася командировка до робітфаку. **У** саму столицю (т. II, с. 90).

Характерні для мови творів Ю. Збанацького працельовані конструкції, що являють собою однорідні ряди словоформ. Таку функцію можуть виконувати: 1) підмети: **Тільки** втома, **важка** втома заповнила все тіло. **Та** ще **безнадія...** (т. II, 86); 2) присудки: — **А** по друге. **Я** на службі. **Часом зв'язаний** (т. 1, с. 194); 3) поширювачі означального типу: — **Що** ж, — **кажу,** — **Маргарита** Василівна — **хороший педагог. Знаючий, чесний...** (т. 1, с. 279); 5) обставинні

поширювачі: а) способу дії: Треба працювати багато. І, головне, **чесно** (т. 1, с. 565); б) часу: — Чи згадюю Скрипалі? Інколи згадюю. **Рідко** (т. 1, с. 344).

Поширені у мові творів Ю. Збанацького парцельовані конструкції, що виступають у ролі відокремлених членів речення. Зокрема: 1) уточнюючі поширювачі обставинного типу: Нестерівська лікарня в центрі села. **На околиці Попової левади, на місці колишньої церкви** (т. II, с. 333); 2) порівняльні звороти: Перед очима ненька. Некваплива, сумовита, вся сива, **як голубка** (т. 1, с. 506).

Досить продуктивні у досліджуваному матеріалі парцельовані конструкції, що виступають компонентами складносурядних речень закритої структури: а) з протиставно-допустовими відношеннями: Давненько все те було... **Але його не забудеш, не викинеш із життя** (т. 1, с. 13); б) з посилювальними відношеннями: Але вже навіть те, що діти, почали вчитися, було досягненням. **Та й навіть Параса тепер стала іншою** (т. 1, с. 237), а також складнопідрядних речень розчленованого типу: а) причини: Він журився. **Бо почував себе непоправно винним...** (т. II, с. 10); мети: Олегіві з Інгою треба б дитинку. **Щоб у сім'ю прийшла незвідана і нова радість** (т. II, с. 300).

Вивчення парцельованих конструкцій певною мірою сприятиме розкриттю особливостей стилю Ю. Збанацького, який, як зауважує В. Земляк, уміє «змайструвати» характер засобами не зужитими, донедавна своїми і тим-то оригінальними.

Ю. Ф. КОЧЕРГАН (Черкаси)

ОБРАЗ ПРИРОДИ І ТЕМА ЛЮБОВІ ДО РІДНОЇ ЗЕМЛІ В ХУДОЖНЬОМУ МИСЛЕННІ Є. ГУЦАЛА

Природа — важливий фактор виховання свідомості, формування художнього мислення письменника. І, як правило, у періоді творчої зрілості той момент одкровення, коли митець все частіше звертається до цієї теми, а вона, одухотворена його любов'ю і глибиною художнього прочитання, перестає бути тлом, вона стає персонажем, таким же повнокровним і діяльним, філософськи змістовним, як справді непересічна людська індивідуальність.

Тема природи, що постала як символ нашої історії, народного буття, по-справжньому хвилює заявля про себе у збірці Є. Гуцала «Запах кропу». Назва збірки не претендувала на оригінальні злет роздумів, а проте молодий тоді прозаїк упевнено входив у світ роздумів, а проте молодий тоді прозаїк упевнено входив у світ глибоких роздумів про життя природи. Не випадково один із розділів книги названо «Осяяння» (Наодинці з природою). Більш ніж двадцять років тому письменник відчув потребу, загублену для багатьох сьогодні, сказати про вічне, святе, глибоко змістовне, що входить у наш світ від єднання з природою, що здатна просвітити, поглибити духовність нашого життя: «це особлива форма вашого просвітлення, вона по-своєму натхненна, по-своєму значна, і ви повинні прислухатися тоді до себе з особливою пильністю, бо чи вдасться коли зазнати такого стану, такого осяяння».

Вічно живий образ природи, наймудрішого співрозмовника людини, письменник сповнював думати про те, «як уперто, як вагомо і значущо б'ється серце вічності, серце самої природи». Ніби перед-

бачаючи наші грішні помисли і вчинки в майбутньому, автор попереджав, що «дуби втратили свій недавній спокій, в шелесті їхнього листя звучить тривога» («Старі дуби на галявах»). Образ природи в ліричних етюдах написаний у формі відкриття — одкровення: така велична, така чарівна природа рідного краю, що безглуздими здаються людська жорстокість, зло, несправедливість, підлість.

У ліричних етюдах Є. Гуцала відчуваємо школу його великого попередника — М. Коцюбинського. Картини імпресіоністичного образу природи поєднуються з філософською заглибленістю духовний світ людини яка не піднялась до цієї краси. У різні пори року ліричний герой Є. Гуцала спонукає взяти з собою і чари першого снігу, і пахощі пізньої весни, і пожовтіле листя осені, що багрецем заходить і в твою душу, спонукаючи до прозорості, чистоти думок і почуттів, щоб «йти далі, вперед, через поле життя...»

Найпотужніше мотив любові до рідного краю звучить в етюді «Смуток». Блищить під осіннім дощем дорога до рідного села, як до святині дитинства, і мряка — «як елегійне зітхання», «як дрібненькі сльози споминів»: поїздка до села — поїздка на батьківщину. Смуток двого розляки тонко оздоблює кожну деталь: мряка (тепла), дві старі жінки, що заговорять рідною інтонацією (не лише мовою), схвилюють почуттям рідного. В темі природи поруч постійно йде образ ліричного героя-оповідача, що, сповідаючись у любові до рідної землі, одухотворює людське через внутрішній монолог свого романтичного світовідчуття і світовираження. У «Смутку» палітра психологічного малюнку акцентована через внутрішній діалог: чи не забув він «рідний кляпоть землі»? Ні, не забув. «Ми одне тіло, нерозчленоване, живе, живе навіть тоді, коли мене не стане, — я тоді зостануся в пам'яті цих дерев, у пам'яті повітря, дольових запахів, оцієї мряки»... Поруч син. І цілком логічний зворот думки: може, «колиш ця земля озветься в ньому отаким самим солодким болем, як оце вона мені болить зараз?» Треба, щоб боліла. Без цього не будемо людьми. Рідна земля — джерело нашої духовності, нашої історії, майбуття — такий лейтмотив збірки Є. Гуцала «Запах кропу».

Н. М. МИСЛИВЕЦЬ (Дніпропетровськ)

КОМІЧНЕ У ТРИЛОГІ ЄВГЕНА ГУЦАЛА «ПОЗИЧЕНИЙ ЧОЛОВІК», «ПРИВАТНЕ ЖИТТЯ ФЕНОМЕНА», «ПАРАД ПЛАНЕТ»

Не позбавлена уваги критики творчість Євгена Гуцала проте не стала об'єктом дослідження в аспекті естетичних категорій, і зокрема категорії комічного, конкретна наповненість якої та структурно-функціональна ясравість в найбільшій мірі представлена в названій вище трилогії. Аналіз романів письменника в контексті так званої «химерної» прози («Козацькому роду нема переводу... «О. Льченка, «Лебедина зграя», «Зелені млини» В. Земляка, «Левине серце» П. Загребельного та ін.) дає можливість глибше збагнути естетичну природу комічного, джерела та його поетику не лише на гнсеологічному, а й на аксіологічному та конструктивно-моделюючому рівнях цих творів.

Співіснування різних планів зображення в «химерній» прозі: реального і фантастичного, заземлено-побутового та уявлювано-ідеального, введення в повісткування «олюднених» образів тварин, птахів

і та ін. — двійників образів персонажів, наявність своєрідних типів оповідачів з їх імітацією стилістики усного мовлення, загиблення у фольклорну поетику і специфічне осмислення уснопоетичних тем, мотивів, образів, які в своїй структурі мають парадоксальність, зумовлено категорією комічного.

У трилогії Євгена Гуцала категорія комічного є домінуючою. Вона представлена в таких основних своїх елементах: комічного конфлікту, комічного персонажа, комічних обставин, ситуацій, комічного фону оповіді, комічного пафосу.

Сутність комічного конфлікту в парадоксальній невідповідності — узагальненому утвердженні величчю ідеалу «людини-всесвіту» і конкретному зображенні образу «старшого куди пошлють» «Хоми Прищепи, спращено — офіційно нареченого «простим колгоспником». Комічний конфлікт переключений у сферу внутрішнього життя — думок, переживань, прихованої полеміки, оцінок всього оточуючого (від морально-етичних проблем до суспільно-політичних), а також дії і дійств — від місцевого, так би мовити, масштабу до всепланетарного.

Комічне в трилогії розгортається по висхідній: якщо в першій книзі представлено особисте життя головного оповідача і персонажа Хоми Прищепи, спроектоване на окремі факти, події села Яблунівки, то пізніше вже вся біографія цього характерника постає у вимірах країни, планети, Всесвіту.

Еволюція комічного образу головного персонажа подається у таких параметрах: «старшого куди пошлють», «грибка-маслячка», «веселуна, жартівника і дотепника», «позиченого чоловіка», «яблунівського чудотворця», «любомудра», «великого народного умільця», якому, як твердить автор, «судилося обертати ілюзії на явину». А звідси в трилогії маємо такі види комічного: удавано-наївне комічне, гармонійне комічне, піднесено-утверджувальне комічне, викривально-засуджуюче комічне.

Комічні обставини та ситуації також будуються на зростаючій парадоксальній невідповідності, відправною точкою якої є матеріалізація не лише природного звичаю «позичання-виддавання» (як правило, предметів домашнього вжитку), а й відтворення як ймовірного становища людини у ролі «позиченого чоловіка» Хоми Прищепи, і нарешті після всіх фантастичних пригод і перетворення йому «статусу старшого куди пошлють» (в останньому розділі роману «Парад планет»). Для цього автор вводить в трилогію елементи комічного дійства — інтермедії, вертепу, карнавалізації, а умовність, парадокс, бурлеск, інколи навіть абсурд (як комічне перебільшення, градація) підпорядковує реалістичній спрямованості трилогії.

Повнокровним компонентом образної форми романів письменника постає образ сміху з усіма його відтінками та модифікаціями.

Комічне в обраних для аналізу творах Євгена Гуцала виступає і як категорія результату і як категорія оцінки, критерієм якої є уявлення автора про прекрасне, ідеал як найвищу досконалість людини у всіх її виявах особистого та суспільного життя, в поетизації невірності і незначущості оптимістичного погляду на світ та в депоетизації і осміянні всього того, що об'єктивно має парадоксальний характер і протистоїть ідеалу.

РОМАН Є. ГУЦАЛА «ПОЗИЧЕНИЙ ЧОЛОВІК» У КОНТЕКСТІ
СТИЛЬОВОГО РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ
ПРОЗИ 70-Х РОКІВ

Творча еволюція Є. Гуцала у 60-х — 70-х роках природно співвідноситься із процесом прогресивного розвитку української прози.

Новелістика митця (а нею він дебютував у літературі) цілком вписувалась у процес ліризації мислення, характерний для української літератури кінця 50-х — початку 60-х років. У 60-х роках (у час розвитку конкретно-аналітичної прози) митець виступає з творами стилістично суворішими, «заземленими», в яких прагне передати не просто в її найгостріших, найдраматичніших формах (повісті «Мертва зона» і «Родинне вогнище»).

Подальший розвиток конкретно-аналітичної прози штучно загальмовується: «шлях її (української літератури — О. К.) реалістичному струменю було перетято людьми недалекоглядними і професійно некомпетентними» (В. Дрозд). На практиці це означало відлучення від літературного процесу цілого ряду письменників, критичні «розноси» творів безкомпромісних (повісті Ч. Гуцала теж зазнали гострої критики).

У шік «застою» (у 70-х роках) українська література, позбавлена стержневої гілки (конкретно-аналітичної прози), шукає нових стильових рішень, нових, часом естетично складніших форм, здатних передати правду життя: онтологізується романтична стильова течія, ясніше проступає естетичне начало в «публіцистичній» прозі, активно формується лірико-химерна стильова течія.

Критика лірико-химерну прозу сприйняла неоднозначно: від захвалювання до заперечення її естетичної цінності, бо вона, мовляв, дає вигідну можливість уникати конкретики життя (інші варіанти бідшя пом'якнені, як-от: химерне мовлення — певний аналог езопівської мови, звертання до якої давало можливість у складних умовах у завуальованих формах показувати правду життя).

У дійсності ж (на нашу думку) лірико-химерна проза передавала конкретику життя напряду. Але для вияву цього треба чіткіше визначити її природу, з'ясувати її походження: тісно пов'язана з романтичною прозою, вона очевидно, формувалася як бароккова (ісобароккова) реакція на руйнування ідеалів (стильовий процес, типологію і сутність якого гарно описав Г. Вельфлін).

У межах цієї необароккової тенденції головний інтерес митців зосереджується на «ігрових», «театралізованих» структурах, характерних для барокко (нагадаємо, що «театралізоване» бачення життя пронизує епоху барокко). Поява гри як оформленої естетичної структури — це, швидше всього, те «перетворення у структуру», про яке говорить Гадамер (сутність цього явища визначив сам Гадамер — у результаті «перетворення у структуру» «виходить на світ те, що в інших умовах завжди ховається і вислизає»).

Епоха 70-х — не час — театралізації» (варіанти культурологів — час імітації час торжества естрадності) суспільного життя. Відгуком на це стала поява різноманітних «театралізованих» форм: від естетично простіших, які наслідують композиційні принципи та дух вертепної вистави («Оглянься з осені» В. Яворівського, «Позичений

чоловік» Є. Гуцала), до таких естетично складних форм, як роман В. Земляка «Лебедина зграя» та повість В. Дрозда «Ірій». У своїй сукулності ці «театралізовані» форми зуміли відтворити природу життєво-театральних процесів, які розвивались і утверджувались у суспільному житті в епоху «застою».

Г. М. ВІНЯР (Дніпропетровськ)

ПОЗАСЛОВНИКОВА ЛЕКСИКА ТА СПОСОБИ ЇЇ ТВОРЕННЯ У ПРОЗІ Є. ГУЦАЛА

Одним із джерел збагачення лексичного складу національної мови є творення нових слів письменником, а також залучення ними лексем, не зафіксованих у загальномовних словниках.

У мові творів Є. Гуцала це насамперед похідні іменники, утворені суфіксальним способом від дієслів (явина, тупітнява, заприязнення), іменників (збаражчанин (від назви села), скрипалька, клубовиське, сайгачатина, камінячча), прикметників (добročинство, всевидючість, доглянутість, карість, буйночубість, рудько). Є у творах письменника і безафіксні новотвори (тремт, перехлюп), деривати, утворені шляхом долучення префікса (праснова, прасвідомість), префіксоїда (сам⁰хизування).

Виявлено чимало нових композиторів, в основі яких лежать атрибутивні словосполучення (космокорабель, молокопункт), новотворів, перша частина яких характеризується високою сполучуваністю (аерорейс, екс-артист, відеоіндустрія, відеобсзуметь⁰). Дуже поширеними у мові творів письменника є індивідуально-авторські неологізми, утворені способом словоскладання. Серед них юкстапозити, компоненти яких набувають синонімічного значення (думка-спостереження, шестестіня шемрання, мука-страждання), а також такі, складники яких перебувають у порівняльних відношеннях (голова-кульбаба, губи-вареники, пташечка-усмішечка).

Суфіксальне словотворення прикметників у прозі Є. Гуцала представлене похідними від іменників (сайгачий, бульбуватий, коринцюватий, сокируватий, алянистий, ручаїстий), віддієслівними дериватами (ридливий, хлюпівливий, бузькітливий, гаркітливий, розсядистий).

Серед не засвідчених словниками прикметників зустрічаються також юкстапозити (всеподеляючий, всезнаючий, сьохвилинний, самозалюблений, самозосереджений). Різноманітні ознаки передають складні прикметники типу широковіковий, крупноголовий, камінно-бусий, сливовидний, а також деривати, компоненти яких перебувають у синонімічних відношеннях (погрозило-ворожий, запалено-мінорний, метушливо-жвавий). Складну гаму кольорів відтворює письменник прикметами, утвореними поєднанням двох, а подеколи й трьох основ (антрацитно-чорний, ядучо-зелений, золотаво-прозорий; золотаво-сильно-білий, синьо-зелен⁰-вохристий).

У сфері творення дієслів важливе місце посідають суфіксальні та префіксально-суфіксальні відіменні новотвори (п'явчитися, набичитися, повуздлувати), відприкметникові (скістлявіти, несамовитіти), префіксальні та префіксально-суфіксальні внутрішньодієслівні утворення (відгортити, порозмітати, зблинути, вифантазувати, вичарувати), а також відкомпаративні дієслівні деривати (погостріша-

ти, позловіснішати, позолотішати, покрилатішати), утворені за допомогою суфікса -а-, часто префіксовані формантом по-.

Позасловникова лексика і авторські неологізми в творах Є. Гуцала є майстернею реалізацією словотворчих можливостей української мови, що забезпечує їм органічне злиття із загальномовною лексикою.

Л. І. КОЛОМІЄЦЬ, Г. М. ШЕЛЕМЕХА (Ніжин)

СПОСОБИ СТВОРЕННЯ ЗОРОВОГО ОБРАЗУ В НОВЕЛАХ Є. П. ГУЦАЛА.

Серед помітних особливостей стилістичної палітри новел Є. Гуцала не можна обійти оригінальну манеру створення зорового образу з допомогою дієслів, хоч традиційним засобом є прикметник. Найчастіше до цього, відносно рідкісного, прийому вдається автор у пейзажах, пор: «Калина уже по ярах **стоїть у червоних кетягах**, як у зорях. Кожна ягода аж дзвенить достиглим соком, так **жевріє** сипучим жаром. Але не може підняти ні віття, ні стверділого листя... кетяги ворухаться, і набубнявілі сузір'я здригаються, ніби хочуть злетіти. І від того, що на калині стільки ягід, вона здається усміхненою. Щасливою й усміхненою (Є. Гуцало. За так.—К., 1965.—С. 175). Одвічно постійний епітет 'червона' до калини просто відсутній — «калина по ярах **стоїть у вогні**» (175); «Калина **майоріла** кетягами ягід у твердозеленому листі» (Світло, 180). Або: «...обіч **жовтим ягід** сміється суріпка, на рову **дзвенять синьою** радістю волошки та сокирки, ласкаві метелики із скромними крильцями сідають на подорожники, на деревій, подув вітру їх змиває, мене крильця...» (Світло, 205); «**Жовті** верби **підпалювали** небо, а воно не горіло, навіть на сизу його стелю не падали відблиски краплистого вогню, яким сходила осінь» (Тополя, 194).

Специфічна природа дієслів, що виражають процес зміни конкретно-фізичного стану: вони легко метафозуються, ніби заховуючи потенціальну образність, зумовлену самою природою цієї частини мови. Зрозумілим тому видається нам потяг майстра і до таких прикметників, які відповідно до свого генезису (вони з походження дієприкметники) передають ознаку з домішкою предикативності: «**Задимлена**, вишнева зоря сходила над селом і була така найвна та **замислена**, що перед нею хотілося впасти навколішки» (Колиска, 64). сиюю.

Використання дієслівних форм досягається **динамізм**, уміння передати ознаку не статичну, а динамічну: «**Зацвіте** (сад) весною, **закутається в білу хмару**, **димить** на вітрі **обпадаючими** пелюстками, і не видно його немічного галуззя, **обтращених** гілляк, **зажуреного** суччя. **Стоїть** тоді радісний, як мрія. А в літі він **хмурилішає**, темний стає його одяг і помітнішим стають його **зчорнілі** рани. Під осінь, коли спадає листя, садок **прозорішає** і водночас ще більше **сунуться**» (За так, 177).

Висока майстерність прозаїка досягається і використанням порівняння, яке не тільки інтенсифікує ознаку, і ніби накладає відбиток на весь контекст. А це досягається врахуванням, може, не завжди й свідомого, синтагматичних зв'язків слова, напр.: «Вечір **бубнявіє, цвіте...**» (Соломія, 135). Слово 'бубнявіє' властиве для флори, і

звичайне для назв рослинного світу, а не для позначення частини доби. Опинившись як предикат до іменника 'вечір', дієслово 'бубнявіє' вже орнаментує його, готуючи читача до прямого порівняння для створення мальовничого образу, пор.: «Вечір бубнявіє, цвіте, а потім опадає, як квітка. Опадає — то гай біля річки чорніє, хмурачись, то сива хмара перетлівши на сонячних променях, взялася мургим попелом...» (Соломія, 135).

В. М. БОЙКО (Ніжин)

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ У ТВОРАХ ЄВГЕНА ГУЦАЛА

Народні джерела завжди були могутньою животворною силою української літератури. Неодноразово до їх глибин звертався у своїй творчості Євген Гуцало. Мудрість народної думки, влучність і доцільність народного гумору, поєднуючись з емоційно-експресивною манерою викладу, створюють неповторний колорит творів цього автора. З метою досягнення емоційності змісту письменник в ряді інших засобів широко використовує фразеологічні одиниці різноманітної семантики: (жити) **мов кіт із собакою**, (спить) **без задніх ніг, топтати ряс, пасти задніх, довкола пальця обвести, мов кіт наплакав, у свинячий голос** та ін. Частотність вживання фразеологічних одиниць порівняно висока ($X \approx 10$) (X — середня частота вживання фразеологізмів у вибірках довжиною в 10 000 лексичних одиниць).

Широке використання знайшли у творах Євгена Гуцала соматичні (і мізниця **не вартий, сидіти на шиї, і в вус не дме, щирити зуби, (тихо) як у вусі комара**) та анімалістичні (**хоч вовком вий, (грошей) кури не вкдюють, із заячий хвіст, як ведмідь до горобців, (жити) мов кіт із собакою**) фразеологічні одиниці, специфікою яких є те, що у їх структурі саме соматизми та зооніми акумулюють в собі конотативне значення фразеологізмів. Спостереження над фразеологією творів Є. Гуцала свідчать, що як соматичні, так і анімалістичні фразеологічні одиниці відзначаються яскраво вираженим антропоцентричним характером семантики: абсолютна більшість одиниць пов'язана з життям і діяльністю людини, її психічним та фізичним станом, соціальною характеристикою, видами матеріальної та духовної діяльності людини: «...їй раптом заквавився, **паче яка муха вкусила**» (П. 50) — Гуцало Є. П. Вибрані твори: У 2-х т. К.: Рад. письменник, 1987; «Огинався біля мене, **як кіт біля сала**» (1, 243); «...і справді **треба оқа не спускати**» (с. 65) — Є. Гуцало. Орлами орано. — К.: Рад. письменник, 1977; «...ї чого не мені в сірка очі **позичати?**» (с. 66) та ін.

Спостереження й аналіз особливостей функціонування фразеологічних одиниць у творах Євгена Гуцала засвідчують наявність індивідуально-авторських трансформацій фразеологізмів з метою розширення чи звууження їх семантики, пристосування до конкретної ситуації мовлення, смислового збагачення та ін. Так, досить часто зустрічаються: 1) розширення компонентного складу фразеологічних одиниць: «...начальство **обіцяло зняти з нього залізу стружку**» (с. 242); «**Розіб'ється сімейний глек, а потім нічим не склеїти**» (с. 236); «Тихо, **мов у вусі комара**» (с. 331); 2) синтаксичне пере-

оформлення усталених виразів: «...наче загублена клепка знайшлася сама» (с. 245); «гарбузової каші скуштували» (с. 186); 3) індивідуально-авторське фразеологічне калькування: «І в вус не дме» (с. 243), пор. в ус не дуть (рос.); «щирити зуби» (с. 240), пор. скалять зуби (рос.); 4) лексичні варіанти: «мовби на шпильках сидів» (с. 235), пор. сидіти на голках; «вхопив облизня» (с. 115), пор. піймати облизня; 5) словотворчі варіанти: «тримати в їжачих рукавицях» (II, 378), пор. (тримати) в їжачих рукавицях; 6) індивідуально-авторське фразотворення: «...обличчя — ніби соняшник, з якого горобці поспивали насіння» (с. 279); «...орудує заступом завзято, мовби чорт із різкою біля грішників» (с. 192).

Активне і своєрідне використання Євгеном Гуцалом фразеологічних одиниць суттєво збагачує і урізноманітнює емоційно-експресивну канву його творів.

О. А. ВЕРБИЦЬКА (Харків)

ДО СПЕЦИФІКИ СТВОРЕННЯ ОБРАЗНОСТІ МОВИ ЄВГЕНА ГУЦАЛА

Вивчення мовної творчості окремих письменників не тільки поглиблює наші уявлення про їх авторський стиль, але й сприяє постановці і розв'язанню ряду теоретичних проблем. Одна з них — як стилістично нейтральна, буденна лексика служить яскравим стилістичним засобом створення образності, пор.: «Один гелос — як любисток, другий — як будяк, а третій залізом тужавіє» (Є. Гуцало. Становлення.-К., 1965.-С. 253).

Є. Гуцало — прозаїк неординарний. Його майстерність обумовлена багатьма факторами, серед яких першорядну вагу має глибоке знання мови, історії народу, психології, побуту і тепла сивізна любов. Секрет мовної творчості, вважаємо, слід шукати у вмінні перегрупувати звичайні зв'язки словосполук, у щедрому і свіжому поповненні лексико-граматичної недостатності за рахунок індивідуально-авторських уживань, творчих знахідок.

Одним з кращих доказів служить передача відчуттів. Сам прочес означення різноманітних відчуттів дещо несподіваний: **тактильна** лексика виявилась тим джерелом, звідки Є. Гуцало, як ніхто інший з письменників, добирає синестезичну чи концептуальну метафору: **тепло жорстоке, м'яке; тиша туга; шеберхання тепле; голос м'який, твердий; запах студений, тонкий; страх (острах) холодний, гострий; радість гаряча; сміх пекучий; сні чіпкі, слизькі, гарячі, глевкі.**

Порушення традиційно усталених норм уживання чуттєвої лексики в прямому значенні сприймається як несподівана і яскрава метафора, а це й зумовлює стилістичну функцію:-- **Тобі чоґо? — з присвистом запитав він, бачачи зовсім близько глевкі очі, наколошкані прошпиговані зеленими голками**» (Становлення, 248); **Щоки в нього затремтіли, а очі із задумливих та заглиблених претворилися на гарячі, повні диялячого сміху, і так вони палахкотіли, доки не згасли**» (Сміх, 172); «І тепер здавалося, що те світло горить не тільки в ліхтарі, але і в його душі, і дід з **холодною гостротою** усвідомлював, до якої важливої служби приставлений» (Біля ліхтаря, 6); «І інші **голоси** — чоловічі, грубі, **тверді** од куріння, хрипкі од натуги — загоготіли слідом, зареготали, загалгакали:— Агов! (Біля ліхтаря, 16).

Автор ніби не вдовольняється використанням тільки метафори, а доповнює, оживляє її іншими словесними засобами — порівняннями, живими, яскравими, народними: «Була сама невеличка, але туга, як **полив'яний дэбанок**» (Біля ліхтаря, 10); — Може, я вам кепсько зробив, га?! — спитав і вже був **колючий, мов будяк**» (Соломія, 136); «Між полукіпками все ще сіріла мряка, але за нею у **м'якому, промитому повітрі** ясно проступав обрій **ворсиною лінією...**» (Вечір-чечір, 69).

Такий прийом інтенсифікації ознаки взагалі характеризує манеру письменника Є. Гуцала: метафора, підсилена порівнянням, — надзвичайно вдалий хід створення образності — «Сонце схилилося з полудня, а день схилився до вечора, який **дибас** по землі **тихою ступою**» (Біля ліхтаря, 14); «Вже од полів **закрадався** вечір і **лагідним лисом** чеберяв поміж тинами» (Ноліска, 63).

Мовленнєвий лад Є. Гуцала показовий і в психологічному плані: він має динамічний характер. Динамізм забезпечується не тільки перевагою дієслівних форм у метафорі, порівняннях, але і шляхом використання тактильної лексики у ролі синестезичної і концептуальної метафори.

Отже, модифікація буквального, необразного виразу, перехід його в образний завдяки метафоризації має велику силу емоціонального впливу.

З. С. СІКОРСЬКА, Т. П. ТЕРНОВСЬКА (Ворошиловоград)

ЛІНГВОСТИЛІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ НОВЕЛИ Є. ГУЦАЛА «ПІСНЯ ПРО МИТЬ».

Розкривати ідейно-художній зміст новел Є. Гуцала, нерідко безсюжетних, досить складно. «Пісня про мить» — ключ до розуміння всього циклу «Пісень». Як відомо, основою пісенності є діалектичний зв'язок буденного, кінцевого, невичерпного, вічного, і саме такий внутрішній зв'язок думки і почуття з природою яскраво висвічується в аналізованому творі.

Композиційно новела складається з кількох частин: пошук паралелей у космосі і людському бутті; передача «археології почуттів» ліричного героя у плінні осіннього дня, вечора і ночі; гіми «живому життю». І водночас ліричний монолог героя створює нерозривну єдність «Пісні».

Усі частини наповнені багатими художньо-зображальними засобами, що розкривають внутрішній стан ліричного героя, передають його світосприймання, особливе душевне просвітління, зрідненість з природою. Природа, спілкування з нею, одухотвореною, олюдненою, дає герою відчуття щастя на землі, і цей настрій запалює читача.

Найактивнішу виражальну та ідейно-художню роль у новелі відіграють метафори. Наприклад, розгорнута метафора-уособлення на початку новели настроює читача на сприйняття «Пісні» і на власні думки про мудрість життя. Яскраві дієслівні метафори, що нерідко переплітаються з іншими тропами, сприяють емоційній наснаженості тексту. надають мовленню динамічності: «Ці кольори росли, цвіли, гойдалися, бігли, сміялись, плакали» (Є. Гуцало. Орлами орано-К., 1977. -С. 41) — метафора й ампліфікація; «слова одшелестіли степовою тирсою, опали маками на вітрі» (42) — метафора і порівняння; «і над нами глибоко зводилось небо, у якому самотній, старовин-

ний цвів місяць» (43) — метафора й епітети; «Ніч покрала всі кольори, й вони стояли тихі, глибокі, а повний місяць лив і лив на них потоки світла» (42) — метафори, епітети, лексичний повтор; «Вечір розплавив золото над обрієм, і стільки його — червоного, гарячого, тихого — проллялось із сонячної діжі!» (42) — метафори, епітети, перифрази.

Вражають точністю добору численні, відшліфовані автором епітети: одиничні: «буйної барви» (41), «гадюча звивина граншеї» (42); нанизувані: «шипилина по горбах сміялась ягодами живого, неповторного світла» (41), «цікавий дідок.. колючий, несподіваний, різкий» (42); епітети, що підсилюються метафорами, порівняннями: «...стежка вільно покладеним білим рушником слалась поміж її старих зморщок. Поміж старих зморщок правічної землі» (41).

Особливо цікаві кольорові епітети, вони психологічно мотивовані, відображають підтекстову інформацію художньої оповіді: «Їхні погляди були зіткані з доброго сонячного світла — карого, зеленого, синього» (41). Домінуючими серед кольорових епітетів є прикметники **голубий** як символ миру, душевного ладу, вірності та **білий** як символ чистоти, невинності, радості.

Посиленню емоційності твору, змалюванню психічно напружених моментів сприяють лексичні повтори, ряди спільнокоренових та «заперечних» слів: «кольори... виглядали вільно й незалежно, і в жодному не бачилось і не чулось несмаку, всі були необхідні, закономірні», «були живим витвором живої землі» (41), «вродливе іншою вродою» (42).

Важливим засобом художньої виразності мови виступають також синоніми (правда, істина; простує, йде), антоніми (темрява — світло, потоки світла — хащі мороку), тавтологічні вирази (воля вільна, живе життя) тощо.

Стилістично вагомим, функціонально навантаженим є синтаксис новели. За допомогою найрізноманітніших конструкцій, нерідко синонімічних, створюється схвильована оповідь про прекрасну мить життя, про ті неповторні миті, які і є «тим живим життям», що переходить у пісню і виходить із пісні, дивуючи, чаруючи, втішаючи людину.

Більшість слів і словосполучень — це символи. Їх смислова багатоплановість, сплав метафоричного, алегоричного й оцінного в тексті дозволили авторові емоційно і пластично передати ідейно-тематичний задум.

В. П. КРУТНУС (Ніжин)

ТАІСІЯ ШАПОВАЛЕНКО ПОЧАТОК ТВОРЧОГО ШЛЯХУ

Таїсія Шаповаленко закінчила українське відділення філологічного факультету Ніжинського педінституту в 1973 р. Ще навчаючись у вузі, вона постійно відвідувала засідання літстудії та факультет журналістики при Ніжинській газеті «Під прапором Леніна». По закінченні інституту стала професійним журналістом. Протягом 11 років (з 1973 по 1983 рр.) працювала в редакції бобровицької газети «Жовтнева зоря». У 1983—1985 роках навчалася на Вищих літературних курсах у Москві. Член Спілки письменників СРСР з 1983 р.

Напружений ритм редакційної роботи залишав мало сил і часу для поетичної творчості, та жити без поезії молода журналістка вже не могла. Поряд з публіцистичними матеріалами невдовзі в газеті з'являються й вірші Т. Шаповаленко. Потім пішли добірки в республіканській пресі — в газеті «Молодь України», журналі «Дніпро», альманасі «Вітрила».

У 1979 р. у видавництві «Радянський письменник» вийшла колективна поетична збірка «Співає серце». Одним із авторів її була й Таїсія Шаповаленко. Важливо, що вже в цій першій значній публікації визначилися основні тематичні напрямки, які в подальшому активно розроблятимуться авторкою.

У 1981 році «Радянський письменник» під рубрикою «Перша збірка поета» видав книжку Таїсії Шаповаленко «Здрастуй, ластівко!». Як бачимо, поетеса входила у літературу в роки, які тепер називають застійними. Загальна обстановка в житті й літературі, безумовно, не кращим чином позначилась на творчій долі новобранця поезії. Та на честь авторки слід сказати, що й сьогодні ця перша її книжка важлива не тільки тим, що в ній є, а й тим, чого в ній, на щастя, нема. Нема заангажованості, нема явного учнівства, вторинності, бажання будь-що сподобатися. Звичайно, збірка не рівна, не все сказалося так, як прагнулось. Зате в цьому молодого поета відчуваються чіткі естетичні переконання, визначне коло інтересів, прагнення власного стилю, котрому протипоказані зужиті словесні формули чи знайдені іншими поетичні ходи.

У 1988 р. у «Молоді» вийшла нова збірка Т. Шаповаленко «Ді-вич-гора». Вона вдвоє об'ємніша першої (вміщує рівно сто поезій). Складається з двох розділів. Перший — це виключно любовна лірика. Якщо лірика — це відтворення почуття, внутрішнього, суб'єктивного стану людини, то зроблене Т. Шаповаленко в цьому плані — вагомий, самобутній внесок у скарбницю зафіксованих українським словом емоцій. Її лірична героїня з тонко організованою, вразливою й мудрою душею. Почуття кохання, яке переживає вона, не однолінійне. В ньому і радість та щастя кохання, і віра та зневіра, і радість взаємності та біль від нерозділеності найкращих поривань. І все це таке справжнє, що сприймає не як мистецтво, а як жива реальність. Друга частина книги передає складність внутрішнього світу сучасної людини.

У 1990 р. виходить нова поетична збірка Т. Шаповаленко «І скрипне твоім іменем душа». Тож творчий шлях поетеси успішно продовжується. Прийшла зрілість, умілість й умови, коли їх можна вільно проявити.

Поетичний доробок Т. Шаповаленко засвідчує, що українська поезія поповнилась ліриком глибоким, зорієнтованим на високі мистецькі ідеали, свідомим відповідальності свого покликання, з глибоким чуттям органічності слова й природності інтонації.

В. М. ПУГАЧ (Ніжин)

ПРО ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ВЖИВАННЯ ПРЕДИКАТИВНИХ ФОРМ НА -НО (-ЕНО), -ТО У ТВОРАХ МОЛОДИХ ПИСЬМЕННИКІВ ЧЕРНІГІВЩИНИ

Широко вживані в сучасній українській мові предикативні форми на -но (-ено), -то досить функціонують в художніх творах. Роз-

гледнемо дві збірки випускників Ніжинського пединституту Любові Пономаренко «Тільки світу» (К.: Радянський письменник, 1984) та Івана Просяника «Коса на камінь» (К.: Радянський письменник, 1986). Наприклад: — А я все думаю, ну чого на мене наче **наслано** (І. Просяник, названа книжка, с. 136); «Шкірити вміє, а в самої **понаставляю** біля печі, і пройти ніде» (Л. Пономаренко, названа книжка, с. 31); «Наче **наврочено** чи дорогу поміями **перелито**» (І. Просяник, там же, с. 21).

Активне використання предикативних форм свідчать про те, що уже в перших творах молоді автори говорять голосом свого рідного краю. Усне розмовне мовлення Чернігівщини легко витворює і широко використовує предикативні форми, утворені від дієслів доконаного виду. Наприклад: «Он вам і хургона **підігнано!**» (Л. Пономаренко, там же, с. 53); «Одного дня **забрано** і Мар'яниного Івана, і Софійного Миколу (І. Просяник, там же, с. 166). Це майже пересічне вживання форм від дієслів доконаного виду, проте трапляються й предикативи недоконаного виду (близько 25%), як-от: «Ну де це **бачено**, на Віслі ногу відбіг, риии весь вік протезом!» (І. Просяник, там же, с. 148); «Та що вже виросте на тій грядці, де з весни **огрі**хами **орано**» (Л. Пономаренко, там же, с. 18).

У прозі Л. Пономаренко та І. Просяника надається перевага використанню конструкції «предикативна форма + іменник у формі знахідного відмінка», що є властивим для предикативних форм в цілому. Наприклад: «А **стіл заставлено**, як на свято» (І. Просяник, там же, с. 149); — Знаєш, що асфальт до ферми **не прокладено**, що в негоду ми не підвеземо худобі корми, знаєш? (Л. Пономаренко, там же, с. 90).

Зустрічаються й неперехідні або позиційно неперехідні предикативи. Їх кількість у розглядуваних творах становить близько 15%. Наприклад: «Ось, будь ласка, всі квитанці при мені. **І домовлено, й оплачено**» (І. Просяник, там же, с. 93); — Мо, **пороблено?** (Л. Пономаренко, там же, с. 16); «Та кидала, кидала квасоллю й заспокоїла — **наслано**» (І. Просяник, там же, с. 57).

Пояснити відсутність іменників при формах на -но, (-ено) -то можна не тільки стилістичними особливостями розмовного мовлення, а й синтаксичними особливостями північних говорів: «Загалом спостережено, що в діалектах структура речень відносно простіша, вони коротші, ніб відповідні речення в літературній мові» (Жилко Ф. Т. Говори української мови. — К., 1958. — С. 29).

Привертають увагу предикативні форми, запозичені розмовним мовленням з ділового стилю, наприклад: — Солику, ти не психуй, чуєш? Розмови про те, що тебе рекомендовано, вже з тиждень гуляють (Л. Пономаренко, там же, с. 64); — Не гарячкуй... перший добро дав. Будівенний комплекс заповоли, а в голови незаперечний аргумент! «Продаж м'яса у план **не введено**» (І. Просяник, там же, с. 129).

Ф. С. АРВАТ (Ніжин) НІЖИНСЬКИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ І ПЕРЕБУДОВА

Ніжинський ордену Трудового Червоного Прапора педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя — один із найстаріших вузів країни.

Тому його історія — це складова і невід'ємна ланка суспільно-історичних процесів, які відбувались не тільки в Ніжині, а й на Украї-

ні. Тому для її ґрунтового наукового висвітлення і знання навряд чи можна говорити про повну і об'єктивність історичного минулого нашого поліського регіону. У 1939 році Президія Верховної Ради СРСР присвоїла інституту ім'я М. В. Гоголя, а в 1970 році за великі заслуги в підготовці педагогічних кадрів і в зв'язку з 150-річчям інститут був нагороджений орденом Трудового Червоного Прапора.

Гоголівський інститут сьогодні — це 4100 студентів денної і заочної форми навчання, які навчаються на 5 факультетах із 12 спеціальностей: філологічних, фізико-математичних, природничих, мультимедіально-педагогічних та іноземних мов.

На 25 кафедрах працює 320 викладачів, з них 9 докторів, професорів, 112 доцентів, кандидатів наук.

Переважає більшість спеціальностей і кафедр сформувалися давно, вони мають свої наукові та педагогічні традиції, широкі ділові зв'язки і користуються визначенням в республіці і за її межами. Це, зокрема, філологічні кафедри, кафедри природничого та фізико-математичного факультетів, кафедра англійської мови. На цих кафедрах підготовлено цілий ряд підручників, монографій, навчальних посібників, які здобули схвальну оцінку науково-педагогічної громадськості і використовуються в школах і вузах. Серед найбільш відомих авторів можна назвати професорів А. В. Домбровського, Г. В. Самійленка, Н. М. Арват, Л. І. Коломієць, В. Г. Янушевського, доцентів І. П. Костенка, В. П. Томеня, П. О. Сердюка, Н. Я. Неділька, А. В. Майбороду, О. І. Близнюка, Л. С. Панову, І. В. Марисову, Н. А. Панасенку, І. М. Солдатову, В. П. Яковця, П. В. Михеда, М. Р. В'ялого, О. Я. Ростовського та інших.

Є й зовсім молоді науково-педагогічні колективи, які створені зовсім недавно у зв'язку з відкриттям нових спеціальностей або внаслідок внутрішньої реорганізації кафедри географії, німецької мови, англійської філології, стилістики та культури російської мови. Вони ще в стадії становлення, науково-педагогічний потенціал цих кафедр лише формується.

В останнє п'ятиріччя відбулося різке кількісне зростання студентського колективу і викладачів інституту, викликане додатковою потребою вчителів у зв'язку з реформою школи, а також переводом усіх спеціальностей на п'ятирічний термін навчання.

Основне поповнення науково-педагогічного колективу відбувається за рахунок випускників вузів та аспірантів. Такі обставини зумовили динамічне «омолодження» професорсько-викладацького складу: середній вік викладачів становить 38 років, майже 100 чол. мають вік до 30 років. Явище це позитивне, тому що молоді легше адаптуються на новому місці, інтенсивніше працюють над собою і, правди ніде діти, активніше сприймає ті нові тенденції і явища, які з'являються в діяльності вищої школи у зв'язку з її перебудовою. Ми намагаємось всіляко сприяти науковому і педагогічному зростанню молодих викладачів. Так, за останні 5 років в аспірантуру було направлено 48 чол., за цей же час захищено 39 кандидатських дисертацій, 2 докторської дисертації, три доценти переведені на посади старших наукових співробітників для завершення докторської дисертації, ще п'ять викладачів рекомендовано в докторантуру.

Перехід від традиційної моделі навчального процесу до нової вимагає серйозної підготовки — психологічної, педагогічної, методичної, матеріальної.

Треба враховувати той факт, що перебудова освіти в країні — процес зовсім не людський, він не обмежується межами однієї галузі народного господарства. Позитивних зрушень в галузі освіти можна досягти тільки при умові колосальних зусиль всього суспільства.

Освіта — фундамент суспільства, між освітою і економікою — прямий зв'язок. Якщо ми хочемо, щоб наше суспільство розвивалось за принципами демократії, гуманізації, гласності, то повинні зрозуміти — це можливо тільки через людину, її рівень освіти і культури. На жаль, в нашому суспільстві розуміння того, що сама ефективна сфера вкладання капіталу — в людину, не було. І отой принцип залишкового фінансування освіти і культури і призвів до серйозної кризи в цій галузі. Це негативно позначається на роботі й нашого інституту.

Скажімо, таке актуальне нині питання, як організація і контроль за самостійною роботою студентів. Навіть при самому доброму розумінні її важливості — на повітрі її не побудуєш. Для цього треба міцним мати відповідні обладнані площі, читальні зали, необхідні якісні підручники, посібники, роздатковий матеріал, досконалі ТЗН. Ні першого — площ в достатній кількості ми не маємо, ні другого — якісних підручників, ТЗН — в країні нема. І це дуже гальмує перебудову навчального процесу. А ще серйозніше гальмує перебудову те, що на сьогодні мало ще зроблено науковцями у виробленні цілісної концепції освіти, яка була б побудована на науковому передбаченні.

Проте успіх реформи вищої освіти залежить сьогодні не тільки від фінансів, матеріально-практичних заходів, а й від змістовної і новаторської інтелектуальної роботи колективу викладачів та студентів. Необхідний конструктивний аналіз всієї сукупності причинно-наслідкових зв'язків і відношень, які обумовлюють потребу існуючих змін в сфері освіти. Необхідні достовірні знання про те, що відбувається, і його проекція в майбутнє.

Ряд нормативних документів керівних органів, що вийшли останнім часом, визначили основні напрями навчально-виховної та медичної роботи колективу інституту. Цими напрямками є: методичне забезпечення перебудови навчально-виховного процесу; організація і контроль самостійної роботи студентів; розгляд і вирішення кадрових питань; розширення демократичних начал участі студентів у самоврядуванні у всіх сферах діяльності в вузу.

Завдання та проблеми, що визначалися цими основними напрямками, стали головними питаннями при обговоренні на засіданнях рад інституту та факультетів, кафедр.

Цілий ряд нововведень було запроваджено згідно нормативних документів та нових навчальних планів і в саму організацію навчального процесу і це, насамперед, — скорочення до певного мінімуму аудиторного навчального навантаження студентів, зміна співвідношення між різними видами навчальних занять на користь практичних та семінарських, запровадження вільного відвідування та 5-денного робочого тижня, введення культурознавчих курсів, інтеграції окремих предметів, нове розуміння методів контролю знань студентів, активний пошук шляхів удосконалення виховної роботи. У зв'язку з цим факультети, кафедри були поставлені в умови необхідності активізації та підвищення ролі методичної роботи, методично-поновому

забезпечення перебудови навчального процесу при відсутності в необхідній кількості підручників, навчально-методичної літератури, навчальних програм тощо.

Виникла гостра потреба терміново поліпшити довідково-бібліографічне обслуговування студентів, створити оптимальні умови для самостійної роботи студентів з книжкою, вести клопітку роботу по навчанню студентів вчитися, зміни характеру роботи навчально-допоміжного персоналу та навчально-методичних кабінетів. Вивчається та популяризується досвід кафедр, викладачів по методичному забезпеченню студентів при організації і проведенні самостійної роботи, форм контролю її. Вирішальною ланкою у здійсненні перебудови є викладач. Якими б досконалими не були навчальні плани, програми лев'яча частка праці по удосконаленню навчального процесу лежить на викладачеві. Його професійний рівень, інтелігентність, вміння дискутувати, спілкуватись один з одним і із студентами - вирішальна ланка в перебудові вузівської освіти.

Перебудова може дати небажані результати, якщо не будуть зростати етичні ідеали, що справжньому інтелігенту мало мати тільки спеціальні знання, він має втілювати в собі риси, які мають бути притаманні інтелігенту — свідомість громадського обов'язку, високий рівень культури, глибока переконаність в доцільності і гуманістичній направленості своєї діяльності.

Якість навчання у вузі повинна оцінюватись успішним вирішенням двоєдиного завдання: поліпшення професійної підготовки і виховання студентів.

ЗМІСТ

Ніжинська гімназія вищих наук (1820—1832) Сторінки історії

- МИХАЛЬСЬКИЙ Е. Н., САМОЙЛЕНКО Г. В.** Основание гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине. 6
- БОБЫРЬ А. В.** Из истории Нежинской и Новгород-Северской гимназии. 35
- МАРЕМПОЛЬСКИЙ В.** Відлуння Ніжинського періоду. 38
- ЯКУБИНА Ю. В.** О преподавании курса словесности в гимназии высших наук князя Безбородко. 40
- МАТЮХОВА Г. А.** Роль педагогики сотрудничества в формировании личностных установок и эстетических идеалов Гоголя-гимназиста. 41
- КРИЧЕВСКАЯ К.** Граф Г. А. Кушелев-Безбородко-издатель и редактор журнала «Русское слово» (1859—1862 гг.). 43
- Ніжинський історико-філологічний інститут. Проблеми розвитку літературознавства, історії та лінгвістики** 45
- БЕЛАЯ А. С.** Из истории лингвистических исследований в Нежинском историко-филологическом институте (Наследие А. С. Будиловича) 48
- ДОВРОДОМОВ И. Г. А. С.** Будилович и проблемы народной школы в дореволюционной России. 50
- СТРЕЛКОВА Н. М.** Вопросы морфологической структуры слова в работе А. С. Будиловича. Анализ составных частей славянских слов с морфологической точки зрения. 51
- ЕВСЕЕВ Ф. Т.** О научной и учебной деятельности Г. А. Ильинского в Нежинском историко-филологическом институте. 52
- АМБОКАДЗЕ Л. С.** Вопросы изучения былин в работах М. Н. Сперанского. 54
- КИРИЧОК Г. А.** М. Н. Сперанский о Гоголе и Нежинской школе. 55
- ДЯТЛОВ В. А.** Научно-педагогическая деятельность В. К. Пискорского в Нежинском историко-филологическом институте. 57
- ПІНЧУК Т. Д.** Педагогіка в Ніжинському історико-філологічному інституті. 59

КОСТЕНКО І. П. Революційно-демократичний рух у Ніжинському історико-філологічному інституті (1805—1807 рр.).	61
ДАНИЛОВ В. В. Воспоминания о Нежинской гимназии конца 19 стол.	
Вихованці Ніжинської вищої школи дореволюційного часу і їх творча спадщина	75
ГУЛАК А. П. П. Г. Редкин и украинская культура (К истории вопроса).	77
СОКОЛЬСЬКА М. Г. Вчений із світовим ім'ям.	78
ЗЕЛЕНЬКО А. С. Ю. Ф. Карський про українськобілорусько-російсько-польську взаємодію.	80
ОЗАРОВСЬКИЙ О. В., ДОЛГОВ Ю. С. Формирование русского литературного языка как совокупности определенных качеств и свойств в концепции Е. Ф. Карского.	81
КОЗАК Р. В., МАРЧУК Л. Н. К вопросу об изучении Е. Ф. Карским синтаксиса древнерусских летописей.	83
КОРЧИЦ М. А. Конструкции с быть в «Белорусах» Е. Ф. Карского: структура, значение, функция.	84
РИНБЕРГ Б. Л. Г. С. Потапов — воспитанник и последователь Нежинского филологического направления.	85
КОЧЕРГАН М. П. Вопросы лексикологии в лингвистическом наследии П. О. Потапова.	87
ВОЛКОВ А. Р. Діяльність Р. М. Волкова на царині української фольклористики.	88
Ніжинська вища школа після революції	91
СМИРНОВ А. А. Профессор Нежинского института В. И. Резанов (1867—1936) как историк литературы.	94
КАРПЕКО А. А. Из воспоминаний о Нежинском институте 20-х годов.	95
БОЙКО О. Д. Здійснення українізації Ніжинського інституту народної освіти (1823—1920 рр.).	102
ТКАЧЕНКО В. В. Краєзнавча діяльність Ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури й мови у 20-х рр.	103
КОВАЛЕНКО А. Б. М. Н. Бережков — историк и краевед.	104

САХНЕНКО Л. О. М. Ф. Даденков — випускник Ніжинського історико-філологічного факультету. 105

СЕРДЮК П. О. Поезією зачаровані (з життя літстудії інституту).

Письменники — випускники Ніжинської вищої школи та їх

творчість 109

МИХЕД П. В. Писатели Нежинской литературной школы в суждениях и оценках В. Г. Белинского. 111

КРИВОНОС В. Ш. Гоголь и традиции древнерусской культуры. 112

ЖАРКЕВИЧ Н. М. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя в литературно-критической интерпретации 50-70-х годов. 113

КОВАЛЕНКО В. Г. Особенности лексического состава повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». 115

СЛЮСАРЬ А. А. Жанровые особенности рассказов «Вечер накануне Ивана Купала» Н. В. Гоголя и «Гробовщик» А. С. Пушкина. 116

МУСИИ В. Б. Изображение казачества в произведениях Н. Гоголя и Н. Кукольника. 117

СЕНЬКО И. М. Функции собственных имен в исторических повестях Гоголя. 118

ЧУМАК Т. М. Фольклорные истоки повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». 120

ДРВАТ Н. Н. Художественное время в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». 122

НЕЩЕРЕТ Е. И. Гиперболизация в повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота». 123

ПЕРЕВЕРЗЕВА Н. А. Некоторые принципы выявления символической образности в прозе Гоголя («Вий»). 124

СИДОРЕНКО В. А. Категория художественного времени в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя. 126

ИВАСЕНКО Л. А., КОЛМОГОРЦЕВА Н. М. Модальная структура текста повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». 127

ДЕНИСОВ В. Д. «Портрет» Н. В. Гоголя и русская повесть о художнике начала 1830-х гг. 128

ДОНЦУ Н. Ф. Метонимия в Петербургских повестях Н. В. Гоголя как закономерный элемент стиля автора.	130
ГОНЧАРОВ С. А. «Внешний» и «внутренний» человек Н. В. Гоголя и философия Г. Сковороды (Эстетика слова и моральная философия).	131
КЛЫПА Н. И. Изобразительные функции сложных субстантивных словосочетаний в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».	133 ✓
БУКАРЕВА А. Н. Использование и функции деепричастий и деепричастных оборотов в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».	135
КРИВОШЕИ Н. И. Антропонимы в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».	136 ✓
ЖИВОГЛЯДОВ А. А. Образная реконструкция ономастикона гоголевских произведений.	138 ✓
ВОЛКОВА Л. П. Сколько главных героев в комедиях Гоголя?	139 ✓
ГЕТМАН И. М., КУЗЬМИНА А. И. Художественные произведения Н. В. Гоголя как прецедентные тексты.	141
ГЕТМАН Л. И. Особенности гоголевских заголовков.	143
ШАПОВАЛОВА Л. И. Прагматические номинации адресата речи в произведениях Н. В. Гоголя.	144
МЕЛЬНИЧЕНКО О. Г. Жест в творчестве Н. В. Гоголя.	145
МАЕВСКАЯ Т. П. Гоголь-гимназист в «Путимце» Н. С. Лескова.	147
СИДОРЕНКО О. О. До проблеми виховання особистості у прозі Гоголя, Куліша, Панаса Мирного.	148
ОЛИНИК В. М. М. В. Гоголь і М. П. Драгоманов.	149
ЧЕРНИКОВ И. Н. Мережковский и Гоголь.	150
ДОМАНСКИЙ В. А. Гоголевские традиции в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».	152
ЯБЛОКОВ Е. А. Традиции Н. В. Гоголя и творчество А. П. Платонова («Мертвые души» и «Чевенгур»).	153
ЛЮКОМОВИЧ Т. Б. Гоголевские традиции в трилогии Явуба Коласа «На Росстанях».	154
ШОШУРА С. Н. Гоголевские традиции в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» (мотив возмездия).	155
ЧЕРНОВ Б. А. География в жизни и творчестве Н. В. Гоголя.	156

ПЕТРОВСКАЯ С. С., ЧЕРНИКОВ И. Н. «Драматическая фантазия» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо»: жанровые и стилистические особенности.	158
АРКАДЬЕВА Т. Г. Специфика семантического объема слова в исторической прозе Н. Кукольника.	159
ГРЯЗНОВА А. Т. Лексико-семантическая организация текста повести Н. В. Кукольника «Психея».	160
ПРОНИЧЕВ В. П. О синтаксических конструкциях, передающих особенности разговорной речи, в драматических произведениях Н. Кукольника.	162
ВОЛОГАЙ М. П. Образность разговорных фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Кукольника).	163
КОБЕРНЮК П. М., КОБЕРНЮК Т. Г., Є. П. Гребінка у боротьбі за народну освіту.	164
ЖУРАВЛЬОВА Н. М. Є. П. Гребінка і питання розвитку української мови.	166
МІХНО О. А. Євген Гребінка у сучасній йому критиці.	167
Неділько Г. Я. Образ Богдана Хмельницького у поемі Є. Гребінки «Богдан» і в творах Т. Шевченка.	169
МОСТОВА Л. Б. Фольклорні мотиви в творчості Є. П. Гребінки.	170
БЕЛОУСОВА Н. К. Є. П. Гребінка и Д. В. Григорович.	172
НАГОРНАЯ Н. М. Є. П. Гребенка и Ф. М. Достоевский («Петербургская сторона» и «Петербургская летопись»).	173
ОХРИМЕНКО О. М. Фольклоризм поезії В. Забіли.	174
МОЗОЛЮК О. М. Народнописенні елементи в поезії Віктора Забіли.	175
КАЛАШНИК В. С., САВЧЕНКО Л. Г. Мовностилістичні особливості лірики Віктора Забіли.	176
ЧУГУЙ О. П. Драматургічні елементи в ліриці В. Забіли.	177
МИХЕД Т. В. Жанровые особенности повестей Я. де Бальмена	178
СЕРЕДА В. Т. Фольклорні джерела стилю українських поезій	
О. Афанасьєва-Чужбинського.	179
МУЖЕЛОВСЬКА Л. В. Народнописенні джерела поезій О. Афанасьєва-Чужбинського.	180

СТАЄЄВА В. І. Роль Л. І. Глібова в розвитку й поширенні українського слова (до історії видання «Черниговского листка»)	182
МАЙБОРОДА А. В. До проблеми категорії «образу автора» в байках Леоніда Івановича Глібова.	184
ІЛЛЯШЕНКО М. А., СІРИК В. М. Функціонування прислів'їв та приказок у байках Л. І. Глібова.	185
НЕДІЛЬКО О. Д. Лексико-семантичні особливості мови байок Л. Глібова.	186
МІХАЛЬЧУК Т. Р. Францішак Багушэвіч аб нацыянальнай мсве.	189
ПРАШКОВИЧ Л. И. К вопросу о языке и стиле поэзии Ф. Богушевича.	189
ИВАНОВ В. П. Особенности языка Францишка Богушевича.	190
ОЛЕХНОВИЧ Н. Н. Фразеология Ф. Богушевича в системе белорусского языка.	191
АСТАФ'ЄВ О. Г. Образ автора в циклі Ф. Богушевича «Песні».	193
КУЛИКОВА З. М. М. В. Гербель — перекладач і популяризатор творів українських письменників.	194
Костюк Б. О. М. В. Гербель і перші переклади Т. Г. Шевченка на болгарську мову.	185
ГОРИСЛАВЕЦЬ В. І. Франко та О. Кониський.	196
ГАДЗИНСЬКИЙ О. Є. Вплив поезики неокласиків на творчість М. Сайка.	198
БУДІВСЬКИЙ П. О., ПІНЧУК Т. С. Роман Юрія Збанацького «Червопа роса» з огляду композиції.	199
КОБИЛЯНСЬКА М. Ф. КОБИЛЯНСЬКИЙ І. Ю. Парцельовані конструкції у мові творів Ю. Збанацького.	200
КОЧЕРГАН Ю. Ф. Образ природи і тема любові до рідної землі в художньому мисленні Є. Гуцала.	201
МИСЛИВЕЦЬ Н. М. Комічне у трилогії Євгена Гуцала «Позичений чоловік», «Приватне життя феномена», «Парад планет».	202
КОВАЛЬЧУК О. Г. Роман Є. Гуцала «Позичений чоловік» у контексті стильового розвитку української прози 70-х років.	204
ВІНЯР Г. М. Позасловникова лексика та способи її творення Є. Гуцала.	205

КОЛОМІЄЦЬ Л. І., ШЕЛЕМЕХА Г. М. Способи створення зорового образу в новелах Є. П. Гуцала.	200
БОЙКО В. М. Особливості функціонування фразеологічних одиниць у творах Євгена Гуцала.	207
ВЕРБИЦЬКА О. А. До специфіки створення образної мови Євгена Гуцала.	208
СІКОРСЬКА З. С., Терновська Т. П. Лінгвостилістичний аналіз новели Є. Гуцала «Пісня про мить».	209
КРУТИУС В. П. Таїсія Шаповаленко: початок творчого шляху.	210
ПУГАЧ В. М. Про деякі особливості вживання предикативних форм на -но (-ено), -то у творах молодих письменників Чернігівщини.	211
АРВАТ Ф. С. Ніжинський педагогічний інститут і перебудова.	212

В сборнике определяется роль и место Нежинской высшей школы в развитии науки, культуры и литературы (анализируются произведения писателей Н. Гоголя, Н. Кукольника, Е. Гребенки, В. Забьлы, Л. Глибова, Ф. Богушевича, Ю. Збанацкого и других выпускников этого учебного заведения).

Литература и культура Полесья: Нежинская высшая школа. Вып. 1. (Отв. ред. и составитель Г. В. Самойленко. — Нежин: НГПИ, 1990. — с

Здано в набір 17.07.90 р. Підписано до друку 21.08.90 р. Друк високий. Формат видання 60x84^{1/16}. Умовн. друк. арк. 13,1 Умовн. краско-відбиг. 26.2. Гарнітура новогазетна. Зам. 2986. т. 500 Безкоштовно.

Ніжинська міська друкарня Чернігівського політграфвидаву.
251200, м. Ніжин, вул. Радянська, 3-А.